

Nekomonogatari (Black)

Аннотация

История, приключившаяся с Арараги Коёми и Ханекавой Цубасой сразу после событий Kizumonogatari.

Семья Цубасы

Я от души дурачился с Ханекавой Цубасой на Золотой Неделе, которую теперь буду часто вспоминать. Я собираюсь вспомнить те горькие, кислые, и, в какой-то степени, даже кисло-сладкие моменты. Но если бы я мог, я бы хотел забыть эти отливающих золотом девять дней.

Ханекава Цубаса. Семнадцать лет. Самка. Учится в третьем классе старшей школы. Староста класса. Отличница. Косы и чёлка. Носит очки. Серьёзная до неприличия. Боже мой. Очень заметная. Добра ко всем. Однако я и не мечтаю о том, чтобы описать эту исключительную девушку понятным языком. Да, если вы не общались с ней, если вы не были рядом с ней, вы не поймёте. Это нельзя выразить словами. По правде, если вы хотите рассказать о девушке по имени Ханекава Цубаса, вам нужно научиться говорить на языке богов.

Или демонов.

Поэтому, откровенно говоря, честно, от всей души сообщаю: мне жаль. Даже если я расскажу всё о том, что случилось на Золотой Неделе, от начала до конца, ничего не пропуская, правду о тех девяти кошмарных днях или максимально приближусь к правде о девяти кошмарных днях, никто не поймёт. Так что с самого начала я сдаюсь. Отрекаясь от ответственности за изложение, я являюсь воплощением смирения.

Я вовсе не намерен передавать мои мысли кому-то другому.

Только...

Просто — откровенно.

Я хочу проговорить монолог о Ханекаве Цубасе, моей спасительнице и подруге.

Возможно, это бессмысленно.

Наверняка бесполезно.

Для всех, и для меня тоже, это бессмысленно и бесполезно.

Абсолютно.

Если я взгляну с точки зрения Сендзёгахары Хитаги или Канбару Суруги, которых встретил позже, — если я взгляну с точки зрения девушек, наделённых силой идти на жертвы ради своей цели, которые не пожалеют себя, которые не колеблясь раздавят собственные глазные яблоки, если того потребует ситуация, нет сомнений, что моя нынешняя попытка вернуть старые добрые деньки покажется стерильным, пустым и ностальгическим взглядом назад, заслуживающим даже не осуждения, а лишь насмешки.

Люди должны жить, глядя вперёд, если не позитивно, то хотя бы активно, даже если им нечем похвастаться, они всё равно должны жить полноценной жизнью — таковы ценности этих сильных и в то же время нежных девушек.

Нормально, если она некрасива.

Нормально быть грубой.

Нормально быть жадной.

У меня другие ценности.

Я иной.

Слабый, хрупкий и вдобавок неумелый Арараги Коёми — иной.

Такой псевдочеловек, слабый и жалкий, который, не посмотрев не то что влево и вправо, но ещё и назад, даже дорогу не перейдёт, отличается от этих девушек.

Ханекава на моей стороне.

Судьба соединила нас.

Должен сказать, это удивительно.

Должен сказать, я этого и желал.

Хотя сама мысль о том, чтобы соединить великолепную девушку, чей разум в какой-то степени превосходит человеческий, и меня звучит потрясающе, после того, как Золотая Неделя закончилась, единственное впечатление, бесконечно близко подходящее к морали, было именно таким. Морали, похожей на слова мошенника, но являющейся неоспоримым фактом, с которым ничего не поделаешь.

И если ничего не поделаешь, я сдаюсь.

Общее между мной и ней.

Нечто общее между Арараги Коёми и Ханекавой Цубасой.

Это одинаковый кусочек в сердце.

Теперь я понимаю — когда закончилась Золотая Неделя и начался второй семестр, теперь, так поздно, испытывая чудовищную боль, я вижу ответ.

Он мне до боли понятен.

Почему Ханекава Цубаса звала меня.

Почему Ханекава Цубаса встретилась со мной.

Почему Ханекава Цубаса спасла меня.

Однако, как и следовало ожидать, слова вроде «теперь я понял», «я понял слишком поздно» означают, что теперь я ничего не могу сделать. Прошлого не вернетишь. Что сделано то сделано. Пути назад нет.

Если бы я заметил, пусть даже не сразу, но хотя бы к началу Золотой Недели, обстоятельства, в которых она жила, возможно, что-то и получилось бы.

Слабые и хрупкие мы.

Что-то образовалось между нами.

В конечном счёте, это просто монолог, который я произношу в классе после школы, сидя на обычном стуле. Сочинение-воспоминание, написанное в стандартной форме списка.

Письма сожаления, выцарапанные неаккуратным почерком на парте прямо перед выпуском.

Я вспоминаю, но я ни о чём не жалею. Я не смею бросаться столь красивыми словами.

Я вспоминаю и я сожалею.

Я хочу забыть обо всём и хочу переделать то, что могу.

Золотая неделя для меня была раздражающе неизбежна. Почему всё не могло получиться лучше?

Почему, почему, почему? Бесит настолько, что если бы не моё бессмертное тело, я бы захотел умереть. Я бы рыдал от злости, и даже теперь я вижу её в своих снах.

В своих кошмарах.

Ханекава Цубаса.

Девушка с перьями странной формы¹.

Хронологически эти события произошли через месяц после того, как я побывал в аду на Земле во время весенних каникул между вторым и третьим учебными годами — в современной Японии на меня напал вампир. Очень романтичный опыт для глупого меня, который как-то смог вернуться к повседневной жизни, продолжая бороться с побочными эффектами. Ханекава ошибочно приняла меня за старомодного хулигана, и хитростью заставила стать помощником старосты. Я не помню, случилось ли это, когда я всё ещё волновался о том, как мне приблизиться к ней, или когда я уже научился мириться с этим. В любом случае, это случилось тогда.

Её очаровала кошка.

Кошка.

Хищное млекопитающее из семейства кошачьих.

Поэтому с той Золотой Недели я недолюбливаю кошек.

Кошки меня пугают.

И... Ханекава меня пугает не меньше.

Предисловие получилось несколько длинным, но торопиться не нужно. Времени после уроков появляется на удивление много.

А теперь извольте послушать сон, который я видел прошлой ночью.

Примечания

1. Кандзи имени Цубасы: «перо — река — крыло». Кандзи «перо» и «крыло» вместе образуют слово «помощь».

Послесловие, или лучше сказать, кульминация.

На следующий день меня, как всегда, выгнали из кровати две мои сестры, Карен и Цукихи. Им было всё равно, обычный сегодня день, суббота, воскресенье, или праздник. И в самой меньшей степени их волновало то, что 29 апреля — это первый день Золотой Недели. Они меня разбудили. Мне хотелось сказать им, что даже совам вроде них должно быть сложно так рано встать. Такая честь оказывалась не из-за заботы о моём жизненном цикле, а, скорее всего, чтобы показать их силу. Стоило бы назвать это демонстрацией вооружения, чем-то вроде домашней войны за влияние.

Кстати, насчёт того, как меня будят сёстры. Я никогда подробно не рассказывал об этом во многом потому, что это не стоит упоминания.

В аниме-версии две сестры изобрели множество способов будить меня, например: бросали с лестницы, удерживали в верблюжьем захвате¹, применяли на мне Киннику Драйвер, но давайте назовём это телевизионным преувеличением. Мне жаль разрушать ваши иллюзии, но, к сожалению, в реальности не существует милых сестёр, которые творят такое.

Не скажу про другие семьи, но в моём доме Карен и Цукихи просто зовут меня нежными голосами:

— Как долго ты ещё собираешься спать, просы...

— Ты снова засыпаешь? Умри.

Лом вонзился в мою подушку.

— О-о-ой!

Я успел отпрыгнуть.

Точнее, не совсем успел — клочок моих волос пал смертью храбрых.

Вместе с этим клочком наконечник лома пронзил подушку.

Взрыв перьев.

Казалось, что к нам снизошёл ангел. Я подумал, что умер, но, как подсказало моё бьющееся со скоростью 32 удара в минуту сердце, я всё ещё был жив.

Я осмотрелся.

Моя сестра, ученица второго класса средней школы, Арараги Цукихи, одетая в юката, с дьявольским лицом пыталась вытащить лом, который, похоже, пробил не только подушку, но и кровать под ней.

Что-то похожее на лом.

Нет, в самом деле лом.

Лучший лом в мире.

— Цу...Цукихи?! Что ты творишь?! Ты хочешь убить своего брата?!

— Брат, который просыпается и снова засыпает, должен умереть. Не знаю, как ты можешь спать после того, как я и Карен разбудили тебя. Просто умри, умри, умри.

— У тебя с самого начала крыша поехала?!

Как это вообще соотносится с предыдущим томом?!

— Я не выделялась по сравнению с другими персонажами, так что пробую стать яндере.

— Яндере — в смысле больной на голову?

— Но, брат, если ты смог увернуться, значит, ты лишь прикидывался соней.

— Вообще-то, я крепко спал...

Похоже, даже во сне люди удивительно хорошо реагируют на опасность.

Считается, что мы — эволюционный тупик, но у нас ещё есть потенциал.

— Тебя волнует твой персонаж? Ты что, во втором классе средней школы?

— Я учусь во втором классе средней школы.

— Да ну?

Ну, не мне говорить об учениках средней школы. Нет, скорее, наоборот, я должен говорить о них из-за своего опыта.

— В любом случае, прекрати. Просто будь сестрой, которая приходит будить меня рано утром, на этом закончим.

— Как будто я какая-то героиня второго плана.

«Нет, спасибо», — говорит она.

Ну, никто не захочет быть довеском к старшему брату.

— Я бы хотела быть таким запоминающимся персонажем, как Карен. Это высшая форма младшей сестры.

— Она не высшая форма, она «стань такой, и с тобой покончено»-форма. Слушай, я всё ещё рассчитываю на тебя. Потерпи, и сможешь стать приличным персонажем.

— Я стремлюсь стать хорошим персонажем-младшей сестрой.

— Верно.

Конечно, никто не заметит, что в тот момент, когда ты захочешь стать «персонажем — младшей сестрой», приличным персонажем ты быть прекращаешь.

— А точнее, тебе стоит стремиться к образу Мариллы из «Аня из зелёных мезонинов».

— Мариллы?

— Спокойно, — ответил я голосом Мэтью.

Я только проснулся.

— Нет, серьёзно, Марилла — настоящая идеальная младшая сестра. Я хотел бы такую сестру. Она — цундере из цундере. «Я хотела мальчика! Девочка нам не нужна!» Но в итоге, для Ани она стала дерedere.

— А, цундере в исходном смысле слова.

— Она цундере даже в современном смысле. Даже когда она стала дере для Ани, её язычок остался всё таким же острым, она просто супермоз.

— Брат, ты вот так читал «Аня из зелёных мезонинов»?

— Да. Когда я это читал, в голове сейю Мариллы была Кугимия Рие-сан.

— Не переходи на личности.

«А сколько Марилле лет?» — спрашивает Цукихи..

Какая дурочка, не понимает.

Младшие сёстры расцветают в пятнадцать лет.

— А если подумать, то больше всего выиграл Мэтью. Он долго жил с сестрой и воспитал не связанную с ним по крови девочку с косичками. Он превзошёл Синдзи-куна, идола всех мрачных затворников.

— Не говори о Мэтью так, будто он какой-то мрачный затворник...

— Эпизоды вроде того, когда он пошёл покупать Ане подарок на Рождество, доводили меня до слёз. Я его так понимал. Я... Я подумал, однажды тебе это может пригодиться.

Я точно вспомнил ту знаменитую книгу.

— Так вот, Цукихи, будь такой же. Если у тебя получится, мы сможем прожить до глубокой старости в будущих Зелёных Мезонинах.

— Братик, это практически предложение руки и сердца.

— О, это не предложение, это полонез.

— Свадебный танец?!

«О боже, как же теперь я смогу читать «Аня из зелёных мезонинов», — Цукихи схватила за голову.

Какая беспокойная сестра. Я слегка пожал плечами, встал с постели и начал раздеваться.

Конечно, я не собирался делать ничего пошлого, просто переоделся из пижамы в домашнюю одежду.

— Хм. А где Карен-тян?

— Что?

Я повернулся к Цукихи, которая, исполнив свой долг будильника, развалилась у меня на постели.

До Мариллы ей далеко. И, похоже, вытащить лом она уже не пытается.

А значит, мне это только предстоит.

Может, если я выйду из комнаты, то когда я вернусь, всё станет как было, как в игре.

Но должен сказать, что катающаяся по кровати Цукихи, которая не думает о том, насколько открывается её юката, напоминает гусеницу бражника.

Я назову её сесжником.

— Брат. Не придумывай сестре неприличных прозвищ.

— Не читай слова автора. И вообще, отвечай на вопрос. Я спрашиваю, что случилось с твоей заметной сестрой, которая выросла выше меня и которая всегда рядом с тобой, будто у вас одна душа на двоих. Где носит эту хвостатую?

— Она вышла пробежаться.

— Пробежаться? В смысле, она бежит? Вот это новость. Она не из тех, кто занимается подобным.

— Сегодня особенный день. Карен-тян сказала, что она празднует начало Золотой Недели.

— И как же она празднует?

— Думаю, она воображает себя одним из бегунов, несущих Олимпийский огонь.

— Понятно. Даже сегодня она не перестаёт быть душой.

— Наверное, она перепутала Золотую Неделю и Олимпийские игры.

— А. Она перепутала слова, у которых совпадает только первая буква². Глупость вполне в её духе.

Как трогательно.

Понятно, так вот почему во второй раз Цукихи пришла будить меня одна.

Они вдвоём пришли ко мне, пока я маялся утренним бездельем (это примерно час назад было), но Цукихи насквозь видела моё намерение дожидаться их ухода и снова заснуть, и потому решила второй раз разбудить меня в одиночку.

Так вот откуда лом, ха.

Ее одну куда отпускать нельзя.

Если сравнивать Карен и Цукихи, жестокой будет Карен, чьё призвание — боевые искусства, но опасной Цукихи, которая не знает, когда остановиться.

— А. В любом случае, сегодня первый день Золотой Недели. Ничего хорошего в этом нет.

— Ты неожиданно пессимистичен с самого первого дня, брат.

29 апреля, суббота.

День зелени.

— Ещё и девяти часов Золотой Недели не прошло.

— Профессионалы вроде меня могут понять общий исход по девяти часам.

— Будь то национальный праздник, день какого-либо события или воскресенье, ты их все ненавидишь. Ты любитель трудовых будней.

— В каком смысле?

Звучит уныло.

Ничего не чувствую.

Хотя я и правда скучный.

— Не то чтобы я ненавидел их. Я их просто не переносу.

— Это одно и то же.

— Нет.

Я считаю, что «ненавидеть» и «не выносить» — это разные вещи.

Хотя, если она говорит мне, что это одно и то же, то так оно, наверное, и есть.

Когда-то я сказал, что смотрю в прошлое, но ни о чём не жалею, но кто-то возразил, что смотреть в прошлое и сожалеть — это одно и то же, и, в общем, я не знаю, с чего мне начать свой ответ.

— В любом случае, оттого, что Золотая Неделя — это Золотая Неделя, жизнь лучше не станет.

Утро наступило как обычно, мои сёстры пришли меня будить как обычно, мои ногти растут как обычно, я не расту — как обычно.

— Действительно. Тебе просто не нужно идти в школу, вот и всё.

— Люди не прекращают воевать, и нет конца бесчисленным предательствам и лжи.

— Э? Увеличили масштаб?

— Несомненно, сегодня кто-то умрёт. Так почему мы об этом забываем и празднуем?! Готовьтесь к трауру!

— Брат, на что ты злишься и почему?

Сестра и правда удивилась брату, которого взбесили каникулы (потому что я не отдыхаю) из-за того, что он не знал, что делать со свободным временем.

Я понимаю её чувства.

Однако я всё больше втягивался, поэтому продолжил. Я не из тех братьев, кто думают о своих сёстрах.

— Я всегда в трауре. Я никому не дарю даже новогодних открыток.

— Разве это не потому, что тебе некому их дарить?

— Не говори так, будто ты знаешь! Что ты вообще обо мне знаешь?!

— По крайней мере, я знаю, сколько новогодних открыток ты получаешь каждый год.

— А, да.

— Точнее, я знаю, сколько новогодних открыток ты не получаешь.

— А, верно.

Став старшеклассником, я стал получать намного меньше новогодних открыток. Мне их не дарит даже тот парень, который шлёт их всем одноклассникам. Другими словами, дело не в настроении. Я в трауре круглый год.

— А, понятно. Ты ненавидишь праздники, потому что тебе не с кем играть. Вот это новость.

— Ты заметила то, чего лучше бы не замечать.

Цукихи смотрела на своего настоящего брата глазами, полными неподдельного сочувствия. Кстати, у Цукихи (и Карен) есть столько друзей, что количество посылаемых им открыток измеряется сотнями, и это становится испытанием для нашего кошелька и почтового ящика. Мы родственники в крайностях.

Сложно найти центр масс.

— В любом случае национальные праздники в смысле времени суток ничем не отличаются от будних дней. Неважно, как много ты мечтаешь, реальность не изменится. Даже если забыть о личных причинах, к лучшему ничто не изменится. Обычная повседневная жизнь, почему мы называем её Золотой Неделей? В каком месте она золотая? «Над пропастью во ржи» — но тут загоны Холдена. Утро наступило как всегда, сёстры пришли меня будить как всегда, ногти растут как всегда, я не расту — как всегда, люди не прекращают воевать, и нет конца бесчисленным предательствам и лжи. И твои трусики белые. Как всегда.

— Не говори про мои трусики.

Ответ Цукихи предполагал, что юная леди смутилась, но она училась во втором классе средней школы, в эпицентре полового созревания, и её абсолютно не волновало то, что тело под кромкой юката было обнажено и прекрасно видно.

Это не то что одно плечо на виду — тут оба плеча голые³.

Она не стеснялась пользоваться своей одеждой.

Также делала и Карен, но она была сестрой, крушившей идеальных женщин тысячекратными тренировками.

— Грегору Замзе⁴ понравилось бы. Однажды утром он проснулся насекомым. Какое превращение. С такой младшей сестрой я не могу ему не завидовать. Эй, сесжник...

— Не пытайся привить неприличное прозвище.

— Хм.

Ладно.

В то же время, если сравнить превращение в насекомое с превращением в вампира, я не могу просто завидовать Замзе-сану.

Понятно.

С тех пор прошёл уже месяц.

Так много всего случилось — вообще, сейчас не лучший момент для взгляда в прошлое, как будто взятого из концовки, однако, если я внезапно обернусь, то буду удивлён.

То, что случилось на весенних каникулах, произвело на меня незабываемое впечатление, столь сильное, что мне казалось, будто эти две недели стали кульминацией моей жизни.

Если есть вершина моей жизни, то ей были весенние каникулы.

Потому я удивился бы.

Тому, что весенние каникулы закончились, а моя жизнь продолжилась.

Всё дальше и дальше, целую вечность.

Она продолжалась.

Мне говорили, что жизнь не игра — в ней нет перезагрузки, но как по мне, жизнь не игра, потому что она не заканчивается.

В последнее время стали появляться игры без конца, вроде сетевых игр, но я бы сказал, что это игры напоминают жизнь, а не наоборот.

В любом случае, пока ты не умер — жизнь продолжается.

Не заиграет эндинг, не появятся титры.

Я стал старшеклассником.

Я стал балбесом.

У меня не было друзей.

Я стал вампиром.

Я снова стал человеком.

И жизнь продолжилась.

В продолжении сила.

Или возможно, продолжение — это отсутствие силы.

— Они даже называли эту неделю Золотой. Я бы посоветовал людям не глотать всё, что выдаёт из себя киноиндустрия. Вам стоило бы постыдиться.

— Хочешь дать совет?

— Хочу её приостановить.

— Хочешь её остановить?

— В ней нет ничего хорошего. Кстати об остановках, пресса и издательства ушли в отпуска, так что я должен продолжать книгу.

— Почему мой брат начал говорить так, будто он работает в издательстве?

— Это все из-за Золотой Недели — книги, которые должны были выйти в апреле, появляются на прилавках в июле.

— Какой непробиваемый пример.

Кстати говоря, помимо издательств, у многих профессий нет выходных даже на Золотой Неделе. Поэтому, например, одна национальная телекомпания не использует заметное и блестящее название «Золотая Неделя», а просто называет её длинными выходными.

В любом случае, не отдохнуть.

— Кстати о бизнесе. Рождество и День Святого Валентина такие же. Не знаю, откуда возник Белый День. У него есть свой святой, вроде Иисуса Христа или Святого Валентина?

— Я так не думаю.

— Тогда это не белый день, это белая ложь.

— Хм?

Она озадаченно наклонила голову.

Я подумал, что сбил её с толку, но все было совсем не так.

— Повторюсь. Золотая Неделя с любой точки зрения — преувеличение. Золотые последовательные выходные. Длина зависит от того, куда попадут суббота и воскресенье, так почему их сравнивают с одним из самых стабильных веществ на Земле?

— Не думаю, что стоит так углубляться. Но называть её золотой, наверное, и правда глупо.

— Скажи, о чём ты сейчас думаешь?

— Не превращайся в короля Искажений⁵.

«Хватит уже крутых цитат», — укорила меня сестра.

Я глубоко задумался.

— Золотые последовательные выходные, как будто надо радоваться последовательным выходным. Конечно, раньше последовательные выходные раз в году могли казаться необычными, но сейчас у нас даже Счастливый Понедельник⁶ есть.

Кстати, в издательском мире он называется Несчастливый Понедельник — в мире бизнеса, где мечтают об исчезновении даже обычных выходных.

— Даже если отбросить мою ненависть к праздникам, я не считаю, что она оправдывает своё имя.

— Эм. Это не столько оправдание имени, сколько имидж. Сделать так, чтобы всем казалось, будто это приятное событие. Это не очень сильный эффект, но людям нравится такое название. Ты в курсе? Гренландия — остров, на котором нет ничего, кроме ледяной тундры, но власти хотели, чтобы люди приезжали туда, так что назвали её Гренландией, как будто там повсюду зелень.

— Не недооценивай своего брата. Даже я об этом знаю. И не только об этом. Столица называлась Готхоб, Надежда Бога.

— Да, да. А сейчас она называется Нуук.

Брат и сестра делали вид, что ладят друг с другом, но на самом деле за их улыбками скрывалось напряжённое сражение.

Хотя, в конечном счёте, победу одержала Цукихи:

— Кстати, Гренландия входит в состав Дании.

Я проиграл.

Серьёзно?

В состав Дании?

Как на неё ни глянь, в чём-то она будет выделяться.

Если бы спор был не о мелочах, а об общих знаниях, я всё равно был обречен на провал.

— Мы начали о Дне Зелени, а закончили Гренландией.

— Ты что-то перепутал. 29 апреля теперь называется днём Сева. А День Зелени — это 4 мая.

— Да? Разве это не национальный праздник?

— Именно так.

— Всё течёт, всё меняется. Я даже не знаю, какой сейчас год. Аналоговое телевидение ещё не умерло? В любом случае, ты права, Золотая Неделя не столько оправдывает своё имя, сколько пиарит его ради себя. Да даже Японию называть «Страной восходящего солнца» — это

перебор. Обычная дальневосточная островная страна. Люди всегда думают только об имидже. Однако неважно, оправдывает ли она своё имя, в конечном счёте, это все равно кот в мешке. Я думаю, правильнее было бы поступать как один телеканал и называть её длинными выходными. Конечно, если за эти девять дней трусики Цукихи станут блестяще-золотыми, то я признаю свою неправоту.

— Я не ношу столь безвкусные трусики.

— Они белые, хе-хе.

— Белые, — сказала Цукихи, и потом подняла нижний край своего юката, демонстрируя то, что и так с самого начала было видно.

Поступок извращенца.

Хотя после того, как сестра после ванны разгуливает по дому в одном белье, я уже ничего не чувствую.

Как будто смотрю на кусок ткани.

Однако я подумал, что современный брат не должен вести себя так, будто ему трудно угодить, поэтому изо всех сил захлопал в ладоши и громко её похвалил.

— Ура! Трусики сестры — лучшие в мире!

— Ух ты, спасибо! — присоединилась ко мне Цукихи.

Что за парочка.

Я посчитал это крайне сомнительной темой, но Цукихи без колебаний продолжала разговор.

— Действительно, трусики должны быть белыми. Лично я считаю, что если они не белые, то и трусиками их назвать нельзя.

— О. Вот это настрой. Начинается наш разговор о трусиках на целый разворот.

— Точно. Дорогие читатели, пожалуйста, не пропускайте эту часть.

Поскольку беседа до этого момента была неудовлетворительной, Цукихи успела добавить замечание:

— Я не только о трусиках говорю. Я думаю, и лифчики, и всё остальное бельё должно быть белым, брат.

— Угу. А ты и правда собираешься наговорить на разворот.

Ничего не поделаешь. Я подыграю тебе.

Я приготовился.

Поскольку мы всё ещё разговаривали, моё переодевание остановилось на полпути. Я надел нижнюю часть, но выше бёдер на мне ничего не было. Так что я растянул мышцы, сплетя пальцы за спиной, поднимая руки вверх и вниз и поворачивая плечи влево и вправо, а затем сел, скрестив ноги.

А теперь скажу откровенно:

— Цукихи-тян, мне очень жаль встречать, когда ты так завелась, но я не могу признать твою правоту.

— Хм. То есть ты мой враг.

— Да будет так. Однако именем моим будет Страшивник.

Поскольку я общаюсь с сестрой, я могу пользоваться словами, которые и не круты, и не смешны. Я бы хотел, чтобы вы учли также и то, что я только что проснулся, и закрыли на это глаза.

Или возможно, не смотрели на меня вовсе.

— Другими словами, Страшный Противник.

— Не пойми меня неправильно. Я не говорю, что белое бельё — это плохо. Более того, я рад ему. Двери Арараги Коёми для трусиков всегда открыты. Просто в цветах нужно разнообразие. Если есть цвета, ими нужно пользоваться, потому что иначе их бы не называли цветами. Если бы все носили одинаковое бельё, разве мир не стал бы ужасным местом? Однако я не это хотел сказать.

— Цветастость, быть может, однажды спасёт мир — да, так и будет. Однако я не это хотела сказать.

«Я не запрещаю другие цвета», — сказала Цукихи.

Похоже, у неё тоже было своё личное мнение, основанное не только на капризе. В отношении японской одежды её вкусы очень предвзяты, но в глубине души она модница, лидер всех модниц средней школы. Видимо, у неё есть и навязчивая идея в отношении белья.

— Я просто считаю, что среди всех цветов белый является высшим. Если бы существовала цветовая иерархия, то белый был бы на вершине. Я бы даже хотела изменить слово рейтинг на «побелка». Топ-побелка этой недели.

— Хм... в вопросах высшего цвета соперником белого будет чёрный, однако я могу понять, почему люди не хотят красить всё в тёмный цвет.

Если кто-то присоединился к нам только сейчас, он может подумать, что слушает серьёзный диалог между двумя искусствоведами, но на деле мы обсуждали трусики.

Разговор о трусиках.

— И еще кое-что, Цукихи-тян, я думаю пора выступить против преобладающего мнения.

— Какого?

— Чёрное бельё ни разу не эротично.

— Верно!

Дай пять.

Достигнуто взаимопонимание с сестрой в вопросах белья.

— Ура!

— Есть!

Культурная беседа о вкусах.

Можно даже добавить её в культурное наследие.

— Я говорил об оправдании своего имени. Кстати говоря, даже с цветами связаны разные имиджи.

— Разные⁷.

— Прекрати, не цепляйся к словам.

Сказав это, я вспомнил, что чуть раньше Цукихи умело избежала повтора, сказав «много цветов». Она умна.

— Существуют холодные и тёплые цвета. Если покрасить железную гирю в белый, она покажется легче, и так далее.

— Ты неправ. Белый — цвет серьёзности, чистоты и невинности.

Цукихи вернула беседу в нужное русло, когда она почти ушла в сторону. Она весьма наблюдательна. В любом случае, думаю, исходная тема была не очень-то и важна.

— Посмотри на меня, брат, — сказала Цукихи, а затем развязала пояс и сняла свою юката. Она продемонстрировала не только трусики, но и лифчик, сложила юката в сторонке и повернулась ко мне. Я заметил, что не только трусики и лифчик, но и носки были одинаково белыми. Абсолютное соответствие.

А затем Арааги Цукихи встала на колени.

— Ну как? Я кажусь серьёзной, чистой и невинной?

— Нет, ты кажешься безалаберной, пошлой и грязной...

Если ты неосторожно примешь такую позу, из тебя сделают фигурку.

Поза станет основой для Ненпути⁸.

А если фоном взять лом, торчащий из подушки, то получится картина, переполненная непристойностью.

— Разве это не потому, что у тебя есть предубеждения против меня, как личности? Смотри, я спрячу лицо, сотру личность и стану анонимом!

Цукихи закрыла половину лица пальцами правой руки.

Похоже на полоску со словом «цензура».

Она позировала в таком виде.

— ...

Теперь она выглядит ещё непристойнее.

Она правда дура.

У неё правда должны быть хорошие оценки в школе.

Она должна быть круглой отличницей.

Но, похоже, оценки — лишь одна из составляющих ума. Если вот такой человек будет получать хорошие оценки, её одноклассники потеряют всякое желание учиться.

— Должна сказать, эти твои полосатые трусы похожи на тюремную форму. Если подумать, не из-за безнравственности ли они полосатые?

— Это кто тут безнравственный!

Я волновался за состояние мозга моей сестры, но если подумать, я сам сейчас сижу в одном белье.

Я сказал, что на мне надета нижняя часть, но я не говорил, что я надел штаны!

Скажем так, это пример шутки, построенной на описании.

Пример настоящей тайны.

Арараги Коёми.

— Если уж ты мне их показываешь, твои трусы должны быть белыми, или я тебя неправильно пойму.

— Да неважно, белые они или полосатые, если я их тебе показал, то меня уже неправильно поняли.

Но это будет не печальное недопонимание, а верное понимание.

— Кстати говоря, парни не склонны показывать своё бельё.

— М-м? Да нет. Я много раз видела мужское нижнее бельё.

— Что?

Во мне проснулась жажда крови.

Если в жизни ученицы второго класса средней школы такое случалось много раз, то её брат, ученик третьего класса старшей школы, не может сидеть сложа руки.

— О, нет. Ты не так понял. О чём ты только думаешь, брат, — успокаивающе погладила меня хладнокровная Цукихи.

Как жокей коня.

— Слушай, парни не носят штаны с заниженной талией, но бывает, что штаны провисают. И когда парень при этом наклоняется, край майки поднимается, и трусы становятся видно.

— А.

— А на физкультуре их видно из-за края шорт.

— А, вот оно что.

Мне стало легче.

Слава богу, обошлись без убийств.

Я был готов перерезать всех друзей-мальчишек Цукихи.

— Многие люди с давних пор считали проблемой короткие юбки школьниц, но с женской точки зрения я должна указать на проблему с одеждой мужчин. Я думаю, спортивные шорты во много раз эротичнее женских спортивных трусов. Я больше не могу смотреть на волосы на ногах.

— А разве дело не в том, кто именно смотрит?

Ладно, это значит, что для парней и девушек постыдные части тела и части тела, по которым течёт противоположный пол, довольно сильно различаются.

С другой стороны, не мне об этом серьёзно говорить, но у мужчин в целом свободы больше. Если меня попросят пройти по округе в моих полосатых трусах, я вполне могу это сделать.

— Кроме того, если ты хочешь всерьёз поговорить об этом, то даже если девушки и хотят парней, сложно представить, что они могут сделать. Стеснительность женщин, в какой-то степени, может быть главной частью инстинкта самосохранения, защищающего тело.

— Хватит серьёзных разговоров. Продолжим говорить о белье.

— ...

Что-то мне подсказывает, что в ближайшем будущем я познакомлюсь с кем-то, похожим на тебя. С фудзёси-баскетболисткой. Такое ощущение, что мы сейчас репетируем. Возможно, это шутки моего воображения.

Надеюсь, это шутки моего воображения.

— Инстинкт самосохранения. С этой точки зрения, люди вроде Карен-тян, которые намного сильнее обычных мужчин, просто беззащитны.

— Наверное.

— Карен-тян переодевается в спортивную форму перед парнями.

— Скажи номер её класса, я прикончу всех парней.

— Всё хорошо, всё хорошо. Когда Карен-тян начинает переодеваться, парни отворачиваются и разбегаются, как тараканы.

Вновь Цукихи успокоила меня.

Гладит.

Похоже, она вспотела.

— Точно? Убивать никого не нужно?

— Если убьёшь, будет только хуже... не стоит так говорить о сестре, но Карен-тян недостаёт женского очарования.

— Сложно не согласиться.

Это всё потому, что она занимается боевыми искусствами.

Даже если забыть о том, что она моя сестра, в ней не видно женщины. И она сама не связана старомодными ценностями вроде женственности. Видя, что она делает как одна из Огненных Сестёр, я начинаю бояться, что она стремится стать мужчиной среди мужчин.

— С другой стороны, такая беззащитность может быть необходима. Я представить себе не могу эту женщину, пытающуюся стать мужчиной, в юбке или штанах с низкой талией вместо спортивного костюма.

— О, но даже у Карен-тян есть милые черты. Она говорит, что очень боится показать своему парню край своего белья, поэтому под спортивным костюмом трусиков не носит вообще.

— Какая извращенка.

Да в этом доме все девчонки — извращенки!

Кучка извращенков.

— Даже я, хоть и обожаю кимоно, всегда ношу бельё. Я могу только склонить голову перед ходом мысли Карен.

— Нельзя склонить голову перед тем, кто снимает своё бельё. Забудем о том, что счастливого белья не существует, обычно она очень цветастая. Очень яркая. В этом вопросе ваши мнения расходятся.

— Верно. Карен-тян ненавидит белый. Когда мы обсуждали это, она сказала: «Я ненавижу белый, потому что он выглядит слишком серьёзно».

— О как.

Она не переносит серьёзность.

Впрочем, она в том самом возрасте, когда хочется быть не как все.

Она строит из себя защитницу правосудия, но именно в этом она обычная ученица третьего класса средней школы.

Однако.

— Боже мой, вы обе такие дети. Вы связаны стереотипными системами ценностей. Почему вы так медленно соображаете? Считать белый серьёзным — ничуть не меньшее предубеждение, чем считать чёрный — эротичным.

— Что? Говоришь, белый — несерьёзный? Убью.

— Почему ты так быстро срываешься на своего брата? Я не об этом. Я говорю о том, что неважно, какого цвета бельё ты наденешь, в конечном счёте, серьёзность рождается из...

Я начал говорить.

И внезапно натолкнулся на неё.

Нет... это она на меня навалилась.

На проблему, которая в течение этого месяца безостановочно продолжала влиять на меня — предубеждение, из-за которого я продолжал страдать и с которым не мог ничего поделать.

Наконец, прямо сейчас у нас с Цукихи завязалась вполне подходящая беседа, и я могу попробовать обсудить свою проблему с ней — вот что на меня натолкнулось.

— Хм? Что? Брат. Рождается из чего?

— А, ничего. Я говорил, серьёзность рождается из личности. Другими словами, серьёзный, невинный и чистый человек может носить хоть чёрное, хоть белое, и всё равно он останется серьёзным, невинным и чистым.

— Хм. Прямо как я сейчас!

— Думай как хочешь.

Я бы сказал, что всё совсем наоборот. Промах на 180 градусов.

Она была чудесной сестрой, которая не слышала ничего из того, что я говорил.

Хотя именно потому, что она была такой сестрой, у неё было очень удобно консультироваться. Я мог сказать что угодно, а завтра она уже и не вспомнит об этом.

— Цукихи-тян, хватит про трусики.

— А? Уже всё?

— Тот разворот давно закончился.

Вообще-то, мы разошлись.

Я уверен, многие прислушались к замечанию Цукихи, перевернули страницу и опешили оттого, то мы всё ещё говорим про трусики.

Всё хорошо.

Всем же нравится обсуждать трусики?

— Девочка во время полового созревания не должна кричать «трусики, трусики».

— Э? Брат, хочешь сказать, ты один из них?

Цукихи скорчила такую физиономию, будто я её предал.

Жестоко предал.

Как говорится, поматросил и бросил.

Однако это предательство было лишь антрактом перед сменой темы, так что я хотел бы, чтобы вы на это закрыли глаза.

— Вместо того, чтобы говорить о трусиках, поговорим о любви, Цукихи-тян.

— Любви?

Цукихи нахмурила брови. Она была недовольна.

— Ни за что. Хочу продолжать говорить про трусики.

Цукихи упала на спину и как будто поплыла, размахивая конечностями.

Это даже не плавание на татами⁹, это плавание на кровати.

Забудем обо мне. Будет печально, если такую юную девушку, как Цукихи, неправильно поймут, так что позвольте её брату добавить ещё одно замечание. Я бы хотел подчеркнуть ещё раз, что для неё разговор про трусики не имел никакого глубинного смысла, это была просто беседа о моде, включающая в себя обсуждение нижнего белья.

— Заткнись. Мы говорим о любви. И оденься без лишнего шума.

— Сам одевайся.

— Хорошо.

Не нужно было мне говорить этого.

По правилам дома, этот инцидент был мелочью и в пределах допустимого, но картинка полуголого брата и сестры в одном белье внутри маленькой комнаты определённо не способствовала повышению моего положения в обществе.

А занавески никто и не подумал закрыть.

И я, и Цукихи-тян встали, чтобы одеться. Цукихи снова надела юката, а я продолжил переодеваться в домашнюю одежду.

Когда ты одет, обнажить сердце невозможно, но сейчас я правда выговорюсь.

Суицидальный разговор.

Я сел также, как и раньше.

Словно уловив мои мысли, Цукихи тоже уселась на кровать, скрестив ноги, прямо напротив меня.

...Не связанное замечание: не думаю, что многие девушки могут сидеть, скрестив ноги, наверное, это зависит от скелета.

За это Цукихи можно было похвалить, хотя благодарить стоило её мягкое тело. Она не тренировала его, как Карен, она была такой податливой от рождения, будто часть её тела была жидкой.

— Ты мягкая, как макаронина.

— Брат, не лучше ли сказать «как зефир»?

«Зачем ты мешаешь известное блюдо с неизвестным?» — спросила Цукихи.

Идеальная контратака.

Ну, вообще-то, мягкость мяса к мягкости суставов никакого отношения не имеет.

Видимо, разница между мужчинами и женщинами заключалась в вопросе манер.

— Так ты хотел поговорить о любви, брат?

— Вообще-то, не о любви, а о чём-то, что может быть любовью.

— Хм? Что-то, что может быть любовью? Что несёт этот человек. Брат, ты умираешь?

— Не желай мне смерти. Я могу спросить об этом только тебя, потому что у тебя в средней школе уже есть парень, и вероятно, ты ветеран в раздаче любовных советов окружающим.

— Спросил бы Карен-тян. У неё тоже есть парень в средней школе, и она тоже даёт кучу любовных советов друзьям. Она тоже ветеран.

— Мне не о чем говорить с этой дурой, — чётко сказал я.

Это был голос, лишённый сомнения.

— Неважно, сколько этой в буквальном смысле закалённой боями женщине в спортивном костюме задавали вопросов, она же всё равно обращалась к тебе?

— Вовсе нет. Ты очень ошибаешься, если думаешь, что Карен-тян — обычный драчун, повернутый на насилии. Она умеет давать настоящие любовные советы. Правда, они всегда приводят к неудачам.

— Это-то и печально.

Если не можешь, так и говори.

Вот потому что она не может этого делать, она и остаётся ребёнком.

— А у тебя какой процент успешных советов?

— Конечно же 100%.

Цукихи выпятила грудь, гордясь этим великолепным результатом. Паршиво, когда тебе хвастается твоя же сестра, но да, определённо, таким результатом можно гордиться.

100%.

Ну, может, она немного преувеличивает.

— Нет, не преувеличиваю. Так и есть. Если у меня просят совета, то неважно, кто будет партнёром, я всегда скую любовные узы.

— ...

Это страшно.

Это пугающий исход, который, напротив, отвращает меня от вопросов... более того, мне кажется, что большой ошибкой было пытаться обсуждать такой вопрос с сестрой.

И всё же... любовный совет.

Ладно.

Для начала, я до сих пор не знаю, любовь ли это... так что я попытался поговорить об этом с беззаботностью человека, льющего раствор на лакмусовую бумажку.

— По правде, в моём классе есть девушка, в которой я заинтересован.

— Как Момотаро?

— Она не превратилась в дерево!

Осмелюсь доложить, что это был диалог высокого уровня, хотя содержимое, напротив, было очень низкого уровня, который возможен только благодаря тому, что мы родственники.

Хотя Цукихи не специально пошутила, похоже, она была полусерьёзна:

— Э? Что? О чём ты? — озадаченно спросила она.

Ощувив некоторое превосходство из-за того, что смог озадачить свою сестру, я ухмыльнулся и объяснил максимально простым языком:

— Другими словами, после перемешивания классов я оказался в одном классе с девушкой, к которой меня, возможно, влечёт.

Кто знает, зачем я ухмыльнулся.

— Ёлки-палки!

Цукихи демонстративно изумилась. Если такой преувеличенный драматизм и был основой её популярности, то я бы хотел изучить его.

Но сейчас не самое подходящее время.

Или лучше сказать, неужели это правда настолько удивительно?

— Я удивлена... нет, даже не удивлена. Я поражена до глубины души! Брат, заявивший нечто безумное вроде «если ты заводишь друзей, ты слабеешь», умудрился найти человека, который ему понравился.

Дрожащая Цукихи прижала руку ко рту.

Она и правда не ожидала.

— Это такое же поразительное зрелище, как говорящая собака.

Возможно, лучше сказать, как собака, стоящая на задних лапах.

Говорить собакам немного мешает то, что это биологически невозможно.

Каким же одиночкой по её мнению был её родной брат?

Ну, не то чтобы она заблуждалась.

Кстати, я не показал этого, но «безумное» ранило мои чувства.

— Что мне делать, что мне делать, надо готовить красный рис¹⁰. Посмотрим, красный рис, красный рис готовят, смешивая рис и перец чили?

— Чем ты занимаешься на уроках домоводства?

Но при этом она в самом деле хорошо готовит.

— Кроме того, не делай неверных выводов. Я лишь заинтересован в ней. «Возможно», «может быть», пока ещё ничего не решено.

— А?

— Поэтому я и обсуждаю это с тем, с кем очень не хотелось бы. Учитывая наличие человека противоположного пола, как решить, нравится она ему или нет?

— Эм, прости, брат, — тело Цукихи перестало дрожать, и она извинилась.

Я не понял, за что она извинялась, но в любом случае это так круто, когда твоя сестра перед тобой извиняется.

— Что-что? Не мог бы ты повторить?

— Что, ты не расслышала? Соберись уже, госпожа штабной офицер Огненных Сестёр. Должен же быть предел твоей невнимательности. Готова? Услышь меня! Как может человек понять, нравится ли ему некто противоположного пола? Другими словами, до какой степени чувство, которое ты испытываешь к человеку, нормально, а когда оно становится любовью?

Цукихи.

Молча встала и сложила руки на груди.

Не думаю, что смогу объяснить ещё проще... если и это не сработает, останется только жидкая детская еда.

— Прости, брат.

Цукихи извинилась во второй раз.

Как же приятно, когда твоя сестра перед тобой извиняется. Пусть даже ты не знаешь причины, и неважно, сколько раз она это сделает.

Это так освежало, и меня совершенно не волновало то, что она вообще не понимала моих слов. Хотя казалось, самой Цукихи это не нравилось (ну, если бы Цукихи или Карен начали нести чушь вроде «мне безумно нравится извиняться перед братом», я бы их мигом отвёз в больницу).

— Я давала бесчисленное множество любовных советов, но, к сожалению, никто и никогда не задавал мне такого вопроса.

Она раскрыла детали извинения.

Что?

Из-за этого?

Тогда эта консультация прекращается.

Я должен потребовать компенсации.

— Ты так много хвасталась. Не говори, что это всё, что ты можешь.

Я встал и посмотрел на Цукихи сверху вниз даже языком тела (надеюсь, вы представили это действие из американских мыльных опер). Смотреть сверху вниз на младшую сестру — это почти также круто, как слушать её извинения.

Я даже хотел было простить её за несоответствие моим ожиданиям.

— Ну, ладно. Я сам виноват, что попросил ученицу средней школы решить невозможную задачу.

— У меня никогда не просили столь примитивного совета.

Арараги Цукихи посмотрела на меня глазами мёртвой рыбы — нет, глазами, которыми смотрят на мёртвую рыбу.

Это был взгляд, от которого хотелось умереть.

Это был даже не взгляд, а луч.

— Контратаками обычно занимаешься ты, а не я, но только в этот раз позволь мне вставить пару слов. «Я не знаю, любовь это или что», говоришь ты, — Цукихи встала, словно следуя моему примеру. — Ты — непорочная дева?!

И, как если бы мы были старыми добрыми комиками, она ударила меня по груди.

Получить контратаку от младшей сестры, затем прозвища от неё же, а под конец ещё и удар — должен сказать, это было весьма приятно. Но, поскольку я был под впечатлением, что мои особенности делают меня похожим на извращенца, с этой минуты я буду стараться игнорировать эмоции вроде той, от которой у меня колет в груди.

Не забывайте, что Арараги Коёми — это персонаж, изображающий извращенца, чтобы люди могли повеселиться.

— Непорочная дева... будто ученица средней школы вроде тебя имеет право об этом говорить.

— Среди тех, кто учится в средней школе, нет чистых дев!

Моя атака была отбита.

Возможно, это просто впечатление девушки, которая шла по консультациям, как по трубам, но если я загляну глубже, то в итоге могу прекратить доверять женщинам. Так что, зная своё место, я воздержался.

— Сидеть! — прокричала Цукихи. Мне.

Вокруг неё возникла аура важности, которую я хотел осквернить. Однако её сила заставила моё тело сесть само по себе. Насколько же рабская натура.

Однако что с ней?

Почему она злится?

Что её разъярило? Что её взбесило?

Цукихи, перед которой я сел, не стала садиться сама, а сложила руки и подняла подбородок, глядя на меня сверху вниз.

— Брат. Сперва я спрошу тебя, был ли ты серьёзен?

— Я серьёзен, я серьёзен, я всегда серьёзен.

— Следи за своим языком.

Я получил приказ.

От младшей сестры.

— Говори уважительно. И не расслабляйся.

— Да, госпожа. Будет исполнено.

Я подчинился.

В дальнейшем я буду опускать детали вроде той, что меня заставила сесть моя младшая сестра, посмотрела на меня сверху вниз, а затем отдала приказ, которому я подчинился и теперь должен использовать хонорифики.

Игнорируй, игнорируй.

— Объясни мне с самого начала, в чём дело, братьев сын.

Братьев сын.

В этом слове я чувствовал потенциал.

А вот и тринадцатая сестра из Sister Princess¹¹.

— Эм, ну, я не могу сказать конкретно, но...

Если я углублюсь в детали, моё право на неприкосновенность частной жизни будет нарушено.

Я не хочу передавать личную информацию младшей сестре.

— В любом случае, мы уже через многое прошли. Давай назовём цель X-сан.

— X-сан.

«Довольно конкретно», — говорит Цукихи.

Ну, это был только её инициал.

Естественно быть настолько конкретным.

— После того, как мы оказались в одном классе в начале этого месяца, я обнаружил, что думаю о X-сан. И это не мои фантазии. Когда я в классе, то я смотрю на её место, стоит мне отвести глаза от доски. И не только в школе. Возвращаясь домой, я пытаюсь искать её. Читая книгу, купленную в магазине, я думаю о чём-то в духе «а, X-сан могло бы понравиться это предложение». Когда я покупаю журналы любимой серии, то думаю «ах, если я куплю этот журнал, X-сан меня возненавидит», и тихо возвращаю его на полку.

— Брат. Не надо откровений. Я не хочу выслушивать такие подробности.

«Вот так, я не хочу слушать истории о том, что мешает моему брату покупать порно-журналы», — сказала Цукихи.

Чёрт, я написал Х-сан канной, и слова перепутались.

Кстати, «этти» — это первая буква слова «хентай»¹².

— Вот и всё, брат.

— Что всё?

— Это любовь.

Она заявила. Она заключила.

Она сделала это не с серьёзным видом, а с изумлённым, что придало ей огромную убедительность, но, как бы сказать, когда тебе что-то вот так говорят, тебе хочется поспорить.

А я был настоящим спорщиком.

— Откуда ты знаешь? Ты можешь испытывать те же чувства к тому, кого ненавидишь. Если я оставлю это чувство в покое, возможно, я привыкну к нему.

— Нет. Точнее да, но ты не... как бы это сказать.

Цукихи, сложив руки, задумалась и наклонила голову.

— Я много чего хочу сказать, но не знаю как.

— Что? Да тебе же и думать не надо для такого.

Она в положении сороконожки, которую спросили, как она ходит. Как можно догадаться по имени, это существо, у которого сорок ног. Когда его спросили, в каком порядке оно двигает ногами, оно не смогло ответить.

Ужасно.

Из-за моего глупого вопроса, Цукихи больше не сможет наслаждаться романами. Возможно, ей придётся делиться проблемами со мной.

...

Ну, я почувствовал, что в конце всё будет хорошо.

— Вот почему я сказала, что это несложный вопрос.

«Это примитивный вопрос», — сказала Цукихи.

— И у сороконожки не сорок ног.

— Ч-что?! Что ты говоришь, как это у сороконожки не сорок ног?!

Конечно, даже мне это известно, но я хотел попробовать забавную реакцию — неправдоподобно преувеличенное удивление по отношению к банальной мелочи. Однако попал под ледяной взгляд Цукихи и осел.

Что это за Фризер-сама?

— Кстати говоря, если бы Фризер и Вегета слились, разве не стали бы они элитным воином, Фритер-самой?

— Фризер и Вегета абсолютно разные, так что они не могут слиться.

Не сдавшись, я снова бросился вперёд, но реакция сестры была неожиданно спокойной. Вдобавок, она читала Dragon Ball.

— Это не связано с сороконожками. Больше похоже на обучение дошкольников умножению.

— Умножению? Что за чушь, ты говоришь, это так просто?

— Да. Пожалуйста, представь, что я сестра, которой не повезло иметь старшего брата. И этот брат не умеет умножать.

— ...

Героическое зрелище.

Худшее, что только может случиться с младшей сестрой.

Какая жалость.

— А, но мне кажется, я тебя понял. Понимаешь, м-м, как там звали изобретателя лампочки? Не Томас Танковый Движок...

— Томас Эдисон.

— Да, он самый.

— А почему сначала ты вспомнил Томас, а не Эдисон, брат?

— Прости. Я очень хорошо познакомился с этим человеком, так что случайно назвал его первым именем.

— Но при этом ты назвал его Танковым Движком.

— Ну, ты понимаешь, Томас, — настаивал я. Я был настойчив в шутках. — Когда он учился в начальной школе, он спросил своего учителя: «Почему 1+1 равняется 2?», вопрос основы основ. Не об умножении, а о сложении. Он не мог понять, почему его учили так, как учили, так что он продолжал спрашивать, пока не понял.

— О, но ты говоришь так, будто между тобой и Эдисоном существует какое-то взаимопонимание, что на самом деле совсем не так, — покачала головой Цукихи. — Во всём мире, во всех эпохи, мно-о-о-огие дети спрашивали своих учителей «почему 1+1 равняется 2», но вот Король Изобретателей Томас Эдисон — всего один.

— Э?

Вот так умирают мечты и амбиции.

Вот же брюзга.

Не стой на пути вундеркиндов, которые могут стать новыми Эдисонами.

— Но даже сам Эдисон говорил в детстве: «Я стану Королём Изобретений».

— Если в то время он уже говорил это, значит, он ещё и машину времени изобрёл.

«Короче говоря, это простая вещь, которую сложно объяснить», — Цукихи вернулась к теме разговора.

— Ну, раз ты по-своему серьёзен, я не могу смотреть на тебя сверху вниз или смеяться над тобой, но позволь озвучить собственные мысли. Я думаю, что если ты задаёшься вопросом, нравится ли тебе человек или нет, это уже значит, что она тебе нравится.

— Правда, что ли?

— Если бы ты её ненавидел, ты бы не задумался об этом.

— Не то чтобы я и задумывался.

Я запутался.

Я страдаю.

Как будто я в тумане, который не рассеивается.

Я как будто пьян.

Я никогда не знал своего сердца, поэтому не могу дождаться, когда жизнь поймёт мои чувства.

Однако.

Теперь я думаю, я ошибся.

Теперь я могу думать.

Поэтому в этот раз — я хочу по-настоящему познать их.

Моё сердце, мои чувства, то и это, я хочу по-настоящему познать их.

— Интересно. Мне никогда никто не нравился.

— Никогда?

— Ни разу.

Как и Цукихи чуть раньше, я гордо выпятил грудь:

— До этого момента я никогда не влюблялся.

...

...

Как бы сказать.

Когда я это произнес, слова показались ужасно фальшивыми.

Мне показалось, будто в моей выпяченной груди появилась большая дыра. Нет, возможно, это дыра Нараку¹³, которая всегда там была.

Э?

Разве я такой персонаж?

Разве это не опасно?

Выпяченная грудь подавленно опустилась, и я наклонился. Ну, в любом случае, сидеть что с выпяченной, что с опущенной грудью вредно для позвоночника.

— Ночами школьных поездок, после того, как стихнет сражение на подушках и наступит время спать, если среди собравшихся на разговор о любви и будет парень, который скажет «сейчас у меня нет девушки, которая мне нравится» — это буду я.

— Мне почему-то кажется, что отсутствие у тебя друзей как-то с этим связано.

Не твоё дело.

Мы говорим не о дружбе, мы говорим о любви.

«Не умеет заводить друзей потому что не умеет любить», да что с головами нового поколения творится.

— А теперь позволь мне объясниться.

— Я не хочу слушать твои объяснения.

— Слушай!

— Не хочу!

— Это приказ братана!

— Ух... ну, если это приказ братана, ничего не поделаешь.

Сеструха дала согласие.

Похоже, она согласилась выслушать мои объяснения.

— Ночи школьных поездок — это хороший пример, но тебе не кажется, что в школе есть какое-то странное давление вроде «я должен кого-то любить»?

— М-м, — Цукихи отреагировала. Похоже, то, что я сказал, оказалось на удивление точным, и она не ожидала этого.

— Я называю это любовным давлением. В чём-то схоже с твоими подружками, которые приходят за советом, но, как бы это сказать... В воздухе возникает давление, заставляющее людей сближаться, и мне это не нравится.

— Мне кажется, ты слишком любишь спорить, но ты прав в том, что в школе любовь побеждает. Я считаю, что это вполне естественный результат запихивания кучи парней и девушек в одно место. Однако, — Цукихи временно согласилась. Или, скорее, сделала вид, что согласилась. — Возможно, в этом и заключается причина того, что людей интересует любовь, но это не повод не любить людей, — сказала она. — У тебя возникали гнетущие настроения, но это не повод не любить людей.

— Не повод, ха.

— Это оправдание.

— Верно.

— Извинись.

— Мне жаль.

Я извинился.

Она выдавила из меня извинение.

Из меня, с рождения ни перед кем не склонявшего голову.

— Не ври.

— А, да, госпожа. Мне жаль. Я постоянно создаю проблемы Цукихи-сан.

— Вернёмся к теме.

— Как пожелаете.

Мы вернулись к теме.

Я говорил о том, что Арараги Коёми никогда никого не любил.

Я чувствую, что в этой беседе с Цукихи мы возвращались к теме необычно большое количество раз.

— Действительно. Если подумать, ты ни разу не приводил домой девушку... хотя парней ты тоже не приводил.

— Ну да. Потому я и не знаю, нравится мне кто-то или нет. Это словно язык другого мира.

— Но когда ты видишь то же самое в аниме, манге или дорамах, разве ты этого не понимаешь?

— Да я не то чтобы не понимаю, просто это вымысел. Это всё равно что поверить в существование драконов. Когда ты видишь стильную романтическую историю, ты думаешь: «О, круто. Мне это понравится»?

— Хм. Ты прав.

— Так говорит человек, поставивший себя на одну ступень с Эдисоном, — проворчала Цукихи. Похоже, сравнению с драконами не доставало убедительности, поэтому я предпочёл другое сравнение.

— После того, как ты прочитала Гарри Поттера, ты веришь, что можешь использовать Каффризл?

— Судя по твоим словам, ты Гарри Поттера не читал¹⁴.

Моя попытка продолжить наступление провалилась.

К сожалению, заклинания огненного типа на Огненных Сестрах не работают.

Вот так всегда с сериями, если пропустишь момент, очень трудно начать.

— Быть может, верно и обратное.

— Э-э-э?

— Другими словами, в манге, аниме или дорамах ты обычно видишь любовные истории, которые очень красивые, или, по меньшей мере, драматичны. Поэтому на подсознании может отложиться идея того, что если у тебя не тот же уровень, то это не любовь. Прося слишком много света и показухи, я пропускаю мимо себя маленькую любовь, прячущуюся в повседневной жизни. Можно сказать, я жертва перегрузки информацией.

— Не то чтобы я не понимала, о чём ты говоришь и что хочешь сказать, но то, как ты говоришь, так похоже на попытку свалить ответственность на окружающих, что моя кровь закипает.

«Кто тут жертва, лицемер?» — сказала Цукихи, подняла ногу и поставила её на моё плечо. На самом деле, она хотела поставить её мне на голову, но не смогла так поднять ногу.

Цукихи опёрлась на моё плечо.

Обычно я бы отлупил её за это, но сейчас я был в положении, я очень терпелив, поэтому закрыл на это глаза.

Впрочем, мне показалось, что я перепутал, в чём мне стоит быть терпимым.

— Не нужно софистики, брат. Даже в этом перегруженном информацией обществе люди влюбляются.

— Ты придираешься к аргументу.

— Другими словами, по-твоему, человеку нормально жить без любви.

— О нет. Я полон любви. Можно назвать меня проповедником любви. Ты поймёшь это исходя из того, что меня зовут Наое Канецугу¹⁵.

— С каких пор тебя зовут Наое Канецугу?

Не зовут.

Ни разу не называли.

— Однако нелюбящий брат, — сказала Цукихи.

Кстати, её нога всё ещё стоит на моём плече. Положение, в котором носок находился совсем рядом с моим лицом, скажем так, было несколько неудобным. Мне хотелось об него потереться.

— Нелюбимый брат, скажи

— Эй, сестра. Не говори обо мне так, будто я какой-то толстый терпуг¹⁶.

— Нелюбящий брат, скажи.

Цукихи молча проигнорировала моё возражение и продолжила спрашивать.

Несмотря на то, что мы уже больше десяти лет живём под одной крышей, я не знаю, по какому принципу она решает, когда молчать, а когда отвечать.

— Ты не ненавидишь девушек?

— Хм? Что ты хочешь сказать?

— В смысле, ты не похож на женоненавистника.

— Да, и никогда им не был. Много раз я пытался казаться мизантропом-пессимистом, но я говорил, что делаю исключение для девушек.

— Большая часть человечества оказывается исключением.

— Верно.

К вашему сведению, эти слова были шуткой. Я никогда такого не говорил и вообще не пытался казаться мизантропом-пессимистом.

В беседе с моей сестрой, однако, мне лучше оставаться серьёзным и следовать фактам.

Я не смог остаться серьёзным.

Но ладно.

Тем не менее...

Я никогда не пытался казаться диким мачо.

Я не ненавижу девушек, и у меня нет проблем в общении с ними — по крайней мере, я так думаю (я не настолько уверен, чтобы утверждать это).

— Эм. Ну, это правда. Несмотря на то, что ты никогда никого не приводил с собой, раньше ты часто играл с моими друзьями и друзьями Карен-тян.

— Да?

— Ага. Ты был популярен среди наших друзей.

— Что? Я был Тимотеем?

Я могу быть частью шампуня.

Я быстро разбогатею.

— Первый и последний раз ты был популярен.

— Было такое время, ага... ладно.

Раз уж она упомянула, я вспомнил, что раньше Цукихи приводила друзей так, будто это была процессия феодального лорда, и играла с ними в Игру Жизни. Если количество друзей было нечётным, то меня втягивали в игру.

Но это было очень давно.

Я даже не скучаю по тем временам.

— В любом случае, я не ненавижу девушек. Всю свою жизнь я не был особо разборчив в их отношении.

Факт в том, что такой уж я.

Холодный и сухой, чью человечность я определял как песчаные дюны Тоттори, сейчас трясся, и, если подумать, то это значило, что происходит что-то важное. Возможно, небо и земля поменяются местами.

— И потому ты попросил у меня любовного совета.

— Да. Именно. Ну, я много чего сказал, но я вовсе не прошу однозначного ответа. Я подумал, что хотел бы использовать твой случай для сравнения. Твоего парня зовут, эм, Росокузавкун?

— Да. Ты помнишь его.

— Только имя.

Никогда его не видел.

Не то чтобы я не помню ничего кроме имени. Я и не знаю ничего кроме имени.

— В какой момент ты решила, что он тебе «нравится»? Если честно, я хотел бы, чтобы ты ответила.

— Ну, я...

Цукихи засомневалась, надула губы и какое-то время молчала.

Возможно, она не столько сомневалась, сколько просто смущалась.

Какая милая негодница.

Я захотел поцеловать её.

— Да просто так.

— Просто так.

— Да. Ничего конкретного. Просто захотелось.

— А это нормально?

— Нормально. Такая уж штука — любовь.

Её последние слова показались поспешными. Возможно, она снова прятала смущение, но почему-то мне подумалось, будто она быстро оборвала объяснение.

Она сдалась?

Она настолько не верит в своего брата?

Это грустно.

Не зная, когда стоит сдаться, я начал сопротивляться.

— Ну тогда забудем о том шаге, расскажи, с чего всё началось. Почему ты вообще запала на этого Росокузаву-куна?

— Тоже просто так.

В этот раз она ответила мгновенно.

Однако это и правда был поспешный, раздражённый ответ.

Возможно, она не хотела говорить о себе — и я вполне мог понять её, но теперь, когда мы зашли так далеко, с её стороны это эгоистично.

— Причины не было. Просто так, просто так, просто так, — бормотала надувшаяся Цукихи.

— Просто так, просто так, просто так. Я подумала, он мне нравится. Я почувствовала, что он мне нравится. Я поняла, что он мне нравится. Вот так.

— Есть предел нюансам.

И что это за трёхступенчатый процесс.

Даже если бы мне сказали, что так оно и есть, я не смог бы понять.

— Что мне в нём нравится. Я могу это по-разному сказать. Например, он классный, он добрый, высокий, богатый, я много причин могу придумать.

— ...

Кто-то может подумать, что «богатый», затесавшееся среди её любимых черт, показывало суть Цукихи простым и понятным образом.

Но это было неважно.

Важна была следующая фраза.

— Однако, всё это ложь.

Вот эти слова.

— Можно сказать, что попытка понять чувства разумом — это гордыня. Не надо искать логики в искажении. Ты решил, что кто-то тебе нравится, и теперь пытаешься построить лестницу к этому заключению.

— Лестницу.

— Возможно не лестницу, а ракету. Да, похоже на строительство ракеты.

Цукихи захлопала в ладоши — похоже, это было хорошее сравнение, с которым она согласилась. Соглашаться с собой нечестно.

— Если ты думаешь, что хочешь быть с ней всегда, это любовь. Знаешь пословицу, брат?

— Какую пословицу?

— Тот, кто влюбился в лягушку, увидит лягушку на луне.

— Нет, никогда не слышал такой пословицы.

Однако её смысл я понял мгновенно.

Нет более понятной пословицы о любви.

И в то же время, я понял ее сбивчивые объяснения — если ты любишь кого-то, причина тебе не нужна.

Построить ракету, чтобы отправиться на луну, ха.

Действительно, «почему он тебе нравится?», «что тебе в нём нравится?» — неправильные вопросы. Спрашивать о том, в какой момент человек начинает «нравиться» — абсолютно бессмысленно.

Это не что-то строгое.

Это весьма расплывчато.

— Ладно, понятно, из-за одной теории, проникшей в мою голову, я никого никогда не любил.

— Ну, нельзя сказать, что ты не любящий человек. Любить других и любить одного человека — две стороны одной медали.

— Правда?

— Да. Заниматься благотворительностью, в конечном счёте, — то же самое, что не любить никого. Равенство и честность могут быть любовью, но не симпатией. Выбирать одного незаменимого человека — это дискриминация. Благотворительность и дискриминация не могут сосуществовать.

«Ты филантроп», — сказала Цукихи.

Хм.

Вот как... почему-то мне показалось, это была не похвала.

Даже если мне сказали что-то хорошее, я почему-то вспомнил весенние каникулы.

К чему привела моя благотворительность на весенних каникулах.

Меня заставили вспомнить, хоть я и не хотел этого.

— Люди, которые любят всё человечество, становятся святыми. Но разве ты можешь представить святого, переживающего из-за новой любви?

— Не могу.

Мне показалось, что это будет значить, что он отдастся мирской суете.

Хм.

Ну, даже если с дискриминацией она перегнула палку, любовь — это всё равно нечто мирское.

Она отличается от филантропии.

Абсолютно во всём.

— Если человек сможет любить всё человечество как личностей, он будет сильнейшим.

— Жажда всё человечества... да уж. Это будет сложно. Даже не сложно, абсурдно.

— Думаю, это больше похоже на непостоянного прелюбодея.

— Хм.

Но даже столь глубокая беседа ни к чему не привела.

Забудем о концепциях и определениях.

Если тема беседы слишком расширится, я не смогу всё собрать.

Мы говорили про Х-сан из моего класса.

— Как ты и говоришь, я одинокий парень, никого не любивший с рождения, но такой уж я человек. Я, Арараги Коёми, прямо сейчас, в 18 лет, наконец-то влюбился. Как мне кажется.

— Нет! Не говори «как мне кажется», пора решить раз и навсегда!

Цукихи наклонилась и с громким хлопком положила руки мне на плечи, чтобы поддержать меня.

И с энергичной улыбкой объявила:

— Абсолютно точно!

— Абсолютно точно...

— Ты влюбился! Решено!

— Решено?!

— Да! Решающая загадка разгадана!

Лицо Цукихи приблизилось к моему, и мы столкнулись лбами. На этом ужасающем расстоянии я чувствовал даже её дыхание.

— Ты любишь Х-сан! Я так решила.

— Если ты решила за меня, я ничего не могу с этим поделать...

Я был подавлен её силой.

У меня не было выбора, кроме как согласиться.

Нет, это был не просто выбор.

— ...

Она была права. Да.

Как и сказала Цукихи.

Я ни капли не понял, правда ли то, что она сказала — но сделаем вид, что это так.

Возможно, «люблю» значит «я могу любить её».

Я думаю, я люблю её.

Я чувствую, что люблю её.

Я понимаю, что люблю её.

Я думаю, я хочу остаться с ней навечно.

Вот так.

— Верно. Хорошо, я поборол свои проблемы, Цукихи-тян. Заставить того, кого называли сверхспокойным ребёнком, преодолевать — это достижение. Похоже, до этого момента я смотрел на тебя сверху вниз.

— О, нет-нет-нет. Я ничего такого не сделала.

Цукихи застеснялась.

Она с улыбкой закрыла лицо руками.

Вполне по-человечески естественно захотелось смутить её ещё сильнее.

Или по-братски естественно.

Застенчивая младшая сестра — это такая прелесть!

Моз-моз!

— Ты лучшая сестра в мире, Цукихи!

— Быть того не может.

— Я всегда считал, что однажды у тебя получится. И вот этот день настал. Сегодня ты достигла уровня Мариллы, и тебе не понадобилось ждать, пока исполнится 50. В самом деле, скорость твоего развития изумила меня. Твоё присутствие столь подавляет остальных, что если кто-то упомянет Карен-тян, я не пойму, о ком он говорит.

— А-ха-ха-ха.

— Ты не просто так моя сестра.

— Э? Сам себя не похвалишь?..

Цукихи пришла в себя.

Меня раскусили. Она очень внимательна.

Я собирался воспользоваться моментом, чтобы научить Цукихи быть «сестрой, которая радовалась за брата», но что-то пошло не так.

В то же время я попытался превознести Цукихи, унизив Карен, но это она проигнорирована.

Шутки в сторону.

— Позволь мне выразить свою благодарность. Спасибо, Цукихи-тян.

— Пора уже.

«Впервые мне задали столь базовый вопрос», — сказала она с облегчением.

— Я много чего говорила, но любить другого человека настолько же естественно, насколько естественно для собаки лаять. Не о чем волноваться, брат.

— Понятно. Это естественно.

— Да. Это нормально.

— Нормально, что в классе есть девушка, в которой я заинтересован.

— Нормально!

— Нормально, что даже на уроках я смотрю на её место, а не на доску.

— Нормально!

— Нормально, что даже по пути из школы я ищу её, даже думаю, что случится, если мы случайно встретимся. Даже когда я покупаю журналы, я думаю о всяком.

— Нормально.

— Нормально, что я хочу помацать её грудь.

— Нет.

Беседа оборвалась

— Хм?

— Хм?

Мы обменялись взглядами, будто пытаюсь понять, что каждый из нас будет делать дальше.

Никто из нас не знал, почему беседа оборвалась.

— Э? Что? Цукихи-тян. Что ты такое говоришь?

— Э-э-э? Это я виновата?

— Не лучше ли тебе сесть?

— А, да. Хорошо.

Растерянная Цукихи села.

Брат и сестра сели друг напротив друга.

Это что, чайная церемония?

Об этом постоянно забывают, но Цукихи состояла в чайном клубе.

— Я говорил о том, что грудь Х-сан необычайно привлекательна, так что я хочу потискать её, я хочу помацать её, понимаешь? Вот о чём я говорю.

— Э-э? Может, я глупая, я слышу, что ты говоришь, но понять не могу. Такое впечатление, что в моей голове после твоих слов есть только две мысли: «я не слушаю» и «я не спрашиваю».

— Э-э? Ты безнадежна. Боже мой, с такой глупой сестрой брат хлопот не оберётся.

Я снова перевернул свою оценку с ног на голову.

Эти быстрые смены отношения, честно говоря, меня пугали.

— Я думаю, не все об этом знают, или я один в классе знаю об этом, но у этой девушки есть два арбуза, и у меня просто нет иного выбора, кроме как помацать их, понимаешь?!

— Прости, брат, не мог бы ты перестать использовать примитивные слова вроде «потискать» и «помацать»?

— Хм? А, понял.

Я терпеливо принял просьбу сестры.

— В таком случае, у меня нет выбора, кроме как потрогать их, понимаешь?!

— Теперь это звучит не примитивно, а мило.

«Не знаю», — сказала Цукихи, поддавшись унынию.

Мне показалось, что она смотрела на меня глазами, которыми смотрят не на брата, а на извращенца. Наверное, это была галлюцинация.

Должна была быть.

Это, наверное, какой-то фокус.

— Другими словами, то, что я хочу трогать грудь Х-сан и только её — это любовь.

— Нет.

Цукихи категорично отрицала.

Несмотря на краткость, её голос был настолько упрямым, что у меня пропало всякое желание спорить.

Хм-м-м.

Она правда упрямая.

Однако, я сжал кулаки и смело вызвал Цукихи на поединок.

— Но я никогда не хотел трогать грудь той, кто мне не нравится. Потому я считаю, что это чувство и есть любовь.

— Если ты об этом в самом деле думал, то я чувствую груз ответственности за то, что позволила тебе сохранить такое суждение...

Лицо Цукихи было таким же, как у археолога, который пробудил демона разрушения, запечатанного древними людьми.

То, что ты чувствуешь себя ответственной за это не означает, что ты должна сама решать проблему.

— Даже твой любимый Росокузава уже давно хочет потрогать твою грудь.

— Возможно, но это верно только в данной теории — он хочет потрогать все женские груди в мире, в том числе и мою!

— ...

Не хотел бы я с ним встретиться.

И вообще, как ты можешь такое в голос говорить?

— Хотеть трогать женскую грудь для парней абсолютно нормально, так что ты не обращаешь на это внимания.

— ...

Почему-то мне показалось, что началась другая консультация.

С любовной темы мы перешли на тему сексуального воспитания.

— Я сказала, что это не так, но в ином смысле даже это нормально.

— Да ну?

— Это естественно

— Естественно.

— Это не любовь, это сексуальное влечение.

— Влечение!

Влечение, ха...

Плохо¹⁷.

— Вообще-то, во мне хватит влечения.

— Не пытайся изображать старого комика. Это ужасная игра слов.

— Я думаю, что кульминация была очень хороша, и пора бы начать новую главу. Не говори, что история продолжается.

— Конечно. Она не может вот так закончиться, — сказала Цукихи. — Хотя в определённом смысле, конец уже близок. Для моего брата.

— О чём ты? Моя жизнь только начинается.

— Дальше как человек ты не разовьёшься. Хотя наполовину я и шутила, наполовину я была весьма серьёзна. Я никогда не думала, что мой брат будет спрашивать меня о своём неудержимом влечении.

Грубо называть влечением мой искренний вопрос.

Более того, наполовину это была шутка.

Не шути со мной, хотелось бы мне сказать.

— Но так оно и есть. Ты заинтересован в груди одноклассницы. На уроках ты пялишься на её грудь, а не на доску, по пути в школу ты ищешь её грудь, когда ты идёшь в магазин, ты думаешь о её груди. Если это не половое влечение, то я не знаю, что это такое.

— Погоди-ка. Много слов ты заменила.

Весьма смелая редакторская правка.

Какое обновление.

— Если так говорить, то даже я думаю, что это не любовь, а половое влечение, и это не брат, а извращенец, но Цукихи-тян, тебе не стоит демонстрировать глубину собственных предубеждений. Несомненно, прямо сейчас ты что-то не так поняла.

— Правда?

— Да. Не пойми меня неправильно. Ради спора предположим, что чистое желание коснуться груди Х-сан — это сексуальное влечение. Назовём это чистым сексуальным влечением. Если так смотреть на вещи, то я согласен признать, что в вопросе есть и такая сторона. Я позволю тебе, как сестре, сохранить лицо. Однако, Цукихи-тян, подумай.

Я остановился на мгновение.

И потом сказал слова, в которые готовился вложить силу.

— Без сексуального влечения не было бы любви.

— Просто заткнись. А, прости, ошибочка. Просто умри.

«Не пытайся выдать бред за мудрость», — сказала Цукихи, щёлкая языком.

Она вовсе не изысканная.

И это член чайного клуба.

— Я не умру. Прости, но твой брат бессмертен.

— Если ты бессмертен, то и я бессмертна.

«Боже мой», — сказала она.

«Ох, боже мой», — сказала она.

Без дальнейших колебаний, Цукихи, не вставая, приблизилась ко мне.

Правильнее будет сказать, что она подползла ко мне.

— Что такое?

— Я хочу тебя проверить.

— Проверить меня? Ты смеешь проверять своего брата?

— Ага. Я собираюсь проверить своего брата.

Когда наши колени почти столкнулись, Цукихи остановилась, а потом выпятила грудь.

— Коснись её.

Я коснулся её.

Без единого слова. Без всякого выражения.

Я мгновенно дотронулся до них.

— А-а-а-а!

Будто удивившись моей скорости, сравнимой со скоростью света, Цукихи вскрикнула и упала назад, но поскольку она падала так, что ударилась бы головой о спинку кровати, я сжал руки и удержал её.

Вот так.

Другими словами, я крепко сжал её грудь.

Не дотронулся — ухватил.

— Больно!

Вот же неблагодарная.

Я едва спас её от шишки на голове, меня спасителем можно назвать, а она с ужасающей силой ударила меня головой.

Наши лбы столкнулись.

Из глаз полетели искры.

И всё же я не отпустил её грудь.

Её грудь была спасительной ниточкой, не давшей мне самому упасть.

— Я сказала «больно»! Отпусти меня! Ты меня не отпустишь?!

— Что? А, старик, заставивший вишню расцвести, рассыпав прах мёртвой собаки¹⁸.

— Если тебе хватает наглости каламбурить так, что это похоже на обвинение, то немедленно убери от меня свои лапы!

— «Убери от меня лапы» в общепринятом смысле?

— Здравый смысл от тебя и руки и всё остальное уже убрал! В самом банальном смысле!

Не надо было обращаться ко мне «омаэ»¹⁹.

Я вернул себя в вертикальное положение и убрал пальцы, хватавшиеся за выступы на её теле.

— Что за брат, что за брат, что за брат. Застоявшийся брат²⁰? А, блин, у меня язык заплёлся.

Цукихи-тян обиделась.

А она довольно милая.

— Ты даже не колебался. Как только я приказала тебе, ты рефлекторно, даже не думая, помацал мою грудь.

— Как грубо. Брат не мацает грудь сестры.

— Ты только что от души её помацал!

— Ты неправ. Наоборот. Это твоя грудь помацала мою ладонь.

— Что это за отвратительная чушь?!

— Касаешься рук брата грудью. Ну и извращенка же ты, сестра.

— Как ни выворачивай, суть не меняется.

Мацать ладони грудью.

Цукихи подержалась за лицо.

Теперь я заметил, что в результате нашей потасовки и я и Цукихи уже не сидели, как раньше. Равновесие нарушилось

— Ох блин. Брат, ты слишком много касаешься груди сестры!

— Да что с тобой? Почему ты злишься? Ты сама приказала мне «коснуться» их. Ты искусила меня, так сказать.

— Искушение.

— Кстати, если ты запишешь «искушение» и «нюанс» через кандзи, они будут выглядеть одинаково.

— Хорошее наблюдение, но не пытайся увести тему в сторону! Ты очень ошибаешься, если думаешь, что я просто пойду рыдать в подушку. Я пожалуюсь Карен-тян!

— Пожалуйста, не надо. Я не смогу вернуться в обычную форму.

Она не будет сдерживаться.

Карен жутко злится, если кто-то обижает Цукихи.

— Разве ты хочешь, чтобы Карен-тян сбила костяшки?!

— Почему ты говоришь такую некрутую вещь таким величественным голосом? — спросила Цукихи, уставившись на меня...

Глазами убийцы.

— Нет ничего страшного в том, что ты не сможешь вернуться в обычную форму. Завтра утром я снова приду тебя будить ломом.

— Бесполезно. Прости, но смертоносное оружие на мне не сработает, — я издевательски засмеялся над угрозой Цукихи. — Я вымышленный подросток. Меня защищают правила.

— И что?!

Ладно.

Я не чувствую, что должен чего-то стыдиться, но я боюсь взаимонепонимания.

И ещё больше, чем взаимонепонимания, я боюсь Карен.

— Ладно, не меняя тему, вспомним ещё раз. Ты меня искусила словами «коснись её».

— В первую очередь я злюсь, потому что твоя имитация на меня ни разу не похожа!

Арараги Цукихи ушла в режим истерички.

Какая истерическая²¹ история.

...

Я потерпел неудачу, но мы ещё не дошли до кульминации.

Я бы хотел двинуться дальше, но глава не меняется.

— Голос больше похож на голос Игути Юки²², чем на мой!

— Не бросайся именами!

— И я не искушала своего брата.

— Искушала. Ты выпатила грудь. И сказала «коснись её поэзия».

— Не выставляй меня безмозглым унылым говном! Я не хочу быть таким персонажем! Прекрати, есть люди, которые начнут читать с этой книги!

— Вот уж не знал. Если такие люди существуют, мне стоит начать беспокоиться о том, какое я впечатление на них произвожу.

Я думал, что после пяти книг нахожусь в безопасной зоне для шуток. Я рассчитывал, что после того, как все мои хорошие стороны стали известны, такое возмутительное поведение находится в пределах нормы.

— Даже в туманности M78²³ есть читатели, так что тебе стоит вести себя аккуратнее, брат.

— Ты права...

Проблема вышла на галактический уровень.

Можно сказать, мир на Земле зависит от меня.

— Эй, брат, а ты схватишь за грудь всех, кто тебя попросит об этом?

— Ой-ой, ты считаешь меня настолько беспринципным? Я оскорблён.

«Боже мой», — добавил я.

— Неважно, как меня будут упрашивать, я буду трогать только твою грудь и грудь X-сан.

— Я такое же исключение, как и X-сан?!

— Нет, и даже грудь Карен-тян...

— Ты хочешь вонзить свои ядовитые клыки и в Карен-тян? Э? Минутку, а можем ли мы назвать такого человека братом?

— Ты меня неправильно поняла. Именно потому, что я твой брат.

Я объяснил наиболее доступным образом моей тормозной сестре:

— Забудем пока о Х-сан. В твоём случае это потому, что я твой брат.

— Что... что это значит?

— Для брата грудь сестры — не грудь. Другими словами, не важно, сколько он хватает её за грудь, это не считается хватанием за грудь. Не считается. Другими словами, я могу мацать их столько, сколько захочу.

— После такого заявления я должна задаться вопросом не о том, называть ли тебя братом. Я не уверена, что ты вообще человек...

«В твоей логике появляются дыры ещё до того, как ты вывернешь её», — сказала Цукихи, повесив голову.

Похоже, она не смогла понять.

Печально.

Возможно, люди так никогда и не смогут понять друг друга.

Даже в современном мире, где средства связи так эволюционировали, не было ничего, что может достучаться до людских сердец, и люди продолжают не верить друг другу.

Однако Цукихи не обескуражила моя социальная сатира в описательной части. Она внезапно подняла голову. Её глаза ещё не были мертвы. Похоже, она всё ещё хотела возражать.

Она упряма.

Почему бы ей не умереть?

— Даже если принять, что твоя грудь — это сущность, которой нельзя касаться, если её владелец, то есть ты, даёшь мне разрешение, меня не в чем обвинить.

Прежде чем Цукихи приказала мне заткнуться, я сделал первый ход. Именно Цукихи первая заговорила об этом.

В любом случае, так всё началось.

— Вовсе нет!

Однако Цукихи сдаваться не собиралась:

— Вовсе нет, вовсе нет. А теперь я в роли цундере!

— Цундере?

Когда она успела?

Даже если не учитывать Мариллу, я весьма хорошо знаком с цундере, но я думал, в словах Цукихи не было и намёка на этот типаж.

— Намёк был в вывернутом выражении. Я не подчиняюсь правилам!

— Подчиняешься правилам...

Установленным.

Говорю тебе, это опасно.

В последнее время правила стали строже, так что давай сделаем что-нибудь эротичное в пределах правил.

— Другими словами, я цундере наоборот!

— Цундере наоборот? Что это такое?

— Другими словами, обычно я в «дере»-режиме, и ты можешь ко мне подойти, и я не буду возражать против физического контакта, например, если ты положишь руку мне на плечо и приблизишь своё лицо, но в тот момент, когда ты подумаешь: «Э? Да ладно, я ей нравлюсь» и признаешься, я переключусь в «цун»-режим и холодно отброшу тебя фразой в духе: «О нет, я не это имела в виду. Пожалуйста, прекрати. Ты что-то не так понял, так что не забывайся».

— ...

Нет, нет, это не цундере и не цундере наоборот.

Разве это не обычная девушка, которую можно встретить довольно часто?

— Другими словами, будучи цундере наоборот, я могу сказать что-то вроде «потрогай её» в шутку, но если ты это сделаешь, я разозлюсь: «ты всерьёз меня воспринял, ты что, дурак?»

— Кошмар какой.

Цундере наоборот очень страшные.

Не знаю, как с ними сближаться.

— Так вот, что ты хотела на самом деле? Какого продолжения беседы ты ожидала, вот так демонстрируя свою грудь передо мной?

— Ну, я отчасти шутила. Я же сказала, это была проверка. У меня, как у штабного офицера Огненных Сестёр, был план. Если бы я выставила грудь, а мой брат меланхолично сказал: «Вообще-то, меня не интересует твоя грудь», доказав верность моей теории, я бы ответила: «Потому что это грудь твоей сестры?», и в этот момент я начала бы розыгрыш.

— А. Так вот чего ты хотела.

— А ты ответил великолепным ударом навывлет.

«В самом деле», — говорит Цукихи, надувая щёки.

Похоже, с чувством расстояния между братом и сестрой что-то было не так.

— Однако я должен сказать, что столь нормальное развитие было бы слишком предсказуемым. А вот то, что я схватил сестру за грудь, намного забавнее.

— Эм. Ладно, ты прав. Я прощу тебя.

Меня простили.

Возможно, это из-за её невероятной объединяющей способности или популярности как лидера, но её терпимость заставляла меня беспокоиться.

— Эй, ну и как?

— Хм?

— Я спросила, ну и как?

— А. Ты спрашиваешь о моих впечатлениях о груди сестры.

Она хотела узнать.

Естественно быть заинтересованной в том, как другие оценят твою собственность, которую ты растила долгие годы.

Я подумал, что сейчас не лучшее время для сладкой лжи, и немного пораскинув мозгами, заявил честно и откровенно:

— 76 очков, оценка B!

— Слишком расплывчато!

У неё большое будущее.

Хотя я должен сказать, что в данном случае я, как оценщик, касался только груди своей сестры, поэтому едва ли мне можно было доверять.

— Ну и в итоге, какой результат?

— Результат чего?

— Ну, после того, как ты сказала «коснись их», я это и сделал.

— Сказала же, я ненавижу, как ты меня изображаешь.

— Какое заключение ты можешь сделать на основе этой «проверки»?

— Так, посмотрим.

Услышав мой вопрос, Цукихи задумалась. Мне даже подумалось, что она была так беззаботна, что пока я её не спросил, она и не думала об этом. Любопытная реакция.

Разве не она хотела, чтобы я помацал её грудь?

Хотя, я этого и не делал.

Это её грудь помацала мою ладонь.

Какой массаж.

— Брат, ты не разочарован?

— Что?!

Худший из возможных выводов.

— А если подумать, до этого ты говорил, что не можешь покупать порно-журналы, не можешь покупать порно-журналы, не можешь покупать порно-журналы.

— Я три раза не говорил.

Стану я ещё такое повторять.

Просто с языка сорвалось.

Я только что неосторожно сказал то, что думал.

— Плохо. Совсем плохо. Ты, перепутавший влечение с любовью, создаёшь таким образом инфляционную спираль разочарования.

— Инфляционную спираль...

Что это такое.

Впрочем, я слышал про дефляционную спираль.

— Какой ужас... инфляционная спираль... хочешь сказать, что похожий на 007 феномен происходит у меня в голове...

— Да. Поэтому ты без колебаний касаешься груди сестры.

Коснуться... груди, которая похожа на сенсорный экран.

— Сенсорный экран плоский!

Она ударила меня.

Если бы на её месте была Карен, я бы отлетел к стене, но поскольку била Цукихи, я ничего не почувствовал. Поэтому настаивал.

— Ха. Я имею в виду, что ты можешь ввести код любви на сенсорном экране.

— Это не мило!

— А потом ты можешь аннулировать свой счёт в банке.

— Это мило!

У неё было злое сердце, но, как и следовало ожидать от моей сестры, она была справедливой судьёй.

— В этом и проблема, — сказала Цукихи. — Ты можешь радоваться, что это была моя грудь, но если возрастёт твоё разочарование, ты, возможно, наложишь руки даже на дорогую тебе грудь Х-сан.

— Хм. Я могу в буквальном смысле наложить руки на её... в смысле, я могу радоваться, что это твоя грудь.

— Ты рад?

— Она была неплоха.

Что за диалог

— Однако если бы события развивались также, и Х-сан выставила свою грудь со словами «коснись её»...

Х-сан такого не скажет.

Даже представить не могу.

— Нет, нет, я о том, что даже если она этого не сделает, ты всё равно коснёшься её. Ты попытаешься её обмануть.

Ты будешь говорить вещи в духе «давай поиграем в догонялки. Если я тебя коснусь, тебе водить».

— Неубедительный обман...

— Можете ещё поиграть в цветные догонялки. Выберешь тот цвет, который у Х-сан на груди.

— А этот обман не только неубедительный, но ещё и ненадёжный.

Нет.

Я пытаюсь вспомнить, и понимаю, что именно так я бы и попытался обмануть.

Я медленно беру свои слова назад и киваю.

Понятно. Разочарование.

Жестокое слово, оно меня правда ранило (хнык), но теперь, когда она всё это сказала, я могу с ней согласиться.

По сути, я даже почувствовал, что так оно и есть.

Можно сказать, она попала в яблочко.

Преступник, пойманный великим детективом, наверняка чувствовал себя также.

Я почувствовал себя лучше.

Понятно, так это было чувство разочарования.

— Ты права. Так и было.

— Да. Ты был близок, брат. Ты почти что поверил лживой мысли, что ты влюбился в одноклассницу, которая тебе не нравится и у которой просто привлекательная грудь.

— Понятно, понятно. Настоящее «не пойми неправильно».

— В этом случае, с точки зрения Х-сан, это был неотложный вопрос.

— Угу.

Действительно.

Так долго путая разочарование с любовью, я мог бы взбеситься, если бы в день признания что-то пошло не так.

Это можно было бы назвать катастрофой.

И всё же, учитывая характер Х-сан, она могла улыбнуться даже такой катастрофе.

Поэтому.

Я должен сдерживать.

Сдерживать себя.

— И правда. Ты удержала меня на краю, Цукихи-тян. Я почти ушёл на тёмную сторону.

— Тёмную сторону, говоришь.

— Ха-ха-ха-ха²⁴. Вероятно, я всё неправильно понял. Демонический король шестого неба Арараги Коёми не должен влюбляться в простую женщину.

— Мне кажется, тебе некуда уходить. Ты уже великий колдун, блуждающий по тёмной стороне.

«И кстати, что это за смех?» — спросила Цукихи.

Смех Ашурамана²⁵, ответил я.

— Ну и вот, к выводам мы пришли, теперь нужно решить, что делать. Если мы оставим моё разочарование как есть, может случиться нечто ужасное. Мы должны защитить Х-сан от моих злых рук.

— Верно.

— Должен сказать, нам очень повезло, мы смогли понять правду по разнице в касании.

— Верно.

— Я попытался сказать первое, что пришло в голову, но меня проигнорировали.

Похоже, кое-что не работало просто потому, что она была моей сестрой.

— Будет грустно, если после того, как ты вонзишь ядовитые клыки в Х-сан, тебя арестует полицейский, и в итоге всё закончится твоим воплем: «А-А-А! С грудью покончено!»

— Если меня арестует полицейский, едва ли концовка будет такой весёлой.

— Даже я не хочу, чтобы в моей семье был преступник. Это будет позором для Огненных Сестёр. Всё то, что мы так долго строили, обратится в прах.

— М-м. Я часто слышал, что по-настоящему надо бояться не умелого врага, а неумелого союзника.

— Союзник в данном случае вреден, а не неумел.

— Можно и так сказать.

Вообще-то, я с самого начала не был союзником Огненных Сестёр.

Мне иногда казалось, что ко мне относились как к шестому бойцу в сентай-отряде (я слышал, что меня называли Огненным Братом — какая банальщина!), но я не помню, чтобы становился серебряным воином.

— Ничего не поделаешь. В качестве замены, я буду использовать твою грудь и грудь Карентян, и таким образом очищу разум.

— Я не позволю тебе пользоваться такой заменой.

— Эй, эй, вы же Огненные Сестры, воины правосудия. Вы должны с радостью пожертвовать собой ради меня.

— Скорее, правосудие пожертвует тобой.

«Как будто я позволю тебе трогать мою грудь просто потому, что тебе хочется убить время», — сказала Цукихи.

— И что мне делать? Я дотронусь или до невинной Х-сан, или до моих сестёр. Что ты выберешь?

— Если таковы варианты... ох. Ладно, трогай нас!

Мои сёстры и правда готовы на самопожертвование.

Я почувствовал себя неуютно.

— Можешь делать с нашей грудью что хочешь. Но пообещай, что не коснёшься Х-сан!

— Хорошо, обещаю. Нет, не только Х-сан. Если вы пожертвуете собой, я клянусь, что, если в ближайшем будущем встречу бездомную лоли с двумя хвостиками и рюкзаком, я совершенно точно не обниму её сзади.

— Откуда такая точность?

— Не знаю.

Откуда я знаю.

Я сам был озадачен.

Я ощутил волю вселенной.

— В любом случае, лучше делать обещание как можно более конкретным. Так его легче держать.

— Понятно. Это значит, что ты никогда не нарушишь эту клятву.

— Именно.

Почему?

Это было обещание о будущем, про которое я ничего не знаю, и всё же я почувствовал, что вру.

— В любом случае, не то чтобы было только два варианта.

— Верно.

Неудивительно.

Касание груди сестёр — это наказание.

— Вообще-то, есть много методов избавиться от разочарования, не требующих заикливаться на груди сестёр. Грудь сестёр — это крайняя мера.

— Мне кажется, это такая крайняя мера, к которой ты никогда не должен прибегать.

Тогда мы должны думать о том, какой из методов избавления от разочарований я должен выбрать.

— Можешь попробовать заняться спортом или найти увлечение, которым можно заниматься даже дома, обычно так делают.

— Спорт, хм. Может, бегать с Карен-тян.

— Трёхногая гонка.

— Да, трёхногая гонка... эй, минуточку!

Видимо, меня протащат по земле.

Мне придётся пройти через то, через что проходит фата на свадьбе.

— Нет, нет, мы говорим о Карен-тян, она будет бежать очень быстро, так что ты даже земли не коснешься.

— Я что, взлечу?

Это уже какая-то тренировка ниндзя.

Ну, её шансы стать ниндзя выше, чем шансы стать невестой.

Боже мой, сколько времени прошло с моей последней нори-цукками.

— Спорт сразу отпадает. Я не хочу, чтобы у меня развился ещё больший комплекс неполноценности из-за Карен-тян.

— Маленький братик... — пробормотала Цукихи с издёвкой.

Она сказала это в умственном или в физическом смысле?

Наверное, в обоих.

— Тогда домашние увлечения.

— Верно. Брат, ты играл в новые игры?

— А. Новые игры. Последние игры. Люди стали делать сетевые игры, и если играть в них в одиночку, ты и половины удовольствия от них не получишь.

— Ага. А что насчёт игр для прохожих²⁶?

— Они такие же.

Впрочем, мы на окраине, так что едва ли я натолкнусь на прохожих, играющих в ту же игру.

Собрание в игровом углу магазина.

Каким должно быть Героическое шоу.

— Когда я думаю о том, что с самого начала веселье будет ограничено, играть уже не хочется.

— Мы могли бы установить локальную сеть и играть на первом этаже.

— Ты меня не так поняла. Я хочу играть один.

Можно сказать, я ненавижу игровые автоматы.

Никто не войдёт в моё сердце.

— Человек, желающий играть в игры исключительно в одиночестве, не может влюбиться.

Цукихи вернулась к старой теме, а потом сказала:

— Тогда иного выхода нет. Мацай грудь сестёр.

— Мы уже перешли к крайним мерам?!

— Ошибочка. С языка сорвалось.

— Мне кажется, мы ошиблись во всём, в чём только можно.

— Тогда иного выхода нет, — повторила Цукихи. — Купи порно-журнал.

— ...

И этим всё закончилось.

— Из-за недопонимания ты в этом месяце воздержался от покупки. А раз мы говорим о тебе, то я думаю, ты попытался исправиться, обвязал все свои сокровища верёвкой и выкинул их.

— О-откуда ты...

У моей сестры хорошая интуиция.

Или я слишком предсказуем.

— От этого ты только сильнее разочаровался. Поэтому, если ты купишь новую порнуху, проблема решится сама собой.

— Хм.

Если подумать, это было лечение не симптомов, а самой болезни.

Я могу устремиться к настоящему исцелению.

Действительно.

Если у тебя есть порно-журналы, любовь не нужна.

Проблемы решены.

Я и Цукихи нашли ответ на вопрос мирового масштаба.

И именно потому, что это был вопрос мирового масштаба, неправильный ответ мог уничтожить человечество.

— Понятно... так вот что такое книги мудрости.

— Да. И читай между строк. Страницы ты должен зачитывать до дыр.

— И снова ты помогла мне кое-что понять. Как и ожидалось от Арараги Цукихи, хвастающейся стопроцентной эффективностью в любовных советах. Я подумал, что эта глава будет длиться вечность, но теперь мне кажется, я чувствую концовку.

— Верно. Наша беседа в аниме длилась бы три серии, но теперь мы, наконец, можем закончить главу. Решено, будем ковать железо, пока горячо, брат. Книжный магазин вот-вот откроется, так что, может, прямо сейчас и сходишь? Если хочешь, я могу пойти с тобой.

— Нет, мне твоя помощь уже не потребуется. Ты и так многое сделала. Я не могу требовать от тебя ещё большего.

«Предстоящая битва — только моя», — сказал я, пытаюсь выглядеть как можно круче, однако от моего взора не ушла одна деталь.

— Чёрт. Может не получится.

— Э? Почему? В моем плане есть какой-то недостаток?

— Нет, твой план безупречен, но у меня нет зелени²⁷.

— Зелени? Чьей, детей-самоубийц?

— Зелени, а не завещаний²⁸.

М-м.

Система, при которой, не подумавшись, мы не сдвинемся с места, тратит много времени.

— Я о деньгах.

— Деньгах.

— В данный момент у меня недостаток финансов.

Я бы назвал это цианозом.

В любом случае, у меня в кошельке только 377 иен. Говорят, будто тот, кто точно знает, сколько у него денег, в будущем может стать богачом, но в моём случае денег было так мало, что глупо не знать точного количества.

— Как ты их все смог потратить? На день рождения дедушка же давал тебе денег.

— Если ты покупаешь игры, деньги имеют свойство тратиться.

— Ты покупал игры.

Этот факт не ускользнул от неё.

Ладно, жаловаться, делая то, что должен — это мой стиль жизни.

— И что за игру ты купил?

— Альпиниста, замаскированного под Идолмастер.

— Ну и зачем маскировать было... в самом деле, что за обременительный брат. Боже мой, с таким глупым братом сестра хлопот не оберётся, — сказала Цукихи, будто мстя мне за мои слова.

Выглядела она самодовольно.

Однако должен сказать, что, поскольку купить игру и остаться с 377 иенами в кошельке было моим достижением, тебе стоило бы благодарить меня за то, что я могу так себя вести.

— Ничего не поделаешь. Я подарю тебе книгу из нашей с Карен-тян драгоценной коллекции.

— ...

Не хочу получать эротический журнал от сестры!

И неважно, старый он или просто лучше моих.

Если наши вкусы не совпадают, это будет бессмысленно, если совпадают, это ещё хуже.

— Ладно, на всякий случай я спрошу. Про что он?

— Ну, мы хотели разнообразия, но в основном он про милых мальчиков.

— Хорошо, достаточно.

Я оборвал её.

Я оборвал загнивающую²⁹ дискуссию.

— Не дослушаешь до конца?

— Я и не хотел начинать слушать.

— Эй, брат, нехорошо даже не слушая отказываться от вкусов других людей.

— Отказываться от вкусов — плохо, отказываться от плохих вкусов — хорошо.

— Ты их даже не читал.

Цукихи шикнула на меня.

Надулась.

Похоже, она была недовольна моей философией.

— Я не столь предвзята. Я один за другим узнала обо всех твоих вкусах, и пришла в ужас.

— Не узнавай о них! И не ужасайся!

Я думал, у тебя хорошая интуиция!

А ты просто обыскала мою комнату!

— Честно говоря, твои вкусы просто кошмарны.

— Прекрати!

Я не хочу, чтобы ты мне об этом говорила.

И не нужно говорить мне о том, что мои вкусы абсолютно нормальны!

Чёрт, нужно думать о новом схроне...

— Кроме того, ты говоришь, что я не читал их, но что бы ты сказала, если бы я их прочитал? Могла бы ты, как сестра, закрыть на это глаза?

— Брат-яойщик — это моз!

Цукихи подняла палец.

Плохо.

Она сгнила, я опоздал.

И потом Цукихи, бормоча «как тяжело, как тяжело. Огненные сёстры получают ожоги³⁰», встала и быстро вышла из комнаты. Судя по тому, что она ничего не сказала, она скоро вернётся.

Не думаю, что она неожиданно разозлилась.

Что-то вроде «меня бесит твоя одежда!»

Даже если дело в этом, наши отношения как родственников довольно жестоки, но к счастью, сейчас все было по-другому. Цукихи мигом вернулась. В руке она держала три аккуратно сложенных банкноты по тысяче иен.

А потом протянула их мне.

— Держи, я тебе одолжу.

— Э? Одаришь жалкого человека?

В тот же миг я унизил себя.

Должен быть предел беззастенчивости, даже если я сам так говорю.

— Ага. Однако помни, что это долг. Это не сенсорный экран, потыкав который, можно аннулировать свой счёт. Тебе придётся расплатиться!

— Ко-конечно! Я расплачусь с процентами! Законно установленными процентами!

— Ты очень педантичен...

— Мужчина всегда возвращает долг.

— Звучит не так круто, если мы говорим о деньгах...

Если подумать, то зрелище меня, стоящего на коленях перед сестрой, дающей мне денег — самое жалкое, какое я только видел.

И, словно пытаясь сделать его ещё более жалким, Цукихи сказала:

— Без процентов. Взамен можешь выразить свою благодарность.

— Выразить благодарность?

— Я хочу, чтобы ты показал мне сердце, говорящее «спасибо, Цукихи-тян, я люблю тебя», — сказала Цукихи, снимая носок.

Сделала это она бессмысленно-эротично.

И потом, стоя на одной ноге, будто в фильмах про кун-фу, она протянула ногу к кончику моего носа.

И угрожающе произнесла:

— Оближи её.

Я облизал её.

— Ты снова не колебался ни секунды!

И, как и в фильмах про кун-фу, меня пнули по носу.

Это было больно. Я получил такой сильный удар, что не удивился бы, если бы нос сломался, а не просто истёк кровью.

— Что ты делаешь?

— Это я хотела сказать!

— Нет, это моя фраза! Я её никому не отдам!

— Отдай!

— Отвратительно, отвратительно, отвратительно, — Цукихи вытирала ногу так, будто стирала и плохие воспоминания.

— Эй, это грубо. Ты ведёшь себя так, будто мой язык проклят. Это потому что ты докучала мне словами «оближи её», я с некоторым сомнением её и облизал.

— В твоей решительности не было и намёка на сомнения или колебания. И это уже даже не подражание! Это наглая клевета!

— Если не хочешь, чтобы я продолжил лизать твои ноги, давай деньги.

— Угрозы?!

Цукихи бросила три банкноты.

Как дети, толпящиеся вокруг рисовых лепёшек, я поймал их, пока они ещё летели.

Поймал, поймал, поймал.

Я проверил их, как банкир.

— Хорошо. Действительно, три тысячи иен.

— Я просто одолжила тебе немного карманных денег, почему мне кажется, будто я вернула долг?

— Вероятно, ты мне не доверяешь. Я попрошу маму с папой автоматически вычесть три тысячи иен из моих карманных денег в следующем месяце и отдать их тебе.

— Я благодарна за заботу, но если ты так думаешь, может, мне стоит вести себя как сестре, которая тебе доверяет.

— Я готов к худшему.

С этими словами я посмотрел на часы.

Десять утра.

Хорошее время, чтобы покататься на велосипеде.

Я открыл шкаф и ещё раз переоделся — теперь из домашней одежды в уличную.

Почему-то это стало походить на показ мод.

— Эй, брат.

Я успел надеть джинсы, когда Цукихи, бездельничавшая за столом, позвала меня.

Что ей надо.

Она уже дала мне денег, так что ей пора бы исчезнуть.

Из этого мира.

— Когда ты так накачался?

— А?

— У тебя черепаший живот, — сказала Цукихи, ткнув в него пальцем. — Если подумать, я тебя давно не видела голым, но раньше у тебя не было такого пресса.

— А.

В данный момент он состоит из шести «кубиков». Впервые я раздеваюсь перед своей сестрой в таком состоянии. Я стал таким во время весенних каникул — а значит, я уже месяц не раздевался перед Карен и Цукихи.

Какая небрежность!

Мне стыдно, что я так долго не показывался обнажённым своим сестрам.

... Эм, нет.

Что я за извращенец.

Я чувствую, что уже какое-то время сам себя атакую фразой «что за извращенец», но видимо, это и есть доказательство того, что я извращенец.

— Честно говоря, я стал фанатиком пресса.

— Ты точно фанат.

— Серьёзно. Я следую программе развития пресса «Лагерь Билли».

— Откуда такие склонности к бодибилдингу?

Конечно, я не могу сказать ей правды, поэтому я придумал подходящее объяснение и дал уклончивый ответ.

— Я придумал такую смешную шутку, что мы животы надорвём, поэтому я готовлюсь рассказать её.

— Настолько смешная, что даже сам рассказчик смеётся...

— Ага. Если не хочешь умереть, тренируй пресс.

— По программе Лагеря Билли или упражнениями для потери веса?

— Я бы посоветовал мотереччи.

— Мотереччи?

«Подшло бы лидеру банды модниц вроде тебя», — сказал я, и после объяснения, похожего на обман, Цукихи кивнула:

— Хм, понятно.

Она была очень заметной (это всё ещё верно), но не могла понять каждого моего движения.

В этот раз она ответила просто потому, что я задал ей вопрос.

— Ладно, спасибо.

Закончив надевать кофту, я вышел на улицу, наконец нормально поблагодарив Цукихи.

А говорят, с этого лучше начинать.

— Нет, не стоит.

— До встречи.

— Пока.

Когда я обернулся, то увидел, что Цукихи снова разлеглась на моей кровати. Похоже, она собралась поспать. Я всегда считал, что мешать другим спать — невежливо, но ладно, так или иначе, она мне помогла, так что я могу одолжить ей постель. Надеюсь, она что-нибудь сделает с ломом.

Напоследок я спросил ее:

— Цукихи-тян.

— Что?

— В этот раз мы решили, что это была ошибка, но как думаешь, сможет такой человек, как я, однажды влюбиться?

— Сможет, почему нет? Ты же человек.

— Понятно.

Сладких снов.

Услышав ответ Цукихи, я вышел из комнаты.

А затем улыбнулся.

Слабо улыбнулся.

Человек.

Как бы сказать, с весенних каникул я начал беспокоиться о том, что для меня должно быть естественным.

Как и с прессом.

И правда — история, из-за которой живот надорвёшь.

— Сила человека стала до смешного болезненной историей.

Быть сильным.

Сила.

Идея, которая была уничтожена на весенних каникулах, никем иным как Х-сан.

Х-сан. Х-сан. Х-сан.

— Ха...

Когда я был готов сменить слабую улыбку на громовой смех в стиле Ашурамана...

— Я дома, — услышал я.

Похоже, с пробежки вернулась Карен. Она на удивление быстра. Как можно понять из того, что её зовут пулей, когда она выходит из дома, она не возвращается.

Дольше всего её не было, когда она училась в шестом классе. Она сказала, что выйдет ненадолго, и не возвращалась три дня — кстати, тогда её видели в Окинаве.

Не бегай через моря.

Нам придётся звонить в полицию.

— Добро пожаловать.

От этой сестры были одни проблемы даже дома, однако, в эти времена хаоса и беспорядка, мне стоило бы поприветствовать её.

Ничего не поделаешь, немного пообщаемся.

Не зная, куда движется моё сердце, я произнёс приветствие, спускаясь по лестнице, и пошёл ко входу. Там я нашёл вспотевшую женщину в спортивном костюме, Арараги Карен, которая снимала обувь на пороге.

?..

Мокрую?

Э? На улице дождь? Я собирался в магазин.

Я не особо смотрел из окна, но все же не слышал шума дождя, так что подумал, что как всегда сияло солнце.

Солнечный дождь.

— О. Брат мой. Ты проснулся ещё раз?

Сняв туфли и поставив их на место, Карен наступила на мат у входа. Намочила мат у входа.

— Я беспокоилась, когда доверила одной Цукихи важное задание пробуждения нашего брата, способного поспорить в умении спать с Эстарком³¹, но, похоже, всё закончилось хорошо.

— Не уверен, так ли хорошо...

Сама по себе задача пробуждения была выполнена, но мне кажется, Цукихи расплатилась за это сполна.

Ей пришлось позировать в белье, её хватали за грудь, ей лизали ноги, а в итоге ещё и отобрали три тысячи йен.

Кто мог так обойтись с моей сестрой?

Не прощу.

— Угу, Цукихи-тян становится всё более и более независимой. Как сестра, я чувствую себя одиноко, но я должна похвалить её.

— Если ищешь Цукихи-тян, то она, исполнив свой долг, заснула у меня в комнате, так что потише. Потом похвалишь. Карен-тян, ты не взяла с собой зонт?

— Мяс?

Карен озадаченно прищурилась.

— Брат, что с тобой такое? Ты редко зовёшь нас по имени. Ты так стеснялся назвать нас по ошибке с «-тян», что стал называть «большая сестра» и «маленькая сестра».

— Да, и этот окольный способ меня раздражал, так что я решил прекратить так делать.

В любом случае, люди не этого хотят.

Лучше я один буду с этим справляться.

— Эм. Мне кажется, с хронологическим порядком что-то не так, но и фиг с ним.

У мозга Карен была печальная особенность, выражавшаяся в неспособности думать о чём-то слишком сложном, и в большинстве случаев она просто прекращала это делать со словами «фиг с ним», так что она не особо задавалась вопросом о том, почему я так её назвал.

— Дожда нет, — сказала она. - На улице хорошая погода, подходящая первому дню Золотой Недели.

— Да? Но почему тогда ты мокрая? Ты упала в болото?

— Я не падаю, я забираюсь выше и выше, — с крутым видом сказала Карен-тян.

Она раздражала меня ещё больше, чем окольный способ.

— Принцип «даже свинья поспорит с воздушным змеем, если ей польстить» изобрели из-за меня.

— ...

Вот до какого предела слова из-за тебя изобретали?

Нет слов, чтобы описать, насколько она физически и ментально мазохистка.

— Неважно, падаешь ты или взлетаешь, просто скажи мне, почему ты намокла. Не говори, что тебя во имя Марса покарала Сейлор Марс.

— Не говори ерунды, брат. Она — моя напарница.

— Это ты чушь несёшь.

— Это просто пот.

«Смотри», — сказала Карен и обняла меня.

Мне показалось, будто меня окутали впитавшей много воды губкой.

Другими словами:

— Отвратительно! Уровень дискомфорта достиг максимума! От тебя потом воняет!

Пот?

Всё это?

— Ой, брат. Жестоко говорить половозрелой девушке, что она воняет потом.

— Отпусти! А-а-а! Правда некомортно, в смысле некомфортно!

Я сопротивлялся изо всех сил, но без толку.

В отличие от Цукихи, Карен-тян была спортивной.

Даже всех моих сил не хватило, чтобы вырваться.

— Утю-тю.

Карен потёрлась щекой об меня. Её пот, словно смазка, размазался по щеке, так что казалось, будто меня обтирают солью из пота.

Какой жесткий массаж.

— П-прекрати, Карен-тян! Вспомни о разнице в росте! Ты теперь моё лицо о свою грудь трёшь!

— Э? Правда? Ой-ка-кой-стыд!

Стоило сказать про это, она быстро отскочила от меня и изобразила смущение.

Моя жизнь спасена, но я не понимаю, как ты определяешь, что стыдно.

После таких страстных объятий чего ещё стыдиться?

— Всё это пот? Seriously... ну, да, это пот...

Хоть с меня и не течёт, из-за того, что меня обняла Карен-тян, даже я промок до нитки. Я проверил, что это за жидкость, лизнув её, и это был настоящий пот.

— Не слизывай пот сестры. Непристойный брат.

— Это сестра, возвращающаяся домой похожей на чудище, вылезшее из реки, непристойна.

Как то чудище звали?

Мокрая женщина³²?

Если так, то это было очень импульсивное решение.

— Ты так вспотела из-за бега? Ты там с Годзиллой подралась?

— Я нечасто бегаю, так что не следила за своим состоянием. Похоже, я неправильно распределила усилия.

— О.

Даже на пробежке она бежала изо всех сил.

Понятно.

Однако мне казалось, жидкость, покрывавшая тело Карен, весит больше неё...

— И я как-то далеко убежала. 42,195 километра.

— Ты целый марафон пробежала?

— Понимаешь, я хотел отметить начало Золотой Недели, и мне вспомнились бегуны Олимпийского пламени.

— Даже они не бегают 42,195 километра!

Ты путаешь их с теми, кто бегает марафон на олимпийских играх!

— Э? Но они же соединяют страны, разве они не бегают хотя бы по столько?

— Они делят путь на отрезки. Бежит много людей, и если ты так думала, то ты бегала слишком мало.

Её чувство расстояния между странами очень сужено.

Что это за атлетическая встреча по соседству?

— Но брат, 42,195 километра — это много.

— Конечно это много. Так много, что с тебя пот ручьём льётся.

— Да. Я поняла. Как нельзя лучше поняла. Даже если это 42,195 километра, я подумала, что в худшем случае это сто раз по сто метров.

— ...

Страшно, страшно, страшно, страшно!

Её глупость страшна!

Я задрожал!

— Поняла, поняла, я выдохлась. По крайней мере, я поняла, почему так устала.

Ничего не понимающая дура начала говорить так, будто она что-то поняла.

Я забеспокоился.

— Эй, брат. Где финишная лента? Ты её приготовил?

— Нет. Откуда я мог знать, что, пока я спал, моя сестра бежала марафон?

— Что? Странно. Я же просила Цукихи-тян сделать это.

— Даже Цукихи-тян не думала, что ты это серьёзно...

Или может, она специально проигнорировала её.

Они были близки, но в этом плане Цукихи бывала холодна.

Можно сказать, у неё было плохое чувство юмора.

— Ничего не поделаешь. Цукихи начинает лениться ближе к концу. Думаю, я всё ещё нужна ей.

— Даже Цукихи не хотела бы услышать это от такой дурочки.

— Но если я не пересеку финишную ленточку, мой забег не окончится!

Карен ещё раз повторила «ничего не поделаешь», затем повернулась ко мне и сказала:

— Брат, сделай нимб у себя над головой.

— Нимб? Как у ангелов?

— Не этот. Руками, вот так.

— А.

Последовав примеру Карен, я сделал, как она попросила. Я изобразил руками ноль. Я не знал, зачем ей это, но...

— А-а!

Карен прыгнула.

И, сгруппировавшись после прыжка с разбегу, пролетела через кольцо из моих рук.

Как дельфин.

Или как лев, прыгающий через кольцо огня.

Ударив меня по макушке.

Словно пролетев через ушко иглы — она проскользнула со скоростью шмеля.

— Та-да!

А затем великолепно приземлилась

— Я прошла через брата! Теперь я достигла цели.

— Не делай таких страшных вещей!

Хотя я пытался казаться храбрым, мой голос дрожал.

Я представил все мурашки, бегающие по моему телу.

— Ох, я так устала. И я хочу пить. Воды, воды!

— погоди! Мы ещё не договорили!

«Вот-вот, не иди в коридор, пока с тебя пот льётся», — хотел сказать я и пошёл вслед за Карен, отправившейся в гостиную, видимо, за жидкостью.

Я догнал её на кухне, где она засунула голову в раковину и пила прямо из-под крана.

Она была мужеподобна...

Разве она уже не мужчина среди мужчин?

Хоть она и моя сестра.

— Буль, буль, буль, буль, ах!

Карен выпила, как мне показалось, литров пять и, наконец, выпустила кран.

— Ты сказал, что от меня воняет, и ужасно ранил мои девичьи чувства, так что я пойду приму душ, — сказала Карен и начала снимать спортивный костюм.

Прямо тут.

Другими словами, прямо передо мной.

Ну и какие девичьи чувства я после этого могу ранить... раз уж мы родственники, я не возражаю, но ты должна раздеваться в ванной.

— ...

Но всё же.

Как и у Цукихи-тян, у неё был парень.

Мизудори-кун, кажется.

Я с ним не был знаком.

Другими словами, не знаю, что насчёт девичьих чувств, но вот любовь ей была знакома.

— Эй, Карен-тян, — позвал я.

Я почувствовал, что это бессмысленно с самого начала, но если мне повезёт, смогу получить приятный ответ.

— Что такое, брат?

— Я хочу, чтобы ты меня кое-чему научила.

— О, наконец-то ты хочешь пойти по пути карате.

— Нет, я хочу узнать у тебя не секреты спорта.

Я говорил серьёзным тоном и задал вопрос:

— Как ты решаешь, любишь ты кого-то или нет, нравится он тебе или нет?

— Э?

«Это любовная консультация?» — спросила она.

Карен сняла майку, обнажившись до пояса, и ловко повесила спортивный лифчик на плечо, будто полотенце.

— Если ты смотришь на его лицо и хочешь от него детей, это значит, он тебе нравится, — ответила она.

Очень по-мужски... к сожалению, я не могу использовать этот ответ как подсказку.

Примечания

1. http://en.wikipedia.org/wiki/Professional_wrestling_holds#Camel_clutch
2. Олимпийские игры по-японски «Горин»-«пять колец».
3. В японском языке «оба плеча голые» вполне может означать, что девушка раздета до пояса.
4. Франц Кафка, «Превращение».
5. Отсылка к Boogiepop Overdrive.
6. Национальный праздник, сдвинутый на понедельник. День совершеннолетия.
7. В японском, слово «разные» пишется двумя иероглифами «цвет».
8. Нендороид Пути.
9. Японское выражение, означает «вкладывать силы во что-то бесполезное».
10. Готовится, например, на свадьбы.
11. Дэйтсим о двенадцати сёстрах. Все они использовали разные формы слова «брат».
12. Извращенец.
13. Отсылка к InuYasha.
14. Кафризм — заклинание из серии игр Dragon Quest.
15. На шлеме Канецугу был начертан кандзи «любовь».
16. Рыба. По слухам, очень вкусная.
17. Также может читаться как «не испытываю влечения».
18. «Ты меня не отпустишь» звучит как «Ханасанка», что похоже на http://en.wikipedia.org/wiki/Hanasaka_Jiisan

19. «Омаэ» — несколько грубая форма местоимения «ты», несвойственная девушкам.
20. Звучит как «Донна ни на но ё донна ни на но ё донна ни на но ё. Ёдонда ни на но ё?»
21. Слово «истерика» в японском языке заимствовано от немецкого *hysterie*, что весьма напоминает «mystery».
22. Сейю Цукихи.
23. Отсылка к Ultraman.
24. Ка-ка-ка!
25. Герой Кинникумана.
26. Например, игрок включает поиск устройств в своей приставке и идёт по улице. Впоследствии он обнаружит, что встретился, обменялся приветствиями или получил подарок от других игроков.
27. Сакидацу моно.
28. «Сакидацу фуко»: означает «непочтительно ухожу первым» — ребёнок недоволен тем, что умирает раньше родителей. Используется в записках самоубийц.
29. «Фудзёси» пишется через кандзи «гнить».
30. «Как тяжело» пишется как «обжигать руку».
31. Монстр из серии игр Dragon Quest. Эстарк почти всегда спит, и перед боем его необходимо разбудить. Иногда Эстарк спит так долго, что забывает всё (даже хороший он, или плохой), кроме своего имени.
32. Нуре-онна, чудовище с головой женщины и телом змеи.

Поскольку я неосмотрительно потратил время, эквивалентное восьмидесяти страницам (почти четверть выделенного мне места) просто на игры со своими сёстрами, теперь нам придётся ускориться. Новички, попавшие сюда из экранизации, могли уже бросить читать, но я бы хотел попросить тех, кто всё ещё тут, потерпеть и остаться со мной. Не сдавайтесь, держитесь!

После того, как я... повторяюсь, я позаимствовал у своей любимой сестры Цукихи три тысячи иен (она однажды потребует вернуть долг) и получил от Карен полезный совет (полезностью которого я едва ли однажды воспользуюсь). Потом поехал в единственный крупный книжный магазин в нашем городе на своём любимом велосипеде.

Конечно же, я собирался купить порножурнал.

Я был глубоко тронут собственным стоицизмом. Подумать только, такая банальная причина, и при этом моё сердце билось ровно, даже несмотря на Золотую Неделю. Утопая в собственном нарциссизме, я крутил педали изо всех сил — когда внезапно...

Я заметил Х-сан.

Повторю.

Я заметил Ханекаву Цубасу.

ХАНЕКАВУ-сан.

— ...

Ни секунды не раздумывая, я инстинктивно ударил по тормозам, развернул велосипед и, стирая шины, остановился.

— О-о-о-ох.

Я удивился. Какое совпадение.

Конечно, это невероятное совпадение. После жаркого спора о Ханекаве, показавшего, что мои чувства к ней — не любовь, а всего лишь похоть, я увидел её саму.

Куда она идёт?

Опять в библиотеку? Нет, на Золотой Неделе библиотека наверняка закрыта. Возможно, тогда она идёт в книжный магазин за учебниками — и если я её там встречу, будет паршиво.

Придётся мне отказаться от своего плана.

Моя решимость и чувства Цукихи, одолжившей мне карманных денег, пропали зазря.

Потратить чувства сестры, которая была важнее моей жизни, — это серьёзнее, чем прервать строительство дамбы.

— Хм. А может, и не стоит так загоняться.

Всё хорошо,

Ханекава шла в противоположную от книжного сторону. Никак не показав, что она заметила меня, с той же скоростью перешла дорогу.

Хм.

Так куда она тогда идёт?

— ...

На всякий случай я объясню, кто такая Ханекава — Ханекава Цубаса.

Ханекава Цубаса.

Староста моего класса.

Староста из старост — воплощение лучших качеств отличниц.

Косы и очки идеально соответствуют её внутреннему миру. Даже сегодня, во время Золотой Недели, она всё равно в школьной форме, полагаю, соблюдает школьные правила.

Она ужасающе умна и всегда получает высшие оценки — делает это очень легко. Имя девушки, которая запросто получает максимальный балл, хорошо известно среди её одноклассников.

А ещё она вполне милая, честная и притягательная. Скажем так, эта пугающая старшеклассница была идеальным сверхчеловеком.

Лично я верю, что само слово «идеал» возникло из-за того, что древние пророки узрели Ханекаву в своих видениях.

Казалось, балбес вроде меня и эта девушка живём в разных измерениях, и я с ней не должен быть связан — однако на весенних каникулах между нами эта связь появилась.

Короче говоря.

Она спасла меня.

Она спасла мою жизнь.

Её доброта ударила по струнам в моём сердце — и в тот момент я стал её другом.

Кажется, она ошибочно сочла меня хулиганом (почему-то Ханекава не видела разницы между балбесами и хулиганами, она делала изрядное допущение, считая, что балбес — это обязательно прогульщик и хулиган), поэтому изо всех сил старалась перевоспитать меня, и из-за её влияния я оказался замом старосты, что довольно забавно.

В течение месяца после весенних каникул Ханекава удивительно хорошо ладила со мной.

Так хорошо, что я спутал это с любовью.

— Пф. Ладно, фиг с ней.

Судьба не одарила меня толпой друзей после того, как я стал старшеклассником. В каком-то смысле я был человеком, удивительно плохо чувствовавшим дистанцию, но всё же знал, что если ты встречаешь на выходных друга, ты должен его окликнуть.

Для друзей это нормально.

Я никогда не воспринимал дружбу всерьёз — однако сегодняшний день не похож на другие. У меня была важная миссия, я не мог подвести сестёр (хотя Карен особо ничего и не говорила), потому поехал к книжному.

Кручу и кручу педали.

А ещё так я защищу девушку — я об этом подумал, когда говорил с Цукихи. Отложим в сторону её грудь, даже если бы я ничего не сделал, если бы что-то пошло не так из-за недопонимания, и я в итоге ей признался бы, Ханекаве было бы очень стыдно.

Хотя, скорее, вместо того, чтобы смущаться, она прочитала бы мне проповедь, пытаясь исправить ошибку.

Признаться и в ответ получить проповедь — унылая перспектива.

Хотя было бы забавно.

Услышу что-то в духе: «Ни в коем случае!»

Даже если забыть о моих ожиданиях, я правда хотел позвать Ханекаву, но поступком настоящего мужчины было сдержаться и стойчески уйти.

До встречи, Ханекава.

Увидимся в классе после Золотой Недели.

К тому моменту я ещё подрасту как человек — может быть, ты в повзрослевшего меня даже влюбишься по ошибке.

Я крутил педали, и снова мои ноги остановились.

И не только ноги — я весь остановился.

— А?

Ханекава неожиданно повернула на углу и сменила направление — из-за этого я смотрел на неё спереди, в то время как секунду назад мог видеть только её бок.

Спереди.

И теперь я заметил большую повязку на левой стороне её лица.

У меня не было слов.

На её лице были следы лечения, на которые больно смотреть, от вида которых я потерял дар речи.

Левой половины лица не было видно.

Очевидно, царапину или синяк так лечить не станут — белая ткань, примотанная бинтом, полностью скрывала левую половину лица Ханекавы.

Не просто жалко.

А по-настоящему больно.

Больно даже смотреть.

Как будто пульсирующая боль передавалась прямо...

Нет.

Если бы это была обычная рана, я бы уже бросился к Ханекаве и позвал её.

Я должен беспокоиться.

Я должен спросить, что случилось, как она так поранилась.

Я бы спрашивал её, упала она или ударилась о фонарный столб, или что-то в таком духе.

Однако я оцепенел.

Видимо, я слишком много думаю.

Я выдумывал ужасные версии после дуэлей, в которых участвовал на весенних каникулах?

Например, большинство людей правши. А если бить человека по лицу правой рукой, то пострадает левая сторона...

— ...

Но если забыть о повязке, Ханекава выглядела как обычно — косички, очки и школьная форма выглядели привычно и даже героически.

Даже героически.

А на деле напряженно.

Я не мог двигаться, оцепенел, и тогда Ханекава заметила меня.

Она заметила меня.

Я попался.

Вполне естественно — всё-таки теперь она смотрела не вбок, а прямо на меня. Я заметил Ханекаву, так что она не могла не заметить меня.

Я подумал, что это моя первая оплошность на Золотой Неделе. Я думал, это была ошибка. Я собирался уйти, не трогать её, собирался сделать вид, что не видел её, поэтому я должен был моментально исчезнуть.

Такой как я.

Должен был исчезнуть.

А раз я этого не сделал и застыл на месте, словно умственно отсталый, Ханекава сама заметила меня.

— Ой, — сказала Ханекава.

Она указала на меня.

— Приветик, Арараги-кун.

С этими словами она радостно подбежала ко мне.

— Ну, как у тебя дела?

Даже настроением она слишком походила на обычную Ханекаву, и потому повязка на левой стороне казалась чёрной тучей.

— Приветик, ну, дела...

Голос, прозвучавший в ответ, не мог быть обычным. Мой голос казался пустым, и я, кажется, умудрился запнуться, сказав три слова.

— Хм. Ой.

В этот момент у Ханекавы было лицо человека, сделавшего ошибку.

Она заметила мою вялую реакцию, скорее механическую, чем монотонную, и вспомнила, как она сейчас выглядит.

Конечно, это не рис, прилипший к губе, она не могла не знать о повязке на лице.

Так что она могла догадаться о причинах моей плохой реакции — если я ошибся, то ошиблась и Ханекава.

Ей стоило поступить как я, даже когда она меня заметила.

Вот и всё.

Она была идеальна — но это не значило, что она никогда не ошибалась.

А вообще, это была не ошибка.

Возможно, Ханекава по-своему пыталась забыть о болезненной ране — да так успешно, что в итоге по-настоящему забыла.

Значит, это я заставил её вспомнить.

Я и моя неспособность подстраиваться.

— Хм, ну...

Нечасто увидишь вот так запнувшуюся Ханекаву. Она размышляла, как бы разобраться с этой непреодолимо сложной ситуацией — проще говоря, судя по виду, она была в замешательстве.

Однако я знал.

Я знал, почему Ханекава в замешательстве — потому что ей было довольно неловко оттого, что она попалась однокласснику на глаза в таком виде, а теперь переживала, что в замешательстве оказался я.

Она думала, что бы такое сделать, чтобы я расслабился.

Даже сейчас эта девушка думала обо мне.

Она не думала о себе, она думала о других.

И оттого, что я хорошо знал об этом, я не мог вытерпеть ни секунды.

— Ну, Арараги-кун...

— Кхм.

Ханекава стала связывать слова в предложение, начав с моего имени. Она попыталась объяснить что-то или просто нарушить тяжелое молчание, но я перебил её — я начал действовать.

Хотя я говорю, что начал действовать, плана у меня не было — честно говоря, у меня в голове было совсем пусто.

Не просто не думал.

Скорее, я крайне не хотел видеть Ханекаву такой.

Я не хотел видеть повязки на её лице.

Я не хотел, чтобы она беспокоилась за меня.

Поэтому...

Поэтому я, представляя себя знаменитым питчером, чей бросок-из-под-воды (если бы он существовал) покори́л бы мир бейсбола¹, странным размашистым движением поднял длинную, до колена, юбку Ханекавы. Обычно люди называют это «задрать юбку».

— Ачта-а-а?!

За такой оригинальный поступок Ханекава одарила меня пощёчиной — естественная для девушки реакция. Восхитительно быстрый ответ. Однако, если подумать, она не должна была этого делать.

Хотя я задрал ей юбку, мы стояли так близко, что могли коснуться лица друг друга (другими словами, на расстоянии удара). Если бы она меня не била — иными словами, если бы она не заставила меня упасть на колени от изумления — с такого угла я не смог бы разглядеть скрытое.

Однако она ударила меня в полную силу, без намёка на жалость и милосердие, и в итоге я не просто встал на колени — я упал, обняв и попробовав дорогу на вкус. Оказался в положении, в котором видел всё, что находилось под задранной юбкой, задранной мной юбкой.

Больше, чем хотел.

Увидел всё.

В этот момент мне захотелось сложить руки.

Я на самом деле сложил руки и помолился.

Инстинктивно, даже не подумав об этом.

Если это было святилище, я бы каждый день выполнял ритуал ста посещений... не так. То, что я узрел этот вид, без всякого преувеличения уже означало исполнение всех моих молитв.

Настоящее чудо.

И я прямо здесь беру назад слова, сказанные Цукихи утром.

Бельё Ханекавы было чёрным как всепоглощающая тьма — я не разбираюсь в тканях, так что не могу даже представить, как можно создать нечто настолько чёрное.

Настолько тёмно-чёрное.

Настолько ярко-чёрное.

Воображение посрамлено, все сплетники замолкают, настолько эротично оно было.

И если я беру свои слова назад, то и Цукихи должна сделать то же самое. Хотя я пытался донести до неё свою мысль, она так и не поняла. Если верить стереотипам, белый свойственен серьёзности, чистоте и непорочности. Если бы Цукихи увидела это зрелище, она согласилась бы со мной.

Неважно, чёрное бельё или белое.

Если надевает их один и тот же человек — то и результат один и тот же.

Тёмно-чёрный, прилегающий к телу Ханекавы, был столь серьёзными, чистым, невинным — он ослеплял.

Я и Цукихи должны запомнить, что эротичность, серьёзность, чистота и непорочность могут сосуществовать. Такой цвет существует.

И даже такой человек существует.

И брату, и сестре стоит поразмыслить об этом.

В тот раз мы перешли с темы трусиков на тему Ханекавы благодаря её огромному разнообразию прекрасного белья. На весенних каникулах мне дважды, трижды, много раз выпадал шанс увидеть его. Но теперь ты позволила себе надеть чёрные, Ханекава Цубаса.

О боже — несомненно, пугающая девушка.

— Вообще-то, я твёрдо уверена, что это тебя стоит бояться, — невероятно холодно сказала Ханекава, совладавшая с собой, мне, всё ещё валявшемуся на земле. — Старшекласник, а до сих пор юбки задираешь... чем ты думаешь, Арараги-кун?

Ау-у-у-у.

Она на меня разозлилась.

Если меня прямолинейно ругать, я, как ни странно, лишаюсь дара речи.

Если бы мне пришлось озвучивать свои мысли, я бы сказал, что я ни о чём не думал.

Да что за чушь я творю.

Задираю юбки.

Сейчас даже младшеклассники этим не балуются.

— Хай, Ханекава

— Понятно. Хватайся, — сказала Ханекава, протянув мне руку.

Хоть я и лежал на земле, со мной всё было в порядке, так что если бы даже она не протянула мне руку, я всё равно мог подняться сам. Но принять помощь Ханекавы всегда приятно.

Я ухватился за её руку.

И встал.

— ...

Что это было?

Когда я схватился за неё, соединил нашу плоть, моё сердце забилося чаще. Из-за моего состояния?

Не понимаю.

— Ты добр, Арараги-кун. — сказала Ханекава.

С улыбкой.

С улыбкой, наполовину скрытой повязкой.

— Ты добр, и ты хороший человек.

— ...

Что мне ответить?

Её улыбка меня пугала.

Честное слово, пугала.

То, что Ханекава могла улыбаться даже в таком состоянии, заставило меня понять разницу между ней и балбесом вроде меня.

Разница не в странности.

Больше похоже на трепет.

Другими словами, страх.

Теперь я вспомнил, как Ошино прямо говорил, что из-за этой стороны Ханекавы «он чувствует себя неудобно».

— Мне нравится это в тебе.

Поверить не могу, что она это сказала.

Обычное поведение для Ханекавы, но — почему?

Конечно, я был рад, когда Ханекава сказала, что я ей нравлюсь, но вдруг почувствовал себя раненым.

Словно меня запугали игрушечным ножом.

Я почувствовал себя одиноким.

В самом деле, почему?

И потом Ханекава предложила:

— Прогуляемся немного.

Она попросила, и, не дожидаясь ответа, пошла.

Она была в замешательстве, но не колебалась. Я взял свой велосипед и, держа его за рукоятку, быстро догнал девушку.

Поравнялся с ней.

Я слышал, что этикет обязывает мужчину идти по обочине, однако в нашем случае, я бы оказался слева от неё, и из-за этого я пошёл справа.

Конечно, если машина влетит на тротуар, я бы мог защитить Ханекаву своим телом. Но я подумал, что Ханекаве не понравится, если я буду идти слева.

Она не хотела, чтобы я стоял со стороны повязки.

Так я подумал.

— Ханекава.

Теперь, когда мы поравнялись, я рискнул осторожно нарушить молчание.

— Ты куда-то шла?

— Хм? Хм, — ответила Ханекава. — Да нет. Выходные — прогулочные дни, так что я просто гуляла, чтобы убить время.

— Ладно, но куда-то же ты шла?

— Нет. Никуда не шла.

— ...

— Не то чтобы я могла куда-то пойти.

— ...

— Я не могу никуда пойти.

После этого Ханекава задала свой вопрос:

— Арараги-кун, у тебя есть сёстры?

Не похоже, что она просто так сменила тему.

— Кажется, ты говорил что-то такое на весенних каникулах.

— А...

Ты правильно запомнила — хотя я не думаю, что этим стоит восхищаться.

Её память хороша настолько, что её можно сравнить с компьютером. Неудивительно, если она помнит все наши беседы до этого момента.

А я помню всё её бельё, которое видел до этого момента!

— Арараги-кун, ты ни о чём странном не думаешь?

— Вовсе нет.

Очистившись от подозрений...

— Да, у меня есть сёстры, — ответил я.

...забросил удочку. Думая, почему Ханекава заинтересовалась ими.

— Две сестры, существование которых ничем не оправдано.

— Не оправдано, говоришь.

Ханекава улыбалась так, будто дразнила меня. «Нет, правда», — я попытался убедить её в своей серьёзности. Будет жаль, если она подумает, что я так говорю из-за скрытого смущения.

Я не цундере и не реверс-цундере.

Если придётся выбирать, то я назовусь антидере.

— В этом мире нет никого, кто мог бы сравниться с ними в умении раздражать меня — или лучше сказать, нет никого похожего на них. Мысль о том, по какой кривой дорожке я пошёл

из-за них, насколько моя жизнь порвана на части, сводит меня с ума. Когда я думаю о достойной жизни, которую мог бы прожить без них, мне становится плохо.

— Да что ты говоришь. Несмотря на это, кажется, вы отлично ладите.

Улыбка Ханекавы не исчезла.

Наоборот, она стала ещё шире.

— Похоже, вы копаетесь друг у друга в нижнем белье.

— ...

Что ещё она обо мне знает?!

Не то чтобы я копался... но по её словам можно было подумать, что она знает о нашем с Цукихи утреннем разговоре.

И если так, она могла догадаться, куда и зачем я еду... ужасно.

Сатори.

Прозвище, Сати.

— Я ничего такого не делал, — решительно ответил я с видом альфа-самца, нарисованного в стиле Хары Тецуо². — Мы только ссоримся. За пять лет мы ни разу не поговорили друг с другом. Если они пытались поговорить со мной, я их игнорировал.

— Врёшь.

— Нет, правда. Мы общаемся на языке тела.

— Вы хорошо ладите.

— За эти десять лет мы ни разу не виделись. Мы общаемся записками. Мы называем друг друга друзьями по переписке

— Я же сказала, вы хорошо ладите.

И правда.

Прохожему мы показались бы близкими родственниками.

— Это случилось даже сегодня. Даже сегодня, прямо этим утром, я поссорился с маленькой младшей сестрой. Она помацала мне руки своей грудью, это было ужасно.

— Она помацала тебе руки своей грудью?..

— Да! Серьёзно, от души помацала!

Я продемонстрировал сильнейшее возмущение, но, к сожалению, не смог заручиться поддержкой Ханекавы.

Вместо этого она широко открыла глаза от удивления.

Абсолютно белая...

Весёлый голос стих.

Я попытался начать заново.

— В любом случае, мы семья. Мы не можем враждовать друг с другом. Однако они в самом деле доставляют мне кучу неприятностей — хотя иногда происходит наоборот.

— В смысле, вы помогаете друг другу? Хорошо, теперь по описанию вы похожи на семью.

— Семью?

— Да, семью.

Ханекава шла с постоянной скоростью, словно всё следовало её плану. Я не отставал.

— Я говорила, что я — единственный ребёнок?

— Нет, вроде бы. Никогда об этом не слышал.

Хотя теперь это казалось вполне логичным. По Ханекаве можно было сказать, что у неё нет братьев и сестёр.

— Это потому, Арараги-кун... что у меня нет семьи.

Ханекава сказала это спокойным голосом.

Настолько спокойным, что я чуть не пропустил её слова мимо ушей.

Я собирался кивнуть.

У неё нет семьи? Что?

— Ханекава, даже если у тебя нет братьев и сестёр, ты преувеличиваешь. Не стоит говорить, что у тебя нет семьи. У тебя же есть мама, папа, дедушки и бабушки...

— Нет.

В этот раз уже не обычный голос.

Ханекава ответила решительно и упрямо.

Настойчиво.

— У меня нет ни отца, ни матери. Никого нет.

— ?..

Хоть мне и стыдно, я должен признать, что в тот момент не знал, что имела в виду Ханекава. Я не смог догадаться — хотя и понял бы, если бы немного напряг мозги.

Образ Ханекавы рушился на глазах.

И тем, что она говорила.

И тем, как она говорила.

— Ты, должно быть, дорожишь своей семьёй, Арараги-кун.

— Ханекава... стоп!

— Нет, не пойми меня неправильно! — Ханекава сказала типичнейшие для цундере слова, хотя в её случае, конечно, их стоило понять буквально. — У меня есть родственники. Ты прав, прости, это была гипербола. Хотя гипербола не была преувеличением. У меня есть мать и отец. Мы втроём живём под одной крышей.

— А, вот как? Ладно, но...

— Просто мы не семья.

Даже когда она это говорила, её шаг остался ровным.

— Мои отец и мать — не мои настоящие отец и мать, вот так.

— Серьёзно, что ли....

— Другими словами, они подделки, — до странности быстро сказала Ханекава.

Как будто она не нарочно это сделала, просто её тело не могло иначе.

— Ну ладно, — Ханекава продолжала идти. — Откуда бы начать... вернёмся, скажем, на семнадцать лет назад, в то время жила одна милая девушка.

— Девушка?

— Пожалуйста, представь семнадцатилетнюю девушку, такую же, как я.

— Ага...

Я кивнул, хотя и не очень хорошо понимал, а Ханекава продолжила историю.

— Однажды эта девушка забеременела, — тихо сказала она.

— За-забеременела?

— Да. Забеременела. Кстати, она не знала, кто был отцом. Похоже, у той девушки было много любовников. Тем ребёнком, которого она выносила, была я.

— Что...

Я запутался, запаниковал и, бросившись наперерез Ханекаве, остановил её.

— Секунду. Мы заговорили на совсем неожиданную тему, и я тебя не очень понимаю... Что? Ты?

— Я.

— ...

Ханекава никак не изменилась.

В самом деле нормальная — обычная Ханекава Цубаса.

— Я — незаконнорожденный ребёнок. Поэтому. Да.

— Минутку — это странная история. Странно, что ты не знаешь, кто твой отец. Разве ты не говорила, что живёшь с отцом и матерью?

— А, прости. Этот отец — другой отец. Я говорю о том, что не знаю, кто мой биологический отец, отец по крови. Строго говоря, не то чтобы я не могла его найти. Просто лучше мне в это не лезть, — Ханекава, покачав головой, проворно обошла меня и пошла дальше.

Ей некуда было идти.

И, тем не менее, она шла вперёд.

— Кстати говоря, моя нынешняя мать тоже не моя мать. Женщина, родившая меня, вскоре совершила самоубийство.

— Самоубийство?

— Самоубийство. Повесилась. Один из самых распространённых способов самоубийства. Хотя она внесла новый штрих, повесившись прямо над колыбелью.

«Похожа была на куклу», — добавила Ханекава.

Как будто это было что-то обыденное.

Как будто она рассказывала сюжет давно увиденной драмы.

Она говорила о своём прошлом.

О воспоминаниях, о моменте, которого не должно было быть.

— Однако прямо перед самоубийством она вышла замуж. Из-за того, что у неё не было родни, и она растила ребёнка, её экономическое положение было печальным — ей нужны были деньги.

— Деньги...

— Даже свадьбу по расчёту в некоторых случаях нельзя ругать, хотя я не уверена, такой ли это был случай. Для мужчины это стало трагедией. Даже не столько трагедией, сколько жутким неудобством. В любом случае, ему пришлось удочерить ребёнка, об отце которого ничего не было известно. Тот человек был моим первым отцом.

— Первым?

— Даже тот человек — не мой нынешний отец

— ...

Другой отец, хм.

Хотя другой, насколько... другим он был?

— Честно говоря, я не знаю, что толкнуло мать на самоубийство. Я слышала, что она сама по себе была психически неуравновешенной, очень чувствительной — похоже, она была слишком романтичной, чтобы жить в семье, созданной ради денег.

«Однако я всё ещё считаю жертвой своего первого отца», — Ханекава добавила своё личное мнение.

Холодный тон.

Этот ледяной голос совершенно не подходил ей.

От него моё сердце трещало по швам.

— Моего первого отца я почти не помню. Его главным талантом была серьёзность, он был настоящим трудоголиком — такой человек не мог растить ребёнка. Так что он снова женился. В этот раз женился, чтобы растить ребёнка, хотя стоило просто нанять няньку.

Но он, наверное, думал, что ребёнок не сможет получить нормального образования без матери, поскольку он был серьёзным человеком.

Ханекава охарактеризовала действия своего «первого отца».

— Этот отец в итоге умер от переутомления. Оставшаяся мать была моей второй и нынешней матерью, мой нынешний отец — её второй муж.

Вот и всё.

Ханекава закончила с улыбкой.

Если бы она прямо сейчас сказала: «Шучу. Я солгала. Когда я вернусь домой, меня там ждут горячий суп, добрый папа и глуповатая мама», — я бы ей поверил.

Более того, эта история была очень неубедительной — абсурдной.

Бредовой, я бы даже сказал.

Семейное дерево не такое уж сложное. Если его нарисовать, всё становится понятно.

Однако, если это правда, то получается, отец и мать Ханекавы, которых она не считает семьей — с которыми она сейчас живёт...

— Да, мои отец и мать, с которыми я сейчас живу, не связаны со мной по крови. Можно сказать, мы совершенно чужие. Не связаны по крови и совершенно чужие³. Вампиру расскажешь — обхохочется.

— Не обхохочется.

Уж поверь мне.

Конечно, та маленькая девочка, которая и сейчас сидит на полу в заброшенном здании, даже не улыбнётся.

С весенних каникул я ни разу не слышал её смеха.

— Что это за рассказ такой?

— Легенда о насекомом: Пчелка Хатч. О нет, конечно, в документах они записаны как мои отец и мать. Они и есть отец и мать. Однако они никогда не вели себя как отец и мать.

А я так старалась вести себя как дочь.

Эти слова, вероятно, мне послышались.

Я не подумал, что Ханекава может выдать такую жалобу.

Но если я не ослышался, значит, я её неправильно понял.

Что я знаю о Ханекаве?

Разве я когда-нибудь думал, что у кого-то вроде Ханекавы нет проблем и волнений?

Ханекава Цубаса.

Разве я думал, что её никогда не бросали?

Что такая, как она, никогда не оглядывалась назад и не сожалела?

Что она любила всё и во всём была хороша?

Что естественно для неё быть счастливой?

Какие смелые идеи.

— Даже если мы не связано по крови, мы можем стать семьёй — когда-то я так думала. Поскольку в тот дом я попала через много семей, я старалась поладить с ними изо всех сил. Но это было невозможно.

Это было невозможно.

И дико утомительно.

После этого Ханекава неожиданно развернулась и уже она встала у меня на пути.

— Прости, Арараги-кун, — сказала она. — Я только что сказала кое-что грубое.

— Эм, а, ты об этом.

Не понимая, почему Ханекава извиняется посреди разговора, я удивился.

И Ханекава пояснила:

— Это был приступ гнева.

— Ты не знаешь, как реагировать, если тебе такое говорят? Поэтому ты озадачен, и изначально всё это к тебе не относилось — но теперь, из-за того, что я тебе нравилась, ты чувствуешь себя виноватым? Словно ты поступил плохо и сейчас чувствуешь себя отвратительно? Подглядывать в личную жизнь друга не очень-то приятно?

Ханекава продолжала и продолжала говорить. Из нее хлынуло сожаление.

Неожиданно её выражение лица изменилось — казалось, будто она сломалась из-за того, что не могла вернуться на шаг назад и исправить ошибку в диалоге — в созданной атмосфере я не мог возразить.

Повязка на её лице ещё больше усиливала эту атмосферу.

— Поэтому я поговорила с тобой, — сказала Ханекава. — Специально. Воспользовалась тобой, чтобы забыть о своих проблемах.

— ...

— Попыталась испортить тебе настроение, чтобы забыть о своих проблемах и освежиться — я даже не жаловалась.

Я не мог смотреть на выглядящую столь виноватой Ханекаву.

— Какое облегчение.

— Облег... чение?

Если по правде, в тот момент у меня появилась догадка.

Та гипотеза, которой я изначально боялся, не была так уж далека от истины.

Откуда на лице Ханекавы повязка?

Если бы не причина, о которой я подумал — Ханекава не начала бы внезапно рассказывать о своей жизни.

Если бы не это, ей бы не понадобился я.

Она бы не пользовалась мной, чтобы забыть о проблемах.

— Но ты же знаешь, такие вещи просто так не говорят. Это должно было быть секретом до твоего двадцатого дня рождения⁴ или около того...

— Эти родители были очень честными. Я узнала правду до того, как пошла в школу. Похоже, я для них и правда обуза.

— Ханекава...

Я собрал волю в кулак — и задал вопрос.

Я не мог закрыть на это глаза.

Я думал, что в этом случае лучше всего было бы, если бы она не дала чёткого ответа, если бы не ответила.

Но было поздно.

История Ханекава застряла у меня в голове.

Не разуваясь, я вломился в её сердце, в её семью.

— Кто тебя ударил?

У меня не было доказательств.

Если подумать спокойно, можно легко найти кучу других объяснений — вывод о том, что её ударили, был очень большим допущением.

— Почему ты спрашиваешь?

Она даже не отклонила мой вопрос, она просто указала на то, что посчитала странным, так по-детски.

— Почему, Арараги-кун?

— Потому что...

Я запнулся.

Возможно, Ханекава дала мне шанс.

Если я хотел отступить, надо было делать это сейчас.

Она дала мне последнее предупреждение — ультиматум.

Предупредительный выстрел.

Однако я не отступил.

— Наверное, потому, что я твой друг.

— Друг...

— Друг, выслушавший твою историю.

В любом случае, Ханекава уже давно была моим другом.

Я не чувствовал дистанции.

Как в трёхмерном фильме, ты не знаешь, где находишься, из-за смещения.

— Хм, понятно. Действительно. Наверное.

Ханекава кивнула. Она кивнула, не задавая вопросов.

— Действительно. Если я замолчу сейчас, получится, что я использовала тебя, чтобы забыть о проблемах — это не стоит твоего обращения с моей юбкой.

— ...

О нет, стоит.

Я бы даже тебе свои трусы показал на сдачу.

Но я этого не сказал.

— Ты пообещаешь, что никому не скажешь?

— Да.

— Никому. Вообще никому. Даже твоим сёстрам и семье.

Такая манера речи казалась подходящей для шуток — но в то же время, очень серьёзной.

Между строк — она пытается заставить меня дать клятву.

Такой у неё был голос.

Прогнувшись под её давлением, я кивнул.

— Я... обещаю.

— Сегодня утром мой отец ударил меня.

Ответ Ханекавы последовал сразу за моим согласием.

Быстро, с весёлой улыбкой.

Она говорила так, будто это было естественно, словно это была случайность, с кем не бывает.

— Да...

Мой голос задрожал.

От злости. От ужаса.

— Да как так можно!..

Конечно.

Судя по её рассказу, такому вообще не стоило удивляться — в лучшем случае, вместо отца ударила бы её мать, ударила чем-нибудь, а не рукой.

— Они никогда не вели себя как родители — но я никогда не думала, что они сделают что-то недопустимое для родителей. Я удивилась.

— Удивилась, говоришь....

— Я не смогла скрыть изумления.

— Разве они не холодная семья?!

— Они не семья. Но они холодны, да, — сказала Ханекава ледяным голосом.

— Возможно, они слишком охладели или замёрзли. Я наконец-то смогла принести равновесие. Значит, я сама виновата.

— Не может такого быть. Не можешь ты быть виновата...

Потому что ты всегда права.

— За что он так?

— Да ни за что, по сути. Я неосторожно заглянула в работу, которую он принёс домой, и он ударил меня. Мать стояла и молча смотрела. Вот и всё.

— Вот и всё, говоришь.

Ни за что — действительно.

Действительно, вот и всё.

Настолько «вот и всё», что и добавить нечего.

— И как же за такую мелочь отец может ударить дочь?

— Подумай, Арараги-кун. Представь, тебе сорок, представь семнадцатилетнего ребёнка, с которым ты незнаком, который ведёт себя так, будто знает, о чём говорит. Разве это не разозлит и не оскорбит тебя?

— ...

Семнадцатилетний ребёнок, с которым ты незнаком.

Что это за мазохистский взгляд.

Он ещё страшнее, чем то, что Ханекаву ударил отец.

Нет, это не был страх.

Я понял, почему дрожал.

Я чувствовал себя неудобно.

Я не заимствовал слова Ошино.

Это чувство было во мне — мои слова, мои настоящие чувства.

Из-за Ханекавы Цубасы я чувствовал себя неудобно.

Хоть она и не звала их семьёй, хоть она и сказала, что они подделка, хоть она и чувствовала холод — теперь Ханекава Цубаса защищала своих родителей.

Я не знал, от меня, от общества или ещё от кого.

В любом случае.

Она хотела защитить родителя, который не был родителем.

Родителя, ударившего свою дочь.

Ханекаву.

Как её друг, я чувствовал себя неуютно.

Что с ней.

Что за чертовщина.

— С насилием ничего не поделать? О чём ты? Разве это ты должна говорить? Разве это не самое непростительное...

— Всё хорошо, это случилось всего один раз, — сказала Ханекава.

Нет.

Я дал ей сказать.

— Кстати говоря, напомню, что ещё недавно я ударила тебя, Арараги-кун. Ты зол на меня?

— Нет, это...

Это моя вина.

Хотя цель оправдывала средства, неудивительно, что парень, задравший юбку одноклассницы, получил пощёчину.

— Видишь? Следовательно, ничего не поделаешь.

Ханекава невинно улынулась — она не пыталась казаться сильной или заслужить мою симпатию, она говорила абсолютно искренне.

— Такая уж я — если меня бьют, ничего не поделаешь.

— ...

Не то чтобы я забыл все слова.

Нечего забывать.

Нечего говорить.

Интересно, как Ханекава восприняла моё молчание...

— Помни, ты обещал, Арараги-кун, — напомнила она.

Она подошла на шаг ближе.

Она говорила так, будто инструктировала меня:

— Ты обещал, Арараги-кун. Ты обещал, что никому не расскажешь.

Никому.

Ни своим сёстрам. Ни своей семье.

— Ни школе, ни полиции.

Нет.

Я неправильно понял. Не только.

Я пообещал не напоминать об этом самой Ханекаве.

Вот что имела в виду Ханекава.

Рассказывая всю правду, она ограничивала меня.

Она заставила принести ей клятву, чтобы запутать меня — ради её родителей.

Чтобы защитить.

Отца, который ударил её.

Мать, которая просто смотрела.

Двух совершенно чужих людей.

— Н-но как я могу...

Почему-то я задохнулся, видимо, из-за дрожи.

— ...сдержать такое обещание.

— Прошу, Арараги-кун, — сказала Ханекава.

Всегда искренняя Ханекава Цубаса склонила голову перед столь неискренним человеком, который легко мог нарушить обещание.

Склонила очень низко.

Склонила голову с косами так низко, что я испугался, что её спина сломается, так низко, будто она тонула во тьме.

— Никому не говори.

— Ханекава, но я...

Я всё ещё колебался, но Ханекава как машина повторяла те же слова:

— Никому об этом не говори. Если ты будешь молчать, я сделаю что угодно.

— Э?! Правда?! Ханекава сделает для меня что угодно?! Ура!

Я заглотив наживку.

— А... Арараги-кун?

Я застыл в позе победителя, подпрыгивая на месте и крича от радости, а Ханекава уставилась на меня, не пытаясь скрыть изумления, и сделала шаг назад. Даже два или три шага.

Как будто её сердце было намного дальше.

Но в тот момент меня это не волновало.

Ханекава сделает для меня что угодно?

Ханекава Цубаса?

Если я буду молчать?!

— Ох, что мне делать. Что бы у тебя попросить, что бы у тебя попросить... Что бы лучше всего у тебя попросить? А, подожди. Не волнуйся, в такой момент нужно хранить хладнокровие. Ты должен быть серьёзен. Воспользуйся беспрецедентным шансом.

— Ч-что? Вот так ты реагируешь? Что за цирк? Разве в такой момент ты не должен быть тронут моей искренностью и с сомнением пообещать хранить молчание?

— Искренность? Что это?

Идёт она лесом.

Не имея сил сдержаться, я ходил туда-сюда без всякой цели, затем стал нарезать круги. Третья сторона нашла бы такое поведение крайне подозрительным, но меня не волновало общественное мнение. Меня даже не волновала нахмурившаяся Ханекава.

— Всё. Когда ты так говоришь, я даже не знаю, что выбрать. Чёрт, моя нерешительность так мешает. В такие минуты мужчина из мужчин смог бы моментально выбрать.

— Я думаю, это был бы худший из мужчин...

Ханекава была в ужасе.

Она была готова пуститься в бегство.

— Скажи, Арараги-кун. Помнишь нашу серьёзную беседу несколько минут назад?

— Нет.

— Не помнишь?

— Кто такой Арараги-кун?

— Ты и своё имя забыл?..

«Какой непредсказуемый поворот», — вздохнула Ханекава, держась за голову. Я был рад, что смог так шокировать её тем, что забыл своё имя, но неважно, как звали этого скромного дурака. Важны только слова, которые Ханекава сказала только что.

— Да, Ханекава Цубаса-сенсей готова ублажить Арараги-куна, я сделаю всё, что ты мне прикажешь ~☆.

— Я этого не говорила!

Ханекава разозлилась.

Но её ругань на меня никак не повлияла.

— И кто такая «Ханекава Цубаса-сенсей»?!

— А, прости. Я размышлял о том, как буду себя вести, если ты будешь играть роль учительницы, и по ошибке озвучил эти мысли.

— Что за чушь у тебя в голове?!

— Эй, Ханекава, так о чём мы говорили?

— Ох...

Несмотря на то, что ее переполняло недовольство, честность девушки не позволяла ей отступить от своих слов и отказать мне.

— Никому не говори.

— Не это! То, что сразу после этого сказала.

Впервые я слышу эти слова.

Они звучат так свежо!

— Если ты никому не расскажешь, я сделаю что угодно...

— Я не слышал тебя из-за электромагнитных волн из космоса! Повтори ещё раз вторую половину!

— ...

Ханекава больше не хмурилась, её взгляд прожигал меня насквозь⁵.

Ух.

Если возможно, я бы хотел, чтобы она сказала это, сгорая от стыда, с пылающими щеками, но о таком я не попрошу. Меня устроит полное подчинение, даже если в сердце она будет презирать меня.

...Может, это все моё воображение, но мне кажется, будто презрительный взгляд сейчас принадлежит не одной Ханекаве. Мне даже кажется, будто я слышу, как люди, попавшие сюда после экранизации, смотрят на меня и внезапно закрывают книгу.

Неважно.

Кто-то, возможно, важный человек из прошлого говорил мне, что надо жить, оставаясь самим собой, невзирая на мнение других людей. Спасибо тебе, герой из прошлого.

— Я сделаю что угодно, — повторила Ханекава.

Впечатляюще монотонный голос.

— ...

Как я и думал, монотонный голос меня не устроил.

— Прошу, больше эмоций.

Тот, кто хотел абсолютного подчинения, как ни странно, просил, низко склонив голову.

— Пожалуйста, считай, что в этот монотонный голос вложены все мои чувства к тебе.

— Не может быть, Ханекава, поверь в себя. Ты можешь лучше!

— Я-сде-ла-ю-что-у-год-но.

В этот раз уже не монотонный — эти слова наполнены яростью, по-настоящему зловещие слова.

Похоже, она не сделает для меня что угодно.

Крайне маловероятно, что она хотя бы палец о палец ударит для меня.

— Пф... я не проиграю.

Я не проиграю её злости.

Она пообещала.

А значит, я могу делать что угодно.

Я на сцене.

Это театр одного актёра — Арараги Коёми.

— Ты сделаешь что угодно, хм... но что бы такое у тебя попросить? Так много вариантов, что я не знаю, какой выбрать! Лучше бы списком! Прямо сейчас мне нужна самая чёткая формулировка! Ты должна была лучше заставлять меня учиться!

Я учусь в общей школе, так почему я всегда опаздываю?!

Говорят, что, получив всё, о чём они мечтали, люди впадают в панику, и прямо сейчас я был в таком положении. Если я не успокоюсь, последствия могут быть катастрофическими.

— Стоп! Если подумать, количество просьб, которое Ханекава выполнит, не определено! Другими словами, можно повернуть все так, что она выполнит неограниченное количество приказов!

— Только один!

Ханекава в ту же секунду подправила своё обещание.

— Я сделаю всё, что ты скажешь, но только один раз.

— Пф... Я дал ей исправиться.

Мир так жесток, хм.

Ладно, хорошо.

Земной Шенлон мне нравился больше, чем Намекский⁶. Воскрешать всех умерших друзей разом очень удобно.

— Правда, у меня голова начинает болеть... — пожаловалась Ханекава, схватившись за голову. — У меня голова болит сильнее, чем щека после удара отца.

— Голова болит...

— Ага. С тех пор, как я с тобой связалась на весенних каникулах, у меня постоянно болит голова.

— Хм-м-м-м.

Я серьёзно об этом беспокоился.

Но сейчас забудем.

— Для начала давай уйдём туда, где нет людей, Ханекава.

— Думаю, это место и так вполне бесчеловечное...

— Я не сказал «бесчеловечное». Я сказал «нет людей».

Сюда, указал я ей.

— Ха... ага, ага. Понятно, мне всё равно некуда идти.

Она демонстративно кивнула и последовала за мной.

Пытается вселить в меня чувство вины нытьём? Не выйдет.

В данный момент Ханекава у меня в руках — я не столь неопытен, чтобы потерять такой шанс. Победа или смерть, всё или ничего, время показать свою мужественность.

Я оставил велосипед в безопасном месте (это хороший горный велосипед, я должен быть осторожен, чтобы его не украли), и отвёл Ханекаву в ближайшие кусты.

— ...

Я отвёл Ханекаву в ближайшие кусты.

Я отвёл Ханекаву в ближайшие кусты.

Я отвёл Ханекаву в ближайшие кусты.

Почему эти слова звучат так преступно? Я дрожу!

Нет!

Если ни одна из сторон не возражает, это не преступление!

Может быть, даже правильнее сказать, что Ханекава вынуждает меня отвести её в ближайшие кусты!

Она что, соблазняющий пассив?⁷

Или цундере-пассив?

Ну, Ханекава вообще не цундере, но из-за её нытья (цун-цун) сейчас была на удивление похожа на одну из них.

Ограниченная по времени цундере.

— Ну, и что теперь, Арараги-кун?

Будто став серьёзнее, Ханекава нарушила молчание.

Она облокотилась на ствол дерева, словно была старшей сестрой, игравшей в дочки-матери с детьми в детском саду.

Кивала в ответ на всё.

— Что такое, Ханекава? Как будто ты ничем не рискуешь.

— Я в безопасности.

Ханекава провоцировала меня.

«Как в домике», — добавила она.

— Я уже знаю, как всё закончится. Всё-таки, Арараги-кун, что бы ты у меня ни попросил, даже если я выполню все твои требования, в итоге ты испугаешься и не сделаешь ничего.

— Ч-что ты сказала?!

Я испугаюсь?!

Как грубо!

Это когда я пугался?!

— Весенние каникулы. Кладовая спортзала.

Она дала точный ответ.

Я беззвучно глотал воздух.

Когда Ангел⁸ был нем как рыба, он, наверное, чувствовал себя также.

Если так, то прямо передо мной сейчас стоит потрясающе милая Ева.

Созданная Ёсидзаки Мине⁹, наверное.

— О, я хорошо помню твоё цыплячье поведение. Даже если бы я не знала, как ведут себя цыплята, посмотрев на тебя, я бы все поняла.

Ханекава была на удивление саркастична.

Хоть она и сказала, что хорошо помнит, казалось, что она вовсе не хочет об этом вспоминать.

— Эй, цыплёнок Арараги-кун, что мне делать? Я могу ничего не сделать, но, на всякий случай, спрошу. Что? Снять одежду? Что именно?

— ...

Эм.

Похоже, в глазах Ханекавы моя мужественность стремилась к нулю.

Для мужчины нет большего унижения, но Ханекава кое-чего не понимает.

Действительно, весной я вёл себя как цыплёнок.

Я признаю это.

Однако она сильно ошибается, если думает, что я навсегда останусь цыплёнком. Как птенец становится цыплёнком, так и я... стоп, но это всё равно получается цыплёнок.

Я неправ.

Цыплёнок и есть цыплёнок, но я — Нагойский цыплёнок¹⁰!

И сейчас в этой ситуации я должен расквитаться за мой провал на весенних каникулах.

Хм.

Господь весьма милосерден, если даёт прямо в руки шанс сравнять счёт.

...

Действительно, «прямо в руки».

Эй, Бог, ты не слишком-то добрый?

— Хм...

Я подпёр рукой подбородок и задумался. Медленно ползал взглядом по телу Ханекавы, осматривая её с головы до пят.

— Ох...

Ханекава как будто дрогнула, однако затем решительно скрестила руки за спиной, выпрямляя спину, чтобы я лучше мог разглядеть её тело.

Какое напряжение.

Или она искренне верила, что я цыплёнок.

...именно так и есть.

И если так — я воспользуюсь её неосторожностью. Не о чем беспокоиться, эти книги никогда не экранизируют до шестого тома, поэтому, что бы я ни сделал, об этом мало кто узнает.

Если бы я сделал что-то на телевидении, это было бы опасно, но то же самое на бумаге не слишком повредит общественному мнению обо мне!

Новеллы не контролируются!

— Что такое, Арараги-кун? Нагнетаешь атмосферу, или ты ничего не придумал? Или, может быть, ты хочешь просто облизать глазами моё тело? Изнасилуешь меня взглядом?

— ...

Хм.

А, я понял.

Для Ханекавы эти слова были всего лишь способом спровоцировать меня, или наоборот, разрушить мою решимость. Но для меня они стали отличной подсказкой.

Намёком.

Понятно.

Я повёлся на слова Ханекавы «я сделаю что угодно» и неосознанно думал только о том, что я могу потребовать у нее. Но это значит, что можно подойти и с другой стороны. Я могу не только заставить Ханекаву сделать что-то — я могу сам сделать что хочу с Ханекавой.

Другими словами, если сформулировать это в условиях просьбы, я могу заставить её «выдержать это»... ох.

Очень ценная подсказка.

И в ее словах она была не единственной — как глупо и неженственно.

Как будто она сама подсказывала, как мне заработать больше очков отношений¹¹. Или она правда соблазняющий пассив — в таком случае, не нужно сдерживаться.

Во мне исчез последний кусочек сознания — нет, разве это не серьезно?

Моё сознание.

Моё сознание исчезло.

— Ханекава.

— Что?

— Я не хочу пялиться на твоё тело так, будто облизываю тебя

— Ну, я догадываюсь... — сказала Ханекава, наклонив голову. — Ты и так постоянно этим занимаешься.

— Чёрт, меня раскрыли!

Она заметила, что на уроках я глазел на её грудь, я больше не хочу жить!

— Дружеский совет: на уроках смотри на доску. Учитель тебе много полезного расскажет.

— Хе...

Она мягко пыталась вразумить меня!..

Лучше бы она меня пытала... моё сердце сейчас разобьётся!

Держись!

Держись, сердечко!

Укрепить повреждённое сердце!

Если я преодолею это испытание, меня ждёт рай... наверное!

— И, кстати говоря, я тебе расскажу кое-что. Девушки очень чувствительны к взглядам, так что будь осторожен, когда пялишься.

— Чёрт... но даже твои попытки сокрушить мой дух бессмысленны...

Я каким-то чудом смог устоять на ногах, которые готовы были подломиться, и выпрямился.

— Я не хочу пялиться на твоё тело так, будто облизываю тебя.

— Ну, я догадываюсь.

— Я...

Глядя ей прямо в глаза, я произнёс:

— Я хочу облизать твою рану под повязкой!

Примечания

1. Вероятно, отсылка к манге и аниме Звезда Кёдзина
2. Автор манги «Кулак Северной Звезды».
3. Японская игра слов — «совершенно чужие» пишется как «красный незнакомец» .
4. Совершеннолетними в Японии становятся в двадцать лет.
5. Каламбур. «Хмуриться» состоит из слов «белый», «глаз», «зрение», а «прожигать» — «белый», «глаз».
6. Отсылка к Dragonball.
7. Жаргон из яоя. Означает, что уке (пассив) управляет семе (актив).
8. Отсылка к NGE.
9. Создатель серии фигурок Ангел-XX, также известен как автор манги «Сержант Кэроро».

10. Знаменитый своим вкусным мясом сорт цыплят.

11. В «Обезьяне Суруге» Арараги в шутку сравнивает историю с дейт-симом, называя Хатикудзи четвертой захваченной героиней.

Эта тема часто упоминается в качестве подсказки, так что на всякий случай, я доступно объясню, что случилось на весенних каникулах.

Честно говоря, поскольку всё, что тогда случилось — моя вина, мне не очень хочется говорить об этих двух неделях, но я посчитал, что в рассказе о Золотой Неделе без упоминания тех событий не обойтись.

Весенние каникулы.

Я стал жертвой вампира.

В наши дни, когда начинают использоваться поезда маглев¹ и нет ничего ненормального в том, чтобы поехать на экскурсию за море, я допустил столь унижительную ошибку, что мне стыдно из дома выходить. В любом случае, я стал жертвой вампира.

Вампира — короля Кайи.

Она может заставить твою кровь замёрзнуть. Она может заставить твою кровь вскипеть.

Железнокровный теплокровный хладнокровный вампир.

Убийца Кайи, носивший бессчётное множество имён.

Прекрасный вампир с золотыми волосами и глазами, искрящаяся так, что от взгляда на неё можно было ослепнуть, укусила меня и высосала всю кровь, и я стал вампиром.

Бессмертным, неуязвимым. Сильнейшим вампиром.

Будь то охотники, специализировавшиеся на вампирах, или вампиры-братоубийцы, охотившиеся на вампиров, будучи сами вампирами, или христианский спецназ — они не давали мне продыху. Весенние каникулы превратились в борьбу за возможность снова стать человеком.

Я расскажу, чем всё закончилось. Проходивший мимо старик и староста класса помогли мне, и в итоге я смог стать человеком.

Везение.

Невезение.

Некоторые побочные эффекты сохранились.

По крайней мере, я стал асимптотически близок к человеку.

И потом все жили долго и счастливо.

Счастливый конец.

Ну, в этом мире и жизни нет столь простого и понятного завершения, не говоря уж о том, что в реальной жизни не бывает концовок. Если конец и есть, то я скажу, что в тот момент, когда меня укусил красивый вампир, он и наступил.

Отложим эту тему в сторону.

Я уточню, зачем напомнил про это — из-за упомянутых побочных эффектов — вампирских побочных эффектов.

Наиболее подозрительным из них была регенерация — вампирское бессмертие, знакомое из манги и аниме времён пика их популярности. Например, если я упаду на дороге и обдеру колено, или порежу палец бумагой, или даже пострадаю в драке со своей сестрой Карен, в зависимости от ситуации, иными словами, в зависимости от силы моего вампиризма, такая рана вылечится в мгновение ока.

Вылечится.

Я стану таким, как раньше.

В буквальном смысле сверхчеловеческая регенерация — и эта регенерация, с разными оговорками, может быть использована на других людях.

Я могу лечить чужие раны.

Пролив кровь или слюну на рану, я могу исцелить ее. Иными словами, можете сравнить это с Оронаином² или Ментолатумом.

Вот так.

— Спасибо.

Ханекава поблагодарила меня.

Мой план был раскрыт в ту же минуту.

Я пытался изобразить, даже если для этого придётся пожертвовать её отношением ко мне, что просто хотел удовлетворить собственные желания, но она восхитительно быстро поняла, что я намерен вылечить то, что было скрыто под повязкой.

Если бы я просто предложил вылечить её, Ханекава, скорее всего, отказалась бы, поэтому я предпочёл использовать её же слова против неё, но, похоже, она видела меня насквозь.

Как стыдно.

Хочу умереть.

И при этом Ханекава, после того, как поняла мой план, ничего не сказала и поддалась мне, из чего я сделал вывод, что она не столько хотела вылечить рану, сколько позволяла мне сохранить лицо.

Эм-м-м.

Грустно, как будто это договорная игра.

— Повязку пока носи, — сказал я с таким видом, будто пытался скрыть смущение.

Вообще-то, я и скрывал смущение. — Будет странно, если твоя рана внезапно исцелится.

— Мои родители что-то заподозрят? — Ханекава предугадала мои слова. И добавила: — Я так не думаю.

Она сказала:

— Они не такие. Эти двое не заметят даже, если я постригусь. Наверное, эти двое... даже не помнят моего лица.

Кстати говоря, должен отметить, что я, трусливый цыплёнок, не облизал лицо Ханекавы, а вместо этого проткнул палец булавкой, прикрепленной к сумке, и затем смазал рану Ханекавы вытекшей кровью.

День, когда я стану Нагойским цыплёнком и смогу расправить крылья, всё ещё далёк.

В любом случае, это сработало бы на весенних каникулах, но сейчас, будучи псевдовампиром, я не мог полностью излечить её. Однако смог несколько улучшить состояние девушки, шрамов не останется.

Следовательно...

Если бы я её не вылечил...

Травма была столь серьёзной, что остались бы подозрительные шрамы.

Я даже задумался, насколько сильно он ударил её, чтобы довести до такого состояния.

Грязно.

Злобно.

Отец ударил собственную дочь по лицу — слова Ханекавы подразумевали, что он ударил её, повинуясь мимолётному порыву, но мне в это слабо верится.

Казалось, будто он бил её много раз — беспощадно, много-много раз.

Таким было её состояние.

То, «за что он меня ударил», по словам Ханекавы, могло быть ужасно банальным. Но, в какой бы ситуации она ни «вела себя так, будто знала, о чём говорит», это не казалось мне достаточным поводом для отца поднимать руку на дочь, или даже для взрослого бить девушку.

И всё же.

— Хочешь, я провожу тебя домой?

Моё предложение.

— Нет, со мной всё хорошо.

Было непреклонно отвергнуто.

По её отношению можно было подумать, что она не хочет, чтобы я вмешивался — это было естественно.

Потому что Ханекава не просила моей помощи.

Мы просто встретились на дороге.

Это была случайность.

Нет, даже если она и искала моей помощи, я не мог ей помочь... потому что...

Потому что люди спасают себя сами...

Вот почему.

После этого мы ещё немного прошли вместе, говоря о всякой ерунде, и когда нам показалось нужным, без лишних слов расстались. Мне казалось, где-то здесь мы похоронили белого кота, сбитого машиной, но я не помнил наверняка.

Ладно.

В итоге я не смог не изменить свои планы на будущее — строительство дамбы откладывается. Я больше не хотел идти в книжный. После расставания я нажал на педали и быстро вернулся домой.

— О. Брат, а ты рано.

Когда я вернулся, Карен ходила по лестнице вверх и вниз на руках — что моя сестра вытворяет? Бред, а не тренировка.

— ...

Но отвечать мне не хотелось, поэтому я прошёл мимо неё в ванную, чтобы помыть руки.

— Эй, брат, не игнорируй меня. По крайней мере, скажи «я дома» своей милой сестре. Ты что-нибудь купил?

Купил? А... купил.

Я ничего не купил.

Вместо того, чтобы расправиться со своим расстройством, я стал ещё мрачнее.

Мысли в голове становились всё унылее.

Примечания

1. Поезда на магнитной подушке, или Магнитная Левитация.

2. Крем для рук.

Следующий день.

Иными словами, тридцатое апреля.

Хотя, по моим ощущениям, ночь двадцать девятого ещё не закончилась (если меня не разбудили сёстры — новое утро не наступило). Когда мои родители вместе с Карен и Цукихи, не ложившимися спать допоздна из-за праздника, наконец-то легли, я незаметно выбрался из дома. Я оседлал свой горный велосипед, медленно поехал, стараясь не издать ни звука. Какое-то время даже не включал фары, хотя мне показалось, что это перебор.

Ночная жизнь?

Ничего подобного.

Я не был столь независим — судя по моим оценкам, я был необычайным кретином. Пусть по моему виду и не скажешь, я очень серьёзно относился к учёбе.

Неприятно, когда тебя все считают хулиганом.

А теперь о том, куда я направлялся, сражаясь со сном. Я ехал к окраинам города, к заброшенному зданию, когда-то бывшему школой. Это здание было на грани разрушения, им даже для проверок на храбрость не пользовались. По виду оно больше напоминало древние руины — и парень, едущий туда ночью, явно не производил хорошего впечатления.

Если бы мне кто-то сказал, что это плохо, я не смог бы возразить.

Однако у меня был повод.

Повод ехать туда — и повод делать это посреди ночи.

Весомый повод.

Я остановился перед забором, окружавшим заброшенное здание. Из осторожности или просто по привычке я повесил на заднее колесо замок, хотя, судя по отсутствию признаков жизни вокруг, в этом не было необходимости. А затем вошёл на территорию через дыру в заборе и пробрался в здание.

Я сказал, что это здание, почти ставшее моим вторым домом, не использовалось для проверок на храбрость, но когда я вошел туда посреди ночи, у меня по спине побежали мурашки... не говоря уж...

Не говоря уж о том, что в здании обитало настоящее чудовище.

Чудовище.

Демон.

Король Кайи.

Вампир.

Повелитель ночи.

— Ну, сейчас это уже просто сказка...

Однажды черном-черном городе...

Что-то в этом духе.

Здесь жил не вампир — лишь его остатки.

Огрызок вампира, осколок вампира.

Псевдовампир в теле маленькой девочки.

Избегая мусора и обломков, я забрался на верхний — четвёртый — этаж заброшенного здания.

Там было три комнаты, когда-то бывшие классами. Я открыл ближайшую дверь, не особо на что-то рассчитывая.

Похоже, сегодня мне не везёт.

За первой и второй дверьми не нашлось ничего.

Да и сложно сказать, что я что-то нашёл за третьей — хотя псевдовампир в теле девочки был там, второго, человека, здесь не было.

— Что... чёртвов Ошино. Ну куда он ушёл посреди ночи?

Он ушёл?

Он был непредсказуем — именно в такой час. Возможно даже, он спит на нижних этажах на кровати из парт. Возможно, он догадался, что я приду, и заранее сбежал с четвёртого этажа, чтобы я не мешал ему спать. Хоть я не называл время или дату, он был из тех, кто видел людей насквозь — он мог предугадать моё появление.

В каком-то смысле, я был незванным гостем. Только ненормальный придёт посреди ночи. Я ошибся, когда подумал, что он всегда будет встречать меня фразой: «Арараги-кун, ты опоздал».

Поскольку я общался с вампиром, который не имел никакого отношения к здравому смыслу, то и в моих действиях его было не больше.

Когда я закрывал дверь и посмотрел на бывшего вампира, сидящего в углу заполненного непроглядной тьмой класса, — я невольно сглотнул.

Я был напряжён.

Впервые с весенних каникул мы с ней остались одни.

До сих пор, когда я встречал её здесь, Ошино всегда был рядом — хоть я и сказал одни¹, маленькая девочка определённо не была человеком, да и меня человеком назвать было сложно.

Наполовину Кайи — наполовину человек.

И ответственность за то, что я и девочка оказались в таком состоянии, в основном лежит на мне.

Я был напряжен.

Моё сердце сжалось.

В груди прорастало чувство вины.

Моз².

— ...

И нет, хоть я и сказал «моз» в значении квази-синонима «ростка», я вовсе не имел в виду, что я очарован видом легко одетой светловолосой девочки.

Невинно сидящей девочке на вид было лет восемь.

У неё были густые шелковистые золотые волосы.

Она носила красивое платье, оставлявшее тонкие ноги открытыми, кожа её казалась прозрачной. Она не так уж много ходила по зданию.

Но милой назвать её я не мог.

Нет нужды что-то добавлять... всё и так понятно.

Достаточно сказать, что её взгляд, направленный на меня, был резким и злым.

— Не смотри на меня так. Тебе это не идёт.

Попытавшись пошутить, я осторожно приблизился к ней.

— Может, попробуешь засмеяться? Улыбка тебе к лицу.

Ответа не было.

Как будто она была мертва — ну, она и так мертва.

С другой стороны, хоть я и звал её, я не ждал ответа. Я не ждал столь удобного развития событий с учётом того, что с конца весенних каникул она не проронила ни слова.

Просто если бы и я молчал — моё сердце раскололось бы, так что мне пришлось превратиться в болтуна.

Особенно сегодня, когда Ошино рядом нет.

Но в то же время, когда я сказал, что улыбка ей идёт, я не врал.

Я сел перед ней, всё ещё занимавшей угол класса и выглядящей так, будто её пытается поглотить плесень, и расстегнул куртку.

...Ну, хоть я медленно раздевался перед легко одетой маленькой девочкой, я вовсе не пытался подражать Люпену Третьему.

А то даже в виде романа эту историю не опубликовали бы.

Немногие расслышат отговорку о том, что она вообще-то не маленькая девочка, а пятисотлетний Кайи.

Несмотря на то, что апрельская ночь была весьма прохладной, я наполовину разделся. Нужно было покормить эту маленькую девочку.

Покормить?

Тогда зачем я разделся?

Ты что, собираешься заставить её есть еду, разложенную на твоём обнажённом мужском теле?

Я слышал такие вопросы, но объяснять ничего не собирался (ну, людям, задавшим третий вопрос, стоит сперва задать другие вопросы).

Очевидно.

Обед вампира — кровь.

— Ну хоть за еду поблагодари. Иначе совсем невежливо.

Я обхватил маленькое тело и силой прижал её рот к моей шее — как будто мы обнимались. Я никак не мог привыкнуть к этому положению.

Обед. Кровь.

Ну, для неё, наверное, это даже не обед, а, скорее, экстренная внутривенная капельница — после всех событий она лишилась способности высасывать кровь.

Ошино Меме, знаток Кайи, принял участие в перестроении её тела, и теперь оно не может поглощать чью-либо кровь, кроме моей. Следовательно, если она не будет пить мою кровь, то вскоре умрёт, исчезнет, будто её и не было.

«Теперь она твоя рабыня», — так сказал Ошино.

Но я думал, что это я, вынужденный давать ей кровь, на самом деле был рабом.

Я был её слугой, думал я.

Мой слуга.

Так она называла меня — властно, высокомерно — и когда я вспомнил о том времени, грудь болезненно сжалась.

Каждый раз, когда я давал ей кровь, не шею пронзали её двойные клыки, последнее, что напоминало о вампире, а грудь.

Моё сердце ныло.

Оно билось. Билось.

Томилось.

Однако эта боль снимала груз с моей души.

Потому что пока она пила мою кровь — она хотя бы пыталась жить.

Потому что вампир, однажды пытавшийся покончить с жизнью самоубийством.

Вампир, казавшийся мёртвым с самого начала.

Пыталась жить ради меня...

— Что?..

Я заметил, что сегодня она не кусала мою шею — мы обнимались, она наваливалась на меня всем весом и обвивала меня не только тонкими руками, но и ногами. Она напоминала коалу. И тем не менее, она не кусала меня.

— ?..

Я не понял, чего она хочет.

Неужели она отказывалась пить мою кровь, потому что больше не хотела жить? От этой мысли я содрогнулся от страха и в тот же миг прижал её к себе изо всех сил так, что чуть не сломал ей позвоночник. Но дело было не в этом.

Я ошибся.

Присмотрелся — проследил за взглядом маленькой вампириши.

Она не смотрела на мою шею.

Она смотрела на багаж, который я разложил рядом, когда обнял её.

Багаж, издававший сладкий запах.

— Э...

Я принёс всё это Ошино Меме, скитальцу, незнакомому с богатой жизнью, который даже сейчас жил в этом заброшенном здании. Это был подарок, провизия.

Коробка от «Мистер Донат».

Продавалась по тысяче за десять штук.

Золотой шоколадный, французский, французский ангельский, французский клубничный, медовый ошейник, кокосовый, Пон де Ринг, Д-поп, двойной шоколадный и кокосовый шоколадный.

Они и создавали сладкий аромат.

Вообще, я купил их в подарок сёстрам, когда возвращался домой после встречи с Ханекавой.

Однако Карен и Цукихи хором закодировались — «мы на диете» — и доброта брата осталась незамеченной.

Растущие девушки не сидят на диетах, вы должны располнеть — из-за таких мыслей мы поссорились так, что в дальнейшем это могло отразиться на нашем общении. Но коробка от «Мистер Донат» была куплена на деньги Цукихи, так что я был в проигрышном положении.

В итоге, меня заставили извиниться.

Возмутительно чувствительные родственники.

Но десять пончиков я один не съем, кроме того, они имеют свойство со временем терять вкус. Так что мне ничего не оставалось, кроме как принести их Ошино, жившему день за днём так, что вчерашний обед ему был нужнее сегодняшнего.

Этот негодяй в этом разрушенном здании едва спасался от росы и дождя, а может быть, он даже пил дождевую воду и росу. Мне хватило сострадания на то, чтобы угостить его чем-то сладким.

...

Из-за того, что случилось во время весенних каникул, я задолжал этому человеку большую сумму денег. Если быть точным — пять миллионов иен. Меня изумляло то, что я умудрялся чувствовать себя таким благородным из-за упаковки пончиков за тысячу иен.

Пять миллионов.

От такого долга взрослый повесился бы.

Я понятия не имел, как расплатиться с ним, и не хотел это обсуждать.

Мне начать продавать органы?

Благодаря бессмертию, я мог вырастить столько органов, сколько потребуется.

— Жуть.

В любом случае, на полу лежала коробка пончиков, а меня обнимала пристально глядящая на них девочка-вампир.

Испепеляющий взгляд.

Иными словами, страстный взгляд.

— Но... быть не может...

Не может.

Быть.

Хотя она лишь жалкая тень себя, хотя она лишь осколок себя.

Хоть большая часть её была украдена без следа, хоть её лишили имени, она была гордым вампиром.

Более того, не обычным вампиром.

Она была железнороковым теплокровным хладнокровным вампиром с великолепной родословной.

Так называемый чистокровный вампир.

Такой она и была.

Я ей предложил любимую еду, кровь, а она смотрит на пончики...

Хлюп.

Она издала этот звук.

Взглянув на неё, я заметил, что у неё слюнки текут.

— Не ломай мечту!

С этими словами я отбросил маленькую девочку в сторону.

Она ударилась головой о стену и съёжилась.

Не подумав, я среагировал очень грубо. Как будто мало было неприятного ощущения от слюны на голом плече.

Ну, я сам не так давно пытался залить слюной даже не плечо, а лицо Ханекавы, так что не мне её ругать.

— Т-ты в порядке?

Я протянул руку маленькой девочке, которая теперь гладила свою голову, но она оттолкнула её.

Похоже, разозлилась.

Её золотистые волосы встали дыбом.

...Теперь она была похожа на зверя.

Как кошка, которая не даст тебе прикоснуться или подойти к ней.

То, что она разозлилась — это плохо. Если я не заставлю её выпить крови, её тело не выдержит. В последнее время я был поглощён странными проблемами и не мог прийти сюда. Связано это с тем, что странную проблему я спутал с любовной проблемой, но благодаря Цукихи ошибка была исправлена. Поэтому я собирался наверстать упущенное и хотел, чтобы сегодня она выпила моей крови.

Просто выбраться из дома посреди ночи так, чтобы меня не заметили сёстры, было очень сложно — с другой стороны, не могу сказать, что приди я сюда днём, стало бы легче. Вампиры — ночные создания, и днём они спят.

На всем свете не сыскать тварь, которая будет в хорошем настроении после того, как прервут её сон — заставить её пить мою кровь было бы сложно.

В конечном счёте, середина ночи — лучшее время для питья крови.

...Я и правда относился к ней как к животному.

Или как к ребёнку.

Наверное, так себя чувствуют кормящие грудью матери.

«И что же мне с ней делать?» — я сложил руки на груди и задумался.

Если бы Ошино был здесь, я бы обратился к нему за советом. Даже если он спал в соседнем классе, не стоило его будить. В худшем случае, он потребует с меня денег за совет. Как будто мой долг может стать еще больше.

Более того.

Я решил заботиться об этом вампире до конца своих дней.

И как я это сделаю, если даже с такой ерундой сам не могу справиться?

— Я должен погладить её по голове... нет, это станет знаком послушания....

Эм.

Ладно.

Примитивно, но раз уж всё началось с «Мистер Донат», то все решится с помощью него же.

Точно, ссоры надо решать едой.

Как в Оисинбо³.

Ха-ха, злоба быстро улетучивается, когда перед тобой еда.

Я достал коробку «Мистер Донат» из пакета, положил на колени и медленно открыл так, чтобы девочка-вампир её видела.

А потом взял ближайший, Золотой шоколадный, вытянул руку и предложил ей.

Я предложил его ей.

И в тот же миг она схватила его.

Схватила со сверхчеловеческой скоростью, как будто и не лишилась всех вампирских способностей.

А потом, не теряя ни секунды, впилась в него зубами.

Маленькая девочка съела пончик в три укуса. Она ела так быстро, что казалось, ненароком может откусить себе пальцы.

Нет-нет-нет-нет.

Как жадно она ест.

Наверное, я повторяюсь, но ты никогда не пила мою кровь с таким аппетитом — это меня немного поразило.

— Ой!

Доев, девочка-вампир бросилась на оставшиеся девять пончиков, лежащие у меня на коленях.

Я едва успел отскочить вместе с коробкой.

Не смешно. Она двигалась по дуге и выпотрошила бы меня по ходу движения.

— Сидеть!

Она собиралась продолжить погоню, и я, не раздумывая, крикнул на неё.

Я не знаю, почему.

Она же не собака.

Однако девочка-вампир подчинилась и села на том же месте — и не обхватила колени, как обычно, а очень грациозно опустилась на пол.

А затем уставилась на меня самым серьёзным взглядом на свете.

— ...

Я не понимал, что происходит, однако подумал, что если мы оба будем молчать, то ничего не произойдёт, так что для проверки я взял один из оставшихся девяти пончиков — тот, который сам считал наиболее вкусным, Французский, и протянул его девочке-вампиру.

Помня, как она чуть не откусила мне руку вместе с Золотым шоколадным пончиком, я положил его перед ней.

Поскольку пол заброшенного здания при всём желании нельзя было назвать чистым (девочка-вампир ходила босиком, но я и Ошино никогда не снимали обуви), сперва я развернул прилагавшуюся салфетку и лишь потом положил на неё пончик.

Я подумал, что она мгновенно на него бросится, но девочка-вампир так и сидела, истекая слюнями.

Она буравила меня по-настоящему дьявольским⁴ взглядом.

Это был жгучий взгляд снизу вверх, по сравнению с которым прошлый казался улыбкой. Если бы взглядом можно было убивать, я бы уже умер. Предварительно издав странный вопль.

Вообще-то, вампиры из некоторых кланов и правда могут убивать взглядом.

Так называемым дурным глазом.

Если подумать, то, кажется, на весенних каникулах она проломила взглядом бетон — то есть я сейчас серьёзно влип?

— Лапу.

Зачем-то я попробовал протянуть руку.

Девочка-вампир, не колеблясь, положила свою руку на мою. Как в «Инопланетянине», только в качестве мести рукопожатие было по-настоящему крепким, как удар отбивающего, сделавшего хоумран.

— Ну тогда, э... ешь.

В каруте⁵ есть понятие победного слова⁶.

Например, мусумефусахосе.⁷

Я не совру, если скажу, что способность двигаться сразу после того, как услышал победное слово, определяет победителя — к сожалению, я не так много знал о каруте, но если это так, то я должен признать, что девочка-вампир обладала значительным талантом к этой игре.

Прежде, чем я закончил «ешь», она уже двинулась — нет, уже закончила движение.

Как дикий зверь, она вонзила клыки во Французский пончик.

Её вполне можно было назвать диким зверем.

Она во многом походила на собаку.

Светловолосая девочка, лет восьми на вид, вылизывающая пол, стоя на четвереньках и набивающая рот Французским пончиком вместе с салфеткой — во многом эта картина была за гранью добра и зла.

Даже салфетка... как я и думал, было разумно не кормить её с рук. Но, похоже, она не могла переварить салфетку, поэтому не стала глотать её, а просто выплюнула.

Язык не повернётся назвать это хорошими манерами.

Да и странно говорить о хороших манерах, когда она ела пончик, стоя на четвереньках.

Ну, даже на весенних каникулах я не мог разглядеть в ней воспитания. Если я правильно помню её слова, у вампиров и людей разное понимание хороших манер за столом. Например, она тогда сказала мне, что пялиться на людей, когда они едят — нарушение этикета. Однако сейчас она прожигала меня взглядом, но не потому, что я нарушил этикет, а потому, что она хотела остальные восемь пончиков.

— Вообще-то, я принёс их Ошино...

Их вкус ни на что не влиял, для девочки-вампира они бесполезны. Питательной пищей — единственной питательной пищей — была моя кровь.

— Ну, думаю, ещё от трёх тебе плохо не станет.

Изначально пончиков было десять.

Если я поделю их между ней и Ошино, то каждому достанется по пять — а если подумать, то для Ошино съесть все десять было бы также сложно, как для меня.

— Какой хочешь? Выбери три.

Я показал ей содержимое коробки.

— Укажи на них пальцем.

Маленькая девочка шевельнулась — и, начиная с первого, указала на все.

С первого до последнего, на все пончики.

— ...

Все.

Жадная.

Девочка-вампир явно не собиралась отступать и повторила движение ещё раз, от первого до последнего, не пропуская ни одного.

В качестве отдельной предосторожности она указала на каждую из шести частей Д-поп⁸.

— Эм.

Понятно, так она сладкоежка... но нельзя же ей отдавать все. Куда вообще в её маленьком теле пропадает вся эта сладость?

Девочка-вампир уставилась на меня — я почувствовал давление. Давление, способное проломить бетон.

Серьёзно, мне казалось, меня сейчас раздавят.

Ладно — возможно, меня давило чувство вины. Всё-таки это я виноват, что девочка-вампир вынуждена жить вот так. Вид когда-то гордой прекрасной вампириши, теперь ползающей по полу в поисках остатков пончика, пронзал моё сердце.

С весенних каникул она не произнесла ни слова.

Хотя когда-то она много смеялась, теперь на её лице застыла маска горечи и печали.

Однако думая о том, что она сделала или собиралась сделать, я не должен был чувствовать к ней никакой жалости — как человек.

— Ладно, отдам тебе все, — сказал я.

Я положил коробку на пол.

Как подношение.

— А теперь обернись три раза и скажи «гав».

Ой.

Чёрт, я вошел во вкус и потребовал цирк — но прежде чем я отменил приказ, она уже выполнила великолепный тройной аксель на месте, как волчок.

Однако напоминала она скорее даже не волчок, а малиновку.

Потом она надулась и отвернулась, так и не сказав «гав». Возможно, это была последняя гордость бывшей аристократки — проявившаяся довольно поздно.

Хм.

Разговорчивее она не стала.

Я подумал, что смогу заставить её что-то сказать, но, как и ожидалось, потерпел неудачу.

Ну, если бы она заговорила во время этого цирка, я бы разочаровался.

Такой фарс просто невероятен.

Я положил коробку с пончиками на пол и сказал «ешь». В тот же миг девочка-вампир, как будто ожидая этого, встала на четвереньки и набросилась на восемь пончиков и коробку с ними.

По её виду можно было подумать, что она съест пол вместе с пончиками.

Она была не собакой, а всего лишь голодным ребёнком.

— Кто бы мог подумать. Эта круглая изысканность донельзя вкусная. Настоящая сокровищница со сладкими кольцами.

— Ты только что заговорила?!

Я начал было отворачиваться, но развернулся обратно, однако девочка-вампир не делала ничего особенного. С выражением, близким к отсутствующему, она набивала рот полom — то есть пончиками.

Звуковая галлюцинация?..

Ух, как сердце забилося.

Боже, этого я не ожидал.

— Эм... понять, какую еду она предпочитает — это подарок небес... наверное.

Вкусная еда, из-за которой у меня случаются слуховые галлюцинации, может заметно улучшить наши отношения. Так что, думаю, в целом всё хорошо.

Однако она всё ещё не говорила.

Я настолько сильно хотел услышать её голос, что у меня начались слуховые галлюцинации, хотя когда-то мы были хозяином и слугой. Но теперь это в прошлом.

— Эх. Ты же молчишь не оттого, что у тебя горло и язык восьмилетней девочки?..

Вообще я об этом никогда не думал, но вдруг это так?

Но даже в этом случае я хочу услышать её голос, пусть он и будет лепетом.

Как Сю в Геншикене⁹.

Как Сю в Геншикене.

Как Сю в Геншикене.

— Чем ты занят, Мадараги-кун¹⁰?

Голос за спиной заставил меня вздрогнуть, будто меня облили холодной водой.

Я обернулся и увидел Ошино.

Появившегося без звука, без какого-либо знака.

— Ну ты меня и удивил, — сказал я с облегчением.

Какое-то время это место было моим логовом, так что я к нему привык. Но заброшенное здание остаётся заброшенным зданием. В такой ситуации чьё-то появление за моей спиной пугало даже меня.

— Не появляйся так внезапно. То, что тебя зовут Ошино, не даёт тебе права подкрадываться ко мне¹¹.

— Пф-ф. На себя посмотри, Мадараги-кун, весенняя обида не даёт тебе права так издеваться над Вампиром-тян.

— Я над ней не издеваюсь.

— Я думаю, обращение с ребёнком как с собакой по многим пунктам подходит под определение издевательства, Мадараги-кун.

«Боже мой», — картинно пожал плечами Ошино.

— Думаю, ты принёс эту коробку из «Мистер Донат» мне в подарок — но мне она не досталась.

— ...

Он ухмыльнулся, как будто всё как обычно понял.

И не называй меня Мадараги.

Почему-то я подумал, что это был стиль другого персонажа.

Ты испортил шутку из будущего.

В любом случае, это Ошино Меме.

Ему за тридцать.

И он появился на сцене.

Круглый год в своей гавайской рубашке, на вид легкомысленный бездельник средних лет. Специалист по Кайи, авторитет в вопросах демонов и призраков, технократ монстров — всегда соответствующий своим титулам. Очень подозрительный тип.

Если верить таинственному докладу, в аниме-адаптации ему дали крутую внешность и голос. Как будто меня это волнует.

На мой взгляд, он был подозрительным стариком.

Пугающим стариком.

— Арараги-кун, может, я не говорил, но я люблю сладкое. В следующий раз любой ценой оставь что-нибудь мне. Я люблю Старомодные. Потому что я сам старомодный.

— Не строй из себя старика, раздражаешь.

Ничто не раздражает так, как взрослый, строящий из себя старика — хотя Старомодные и правда были очень вкусными.

Когда я посмотрел на девочку-вампира, она уже покончила со Старомодным и Пон те рингом, и с видом «Э? Что? Это Мистер Донат? Я не знала» вернулась в угол и села, обхватив колени.

Из-за того, что случилось весной, она не хотела выглядеть перед Ошино неприлично.

Но крошек на губах ей спрятать не удалось.

Неважно.

Меня грела мысль о том, что, помимо Ошино, она могла подумать и обо мне.

Хотя, наверное, ей было наплевать.

— Ладно. В следующий раз я куплю тебе Старомодных. Я так кучу очков в «Мистер Донат» наберу. Но к делу, Ошино. Куда ты уходил посреди ночи?

По его виду я предположил, что он вовсе не спал в соседнем классе.

— Хм. Работал.

Не увиливая, но как всегда включив дурака.

— Такой свободный человек как я может оставаться в городе только чтобы собирать истории Кайи. Хотя сейчас самое важное — это прибраться за тобой.

— Прибраться?

Я бросил косой взгляд на девочку-вампира.

Казалось, ей уже плевать на наш разговор.

— Хочешь сказать, ты за ней присматриваешь?

— И это тоже, но не только — просто от вампиров куча проблем. Они всё-таки короли Кайи — одним своим присутствием создают феномены. Они стимулируют и влияют на окружение. Ты поручил мне разобраться со всеми последствиями.

— Ты занимаешься несколькими делами сразу? Прямо как Бугипоп. Бурный бизнес, должно быть, чудесен?

Если забыть о моих пяти миллионах иен, другие истории о Кайи, похоже, не приносили много денег.

— К сожалению, я не столь хорош, как Бугипоп — моя голова не умеет думать о нескольких вещах сразу.

«Забудь», — сказал Ошино.

— Вернёмся к нашим баранам, Арараги-кун. Не обижай Вампира-тян. А то у нас будут проблемы.

— Я же сказал, я не обижал её.

Ну, мне показалось, что мои шутки зашли слишком далеко, но вообще она сама виновата. Я бы не сказал, что меня в это втянули, но она как будто заставила меня поиграть с ней.

— Кстати говоря, я размышлял об этом с весенних каникул, но тебе не кажется, что она и думает по-детски?

Хоть сейчас она выглядит как восьмилетняя, изначально она тоже казалась молодой девушкой — и неважно, как сильно на вампиров влияет их внешность, ей всё равно было пятьсот лет.

Кроме того, даже восьмилетний ребёнок не станет есть как собака.

— Ничего не поделаешь, Арараги-кун. Это не только вампиров касается. Кайи создаются людскими поверьями.

— Поверьями?

— Именно. Они существуют, потому что люди верят, что они существуют. Говорят, что когда призрака осмотрели внимательно, он оказался завядшей серебристой травой, но прежде чем ты это понял, она и правда была призраком.

— Хм? Не понимаю. Суть в том, что вера делает из сардины святыню, но как это к ней относится?

— Вампир — сильнейший из Кайи потому что все верят, что вампир — сильнейший из Кайи. Кайи такие, какими их представляют люди — и ведут себя так, как люди представляют.

«Такие уж они твари», — сказал Ошино.

Пока он говорил это, он смотрел на девочку-вампира.

Нежный взгляд, который не убьёт даже насекомое. В нём не было давления.

— Вампир-тян... сейчас только ты знаешь о ней, Арараги-кун.

— ...

— Строго говоря, есть ещё я и староста-тян, но всё же сильнее всего на Вампира-тян влияешь ты. Это потому, что сейчас ты единственный источник питания для неё. Влияние самое прямое.

— Хочешь сказать, она такая, потому что я её такой представляю?

Нет.

Может, она и любит «Мистер Донат» потому что я на неё влияю, но то, что она ест как собака...

Если бы я ожидал такого от вампира, меня можно было бы назвать психом. Мне понадобится серьёзное лечение. Сейчас середина ночи, но я должен немедленно записаться на приём.

— Поскольку я не такой человек, как ты или Ханекава, видимо, я и правда вижу её восьмилетней — но кто бы мог подумать...

— Ребёнок не всегда растёт таким, как ожидают родители. Тем не менее, на неё влияют ожидания — как-то так.

— Ожидания... родителя.

Влияние.

Семья.

— Я не намерен просить тебя стать хорошим человеком, но если ты продолжишь дурачиться, то можешь оказать на неё дурное влияние. Вдобавок...

Ошино замолчал.

И не продолжил.

Ошино не продолжил не потому, что беспокоился обо мне. Он был не из тех, кто так показывает беспокойство. Он не сказал это просто потому, что в этом не было необходимости — более того, мне не нужно было этого слышать.

Вдобавок.

Вдобавок к тому, что гордый вампир стал невинным ребёнком — что будет со мной, если я на неё дурно повлияю?

Вот и всё.

Однако кое с чем в словах Ошино я не мог согласиться — хоть он и сказал, что она не обязательно будет соответствовать ожиданиям, как минимум одному из них она соответствовала.

Она не простила меня.

Она не смеялась, она не говорила.

Этот вампир меня не простил.

Точно так же, как я не простил вампира.

— Арараги-кун, судя по тому, что ты запихнул в неё пончики, ты уже исполнил свой донорский долг?

Донорский долг, говоришь.

Я не официант.

— Ещё нет. Ты нечасто ошибаешься. Сначала пончики, потом кровь. Похоже, пончики ей нравятся больше моей крови. Я расстроен.

— Хм. Ну, твоя кровь не такая сладкая. Могу понять.

«Угу», — кивнул себе Ошино.

Что именно он может понять?

— Другой вопрос, Арараги-кун. Я уже поднимал эту тему, но всё ли хорошо со старостой-тян?

— А?

Это было неожиданно.

Он сказал это так, будто как-то узнал, что днём я встречался с Ханекавой. «Видеть меня насквозь — это ещё один признак его профессионализма», — подумалось мне, но чуть поразмыслив, я понял, что это не так.

Я вспомнил, что Ошино всегда странно беспокоился о Ханекаве.

Периодически он спрашивал меня о ней.

Нет, он не столько беспокоился о девушке, сколько о ее целях.

Вполне логично.

Ошино очень опасался ее... с его точки зрения Ханекава была обузой.

— Эта девушка для всех обуза.

Ошино слегка подправил мою несказанную мысль.

Вот так он видел меня насквозь.

— Конечно, это и тебя касается — визит вампира изрядно исказил состояние местных Кайи. А староста-тян изрядно искажает состояние жителей.

— Если существуют преувеличения, то это как раз одно из них.

— Можно и преувеличить. В случае данной девушки это правда.

«Ну, и как она?» — спросил Ошино.

— Ну... с ней всё хорошо.

— Точно?

Настырный.

Если он столь настойчив, значит, не доверяет моей небрежной реакции (то есть, моему вранью).

А правда в том, что это неправда.

Я врал.

Но это касалось семьи Ханекавы, я подумал, что не стоит об этом рассказывать.

Повязка на левой стороне лица — и то, что было под ней — про это тоже не стоило упоминать.

Потому что я пообещал, что никому не расскажу.

Даже Ошино.

— Хм, понятно. Не можешь рассказать.

Однако он, просто увидев мою задумчивость и попытки решить, стоит врать или нет, понял, в каком я положении.

— Тогда вполне разумно предположить, что с телом девушки что-то случилось, но ты не можешь рассказать. Я обеспокоен.

— Не стоит.

И конечно, мне тоже не стоит об этом беспокоиться.

— Это проблема Ханекавы. Я не могу вмешаться. Даже если что-то случится, она может спасти себя только сама — это единственный для неё путь.

— Ох. Тогда я не полезу в это дело.

Я думал, он намерен продолжить допрашивать меня, но Ошино неожиданно легко отступил.

— Не нужно таким, как я, вмешиваться в твой флирт со старостой.

— Не то чтобы я флиртую с ней.

— Я не могу вмешиваться в твоё юбкозадирательство, или чем там ты ещё занимаешься.

— Откуда ты столько знаешь?

— Тогда пойдём другим путём, — сказал Ошино, игнорируя меня. — Расскажи мне всё, кроме того, что не можешь рассказать. Ты же можешь поведать хоть что-нибудь?

— ...

Если он так ставит вопрос, я не смогу отмолчаться.

Я должен молчать о семейных обстоятельствах Ханекавы и о том, что её ударил её же отец — но я не обязан держать в тайне остальное.

Ничего страшного не случится, если я скажу, что сегодня — то есть по календарю уже вчера — я встретился с ней и немного поболтал.

В любом случае, Ошино не отступит.

Во всяком случае, не так просто.

Подумав об этом, я умело — не знаю, насколько, — опустил части, о которых мне нельзя было говорить, и рассказал, что случилось сегодня.

Меня разбудила сестра утром.

Я встретился с Ханекавой.

И наконец — я похоронил сбитого машиной кота.

Я рассказал всё.

— Арараги-кун.

И тогда Ошино Меме вынул сигарету из нагрудного кармана своей гавайской рубашки, вложил её в рот, но не зажёл.

— Не говори мне, что это был бесхвостый серебристый кот, — сказал он.

Он сдерживался всё это время.

Спасибо.

А теперь мы подошли к настоящей проблеме.

Примечания

1. Пишется как «два человека».
2. Моэ — «росток».
3. Длинная кулинарная манга.
4. В японской мифологии вампир — это кровососущий демон.
5. Японская карточная игра, проводится с помощью 100 карт, на которых написаны стихотворения.
6. Необходимо взять карты, первые слоги которых совпадают со слогами победного слова.
7. Для каждого из слогов есть всего по одной карте, поэтому эта комбинация — сложнейшая.
8. Д-поп — это набор из шести маленьких пончиков
9. Сюзанна Хопкинс из манги Геншикен. Её диалоги, как правило, написаны катаканой и состоят из цитат аниме и манги.

10. Мадара — тихоокеанская треска.

11. Слова «Ошино» и «подкрадываться» имеют общие кандзи.

Неприятно это признавать, но я в самом деле не считал это важным.

Хотя устраивать похороны для размазанной по дороге, должно быть, сбитой машиной, кошке — вполне обычное дело, если я был с Ханекавой.

Такое случалось много раз.

Также, как она спасла меня на весенних каникулах, Ханекава... похоронила кота.

Очень естественно.

— Арараги-кун, можешь помочь? — спросила она.

Со своей обычной улыбкой, будто забыв о повязке на лице.

Она взяла на руки кошку, чья шерсть, когда-то ярко-белая, теперь окрасилась в цвета крови и грязи.

Как будто она жалела её.

Как будто она лелеяла её.

Она держала её в своих руках.

Многие любят кошек — даже я не могу сказать, что они мне не нравятся — однако не думаю, что многие смогли бы обнять труп, даже если бы его не раздавили.

Так я подумал.

И моё сердце снова расшумелось.

Как будто хотело что-то сказать.

Но так и не смогло ничего произнести.

«Мартовская кошка».

Была это судьба или ещё что — сказать по правде, я собирался быстро вернуться домой и немного подремать после того, как покормил маленькую вампиршу и отдал пончики Ошино. Но теперь не могу себе этого позволить.

Я влип в очередную работу мужчины в гавайской рубашке.

Может, не стоит говорить «влип», будто я был жертвой — учитывая, что я должен ему пять миллионов иен, я вполне могу оказать ему услугу, особенно когда дело касается Ханекавы.

Я не столько хотел оказать услугу, сколько испытать тяжесть работы.

— Млекопитающий хищник из семейства кошачьих, — сказал Ошино.

Кошка.

— Мартовская кошка — одна из историй Кайи, которые я собирал в городе. По правде сказать, только что я уходил гоняться именно за ней. Не знаю, можно ли назвать это совпадением, но, если честно, это неприятное совпадение. Заимствуя слова моего старого друга, я чувствую здесь злой умысел.

— Погоди, Ошино.

Его слова ввели меня в замешательство — или лучше сказать, я едва понимал хоть что-то и рефлекторно возразил, не подумав, просто ради самого возражения.

— Разве я не объяснил? Кошка, которую мы с Ханекавой похоронили, не была Кайи. Это была настоящая живая — ну, еще вчера живая — кошка. Это была настоящая, материальная, не призрачная кошка. Её сбила машина, и как ты сказал, это была бесхвостая кошка. Если я правильно помню, её шерсть была серебристо-белой, но она не была Кайи или призраком.

— Действительно. Не была.

Даже я бы так подумал.

«В обычных условиях», — сказал Ошино.

Он никогда не стал бы эмоционально отрицать мои возражения — всё такой же обычный легкомысленный Ошино. Всегда желает сохранить равновесие, всегда хочет сохранить нейтралитет — таким было ошинистое поведение Ошино по имени Ошино Меме.

Обычный Ошино. Однако я всё же почувствовал, что на губах, державших сигарету, появился какой-то намёк на серьёзность.

Намёк на правдивость.

И возможно, это чувство не было лишь моим воображением.

Если спросите меня — то это потому, что дело касалось Ханекавы.

— Вспомни, Арараги-кун — староста-тян не обычная. Мы много об этом говорили, и я правда не хотел бы с тобой ссориться — но эта девушка в самом деле опасна.

— Ну, я понимаю, что ты не доверяешь ей.

— Это не недоверие. Посмотри на вампира-тян.

Ошино указал кончиком сигареты на девочку, сидящую в углу класса.

— Ты виноват в том, что она стала такой, не живой, не мёртвой, полуживой — но начало всему положила староста-тян.

— Все... так, наверное.

Прошедшей весной...

Конечно, меня спасла Ханекава — мне никто не помогал, лишь она одна спасла меня. Я никогда не смогу отблагодарить её за это.

И всё же, если посмотреть с логической точки зрения, можно сказать, что если бы Ханекавы не было, не случилось бы и событий на весенних каникулах.

Она не хотела и не просила этого — это не было её решением или целью — и всё же я не мог не признать, что Ханекава была обоюдоострым клинком¹.

— Да. Обоюдоострый клинок. Именно. Ужасающая девушка, воплощение эффекта бабочки — и хоть у хаоса есть предел, она на самом деле отличный режиссёр. Прекрасный продюсер. Даже обычный, заурядный, трогательный до глубины души момент вроде похорон сбитой кошки с её участием может обратиться в катастрофу, которая потрясёт небо и землю.

«И конкретно кошки — плохой знак, — сказал Ошино. — Староста-тян — вылитая Мартовская кошка».

— ...

Я не вслушивался в детали истории о Кайи, за которым сейчас гонялся Ошино. В первую очередь потому, что не было времени. Однако в глубине души я чувствовал, что не хочу слушать.

Я тоже.

Я тоже так думал.

У меня с самого начала было неприятное предчувствие.

С каких пор?

С тех пор, как мы похоронили кошку? Нет.

С тех пор, как я увидел повязку на левой стороне её лица? Нет.

Возможно, с того момента, как я впервые встретил Ханекаву.

Я должен был это понять.

— Ошино, — сказал я, опуская лишние возражения. Не время для споров. — Что мне делать? Предположим, прямо сейчас что-то происходит...

— Нет-нет, с вероятностью 80-90 процентов не происходит вообще ничего. А потому постараемся сделать так, чтобы ничего и не случилось, — сказал он. — Мы просто хотим

безопасности. Безопасность лучше сожалений — в этом я уверен даже не на 90, а на 99.99 процентов. Учитывая риск, мы просто предпримем ненужные меры. Расслабься, Арараги-кун.

Ошино сказал последнюю фразу так, будто насмеялся над моим настроением, но почему-то я почувствовал, что эти слова должны были успокоить разум. Как будто сам Ошино так вовсе не думал — будто он не думал, что вероятность 90 или 99.99 процента.

Нет, с точки зрения вероятности, может быть, так и было.

Однако будь то 1 шанс из 10, или 1 из 10000, для меня и Ошино уже стало очевидно, что девушка по имени Ханекава Цубаса в состоянии легко обойти такую помеху.

Она и только она.

Она на самом деле опасна.

— Эти головные боли утомляют — с моей точки зрения. Лучше бы они были просто бессмысленным знамением. Ладно, Арараги-кун, мы разделимся. Я пойду откопаю того белого кота, что вы похоронили. Другими словами, оскверню могилу.

— О-осквернишь могилу...

— Ну, это само по себе кощунство — и всё же я хочу попробовать. Если похороненная вами кошка в самом деле была обычной кошкой, мы сможем расслабиться. В таком случае, мы будем жить долго и счастливо, и сказке конец. Божественная кара не станет для меня катастрофой. Я просто тихо приму её. Потому что в душе я барабан².

— Мне все равно что там у тебя в душе. Я даже понятия не имею, что ты этим хотел сказать. Короче, тебе нужно знать, где мы его похоронили? Отвести тебя туда?

— Конечно, мне нужно знать местоположение могилы, но провожать не стоит. Я сам найду её.

— Хм...

А он не просто так прикидывается странником.

Ему с самого начала не нужно сродство с землёй — он обратил в штаб заброшенное здание, о котором даже не все местные знают.

— Конечно, я с радостью укажу тебе место, но оно не в моём районе, так что мне будет сложно объяснить. Найдёшь, если я примерно укажу, где это?

— Найду-найду, — Ошино кивнул.

Хоть на меня и нельзя было положиться, он не жаловался и не издевался — и таким образом он как будто говорил максимально доступным мне образом, в каком мы положении.

Однако... хм, неотложная ситуация.

Наверное, ничего не происходит — и всё же, ситуация уже неотложная.

Как будто война начинается.

— Взамен я дам тебе другую важную миссию.

— Какую?

— Не зря мы разделяемся — ты должен будешь напрямую сблизиться со старостой-тян.

— На-напрямую?

— Ты сейчас пойдёшь в гости к старосте-тян. И когда встретишься с ней, глядя ей в глаза, спросишь, в порядке ли она.

Ошино говорил так, будто это было естественно. А я лишился дара речи.

Что? Пойти к ней в гости?

— Не носи чушь, Ошино. Сколько сейчас, по-твоему, времени?

— Ночь. Точнее, середина ночи. Ты пойдешь именно потому что сейчас середина ночи — иначе это было бы бессмысленно. Даже не учитывая час Быка³, именно в это время Кайи проявляют наибольшую активность. Другими словами, именно в это время разница между отрицательным и положительным наиболее заметна.

— На весенних каникулах я сам это видел, кому как не мне об этом знать...

В этом мире был и здравый смысл, и его отсутствие. Поход в гости к однокласснице противоположного пола посреди ночи явно относится ко второй группе.

— Это срочное дело, так что отсутствие смысла неважно. Так даже лучше. В худшем случае, староста-тян начнёт презирать тебя и на этом всё закончится.

— Это самый худший случай!

Ладно.

Наверное, она уже презирает меня за то, что случилось сегодня, да и неудивительно, если она презирает меня с весенних каникул. Странно, что я считаю это чем-то неожиданным.

Что, если я ей не нравился с самого начала?

Очень грустный вариант.

— И мы не можем обменяться заданиями — я не смогу понять, была ли похороненная кошка просто кошкой или...

— Именно. А ты лучше всего подходишь для того, чтобы узнать, ненормальна ли староста-тян. Потому что ты её друг.

В этом слове, добавленном случайно, содержался цинизм и сарказм — даже если и так, оно всё равно подстегнуло меня.

Забудем о Кайи — если дело касалось Ханекавы, специалистом был не Ошино, а я.

— Ой. Ошино, я не знаю, где живёт Ханекава.

— Что? Странно. Ты и староста-тян в одном классе? Разве в классе нет книги адресов?

— Ты из какого века? Сейчас люди осторожней распоряжаются личными данными — даже для друзей нормально знать только номер мобильного и адрес электронной почты, не зная, на какой улице они живут или хотя бы на какой станции.

— В какой ужасной эре мы живём. Аналоговый Гаваец не успевает за ней.

Аналоговый Гаваец нахмурился. С точки зрения человека, потерянного для машин и не имевшего мобильного, эта эра и правда ужасна.

— Неважно. Считая весенние каникулы, ты с ней уже месяц, и не говори, что ты не думал об этом. По обрывкам разговоров, времени, за которое она добиралась до места встречи и тому подобному ты примерно можешь догадаться, где она живёт.

— Не делай из меня маньяка.

Ладно.

Я могу догадаться.

Это же очевидно.

Если я не могу даже этого, я опозорю имя Арараги Коёми.

Светловолосая девочка-вампир, спрятав лицо в коленях, не обращала на нас никакого внимания— и вот так я устремился в ночной город на своём велосипеде.

На всякий случай включил фару, но свет мне не был нужен. Я не забыл дать немного крови девочке-вампиру (почему-то мне показалось, что пончики ей понравились больше, я был поражён), так что вампирская составляющая в моём теле была весьма высока. Я видел всё как днём.

Но свет фары предупреждал пешеходов, так что, даже если я отлично видел, не включать фару было опасно.

— Боже, как всё обернулось... И вообще, как я могу в такое время появиться на пороге дома Ханекавы?

Думал, лучше пораньше. Оказалось, лучше ночью.

Настоящее безумие.

Мы же говорили о семье Ханекавы, где были и трения, и напряжение. Судя по тому, что я услышал днём, там не особо будут рады однокласснику, пришедшему в гости посреди ночи.

В худшем случае...

— Я не рассказывал об этом Ошино. Да и знай он, мне бы все равно пришлось поехать к ней.

Мы не могли обменяться заданиями. Плевать, сможет ли он увидеть Кайи в Ханекаве, посещение дома девушки посреди ночи — это перебор даже для такого хитрого старого лиса, как Ошино.

Он и так был подозрительным стариком, а после того, как несколько недель прожил в заброшенном здании, внешне он стал ещё грязнее, чем был при нашей первой встрече на весенних каникулах.

Крайне подозрительный тип.

Возможно, бродяга.

Возможно, наследник стиля Хитэн Мицуруги⁴.

Другое дело я. Даже если обо мне сообщат в полицию, все сочтут это просто детской шуткой. Воспользуюсь тем, что я несовершеннолетний.

— Кроме того, Ханекава не зря назвала меня цыплёнком — я вряд ли смог бы осквернить могилу.

То есть, подходящий человек оказался в подходящем месте.

Успокоившись, я остановил велосипед. Судя по адресу под светофором, именно здесь жила Ханекава.

Этикет гостя, в котором и так пришлось бы импровизировать, был всё ещё не самой главной проблемой.

Сначала мне нужно было найти дом Ханекавы.

Что я говорю...

Как будто это так просто.

Нужно было покрутить педали.

Я был в спальном районе — и пусть с велосипедом, я недооценил расстояние, наивно полагая, что это просто — катать от дома до дома и читать таблички с именами.

Я как будто пытался открыть четырёхзначный кодовый замок, полагаясь лишь на упорство.

Моё сердце не выдержит на полпути.

Кроме того, с замком у меня хотя бы была некая гарантия — со временем я найду правильный код. Но насчет местонахождения дома Ханекавы я мог здорово ошибиться.

Мы же всё-таки говорим о Ханекаве.

Может, она вообще действовала так, чтобы я не смог догадаться, где она живёт. Насколько же она мне не доверяла?..

Как будто я и правда маньяк.

— Боже мой. Бесхвостый кот... Был у него хвост или нет? Это же просто кошачий хвост.

С этими словами я снова нажал на педали.

Мне нужно было ехать медленно, осторожно, аккуратно притормаживая, чтобы прочитать имена на табличках, но прямо сейчас я об этом не задумывался.

У вампирского зрения был динамический обзор — даже поле зрения как будто стало шире. Конечно, это не обман, но я был уверен, что не пропущу ни одной таблички по сторонам.

Распалившись настолько, что захотелось сделать ещё круг, не оставив камня на камне, проверяя все двери от начала да конца, я оттолкнулся от земли.

Один человек проверяет дверь за дверью.

И плевать, если моё сердце разорвётся.

По сравнению с тем, что Ханекава сделала для меня во время весенних каникул, трещина в сердце — не проблема.

Моя решимость, впрочем, потратилась впустую.

Моя решительность каждый раз приводила к бегу по кругу.

Запоздалые усилия.

Если бы я правда беспокоился о Ханекаве, если бы я правда хотел ей помочь — и неважно, сказала бы она мне или стала презирать после этого — я должен был силой ворваться в её дом.

В самом деле.

Слишком поздно.

— Ой.

Это случилось сразу после того, как я свернул с главной улицы. Я катился в полном одиночестве, когда передо мной внезапно...

Внезапно.

Будто напав из засады.

Резко.

Беспричинно.

Появилась она.

Отрицая всякую логику — она появилась.

Нет, она просто была там — оно было там, так что говорить, будто она решила появиться передо мной, будто она ждала меня, будет несправедливо.

Это будет крайне эгоцентрично.

Мир не крутится вокруг меня.

Это не было неизбежно и не было совпадением.

Просто наши пути в силу обстоятельств пересеклись, вот и всё. Я для неё был всего лишь незначительной, микроскопической сущностью, не заслуживающей внимания.

Как человек для Кайи.

Посреди ночи, когда даже освещению уличного фонаря доверять было нельзя.

То, что освещала фара на руле велосипеда — то, что ты скрываешь ее сущность.

Ты уже знаешь её, старосту среди старост.

Ханекаву Цубасу.

— Ой... но...

Но даже в этом случае, никто бы не признал в ней Ханекаву.

Даже ее родители не узнали бы эту девушку.

Эта деталь была очень иронична.

— Ты... Ханекава?

Она была белой.

Она была белой.

Она была белой.

Эта сущность была чисто белой.

Белой, как свадебное кимоно.

Это не метафора уровня Золотой Недели, но то, что люди называют «играть со снегом»⁵.

Красивые волосы Ханекавы, чёрные, как крыло ворона, были белыми, как будто прозрачными... кожа Ханекавы, которая и в обычных обстоятельствах была бледной, стала болезненно белой.

Она трансформировалась.

Только бюстгальтер и трусики. Тело, уничтожающее мысли, словно только что вылетевшее из ванной, без туфель или чулок — лишь бельё, контрастирующее с кожей, было чёрным.

Оно выделялось.

Излишне... чёрное.

Но я узнал этот чёрный.

Это несомненно цвет белья, которое было на Ханекаве днём — я не смог бы его забыть.

Тёмно-чёрный, засасывающий тебя внутрь.

Бельё не было определяющим фактором, но я был уверен, что существо передо мной было Ханекавой Цубасой.

Форма бёдер — нет, неважно.

И даже если важно, я всё равно остановлюсь.

Беда.

Дело было не в том, что она была в одном белье или что цвет её волос полностью изменился и был слишком естественным для краски — самой большой бедой были...

— Ня!

... Кошачьи уши, выросшие у неё на голове.

Мартовская... кошка.

— Ня.

Она... замурлыкала.

Заурчала.

— Ха... Ханекава...

— А... что такое? Ты друг госпожи-ня? — спросила Ханекава... нет, Мартовская кошка.

Тон и манера речи, выражение лица отличались до невозможности.

Оно никак не могло принадлежать Ханекаве.

Ханекава передо мной, будучи Ханекавой, вовсе ей не была.

Она никогда не говорила бы голосом, которым успокаивают избалованного ребёнка, и у неё на лице никогда не появилось бы столь демоническое выражение, как будто она готова укусить меня, вопреки задабривающему голосу⁶.

Что тут происходит?

Что это за фигня?

Будучи Ханекавой она во всём отличалась от Ханекавы.

Она так контрастировала с ней, так отличалась до невозможности.

Это даже не контраст, она была антиподом Ханекавы.

Перевернута с ног на голову — и при этом они были идентичны.

— Ня-ха-ха, я думаю, я уже видела тебя раньше. Ты был с госпожой, когда она хоронила меня-ня. Идеально-ня, — сказала Мартовская Кошка со слабой улыбкой, безразличной к моему замешательству.

Её глаза, пялящиеся на меня, сузились.

— Я не понимаю, что это значит, но друзья помогают друг другу? Тогда я оставлю их тебе-ня, — произнесла она.

Она бросила что-то к моим ногам, раздался глухой удар.

Нет, раз она бросила два предмета, и ударов было два — два же?

Но они казались одной кучей.

Какой-то грудой.

— А...

События неслись с невероятной скоростью, и мой мозг давал сбой — но это, наверное, даже хорошо.

Тогда от всего этого не останется травм.

Именно.

Потому что к моим ногам бросили двух человек.

— !..

Нет, я всё-таки был поражён.

Настолько, что не мог говорить.

Я подумал, что упаду вместе с велосипедом.

И вообще — откуда Мартовская кошка их притащила?

Она их перла за собой, что ли?

Видимо, что так и было — то есть, шок от белья и кошачьих ушей Ханекавы был так силен, что я не заметил двух человек?

Или все это было из-за того, что эти два человека не шевелились, будто были мертвы, будто это были трупы, поэтому я подсознательно изгнал их из поля зрения?

— Так... Кто же это... ах да. Похоже, эти двои — «родители» госпожи. Или типа того, — со злым смехом сказал Мартовская кошка.

Кажется, ей было весело — но только на первый взгляд.

— Короче говоря, они не нужны-ня. Нет смысла убивать их. Нет смысла издеваться над ними. Абсолютно бесполезны. Поэтому я прошу тебя, друг, избавиться от них ради меня — убей, если хочешь. Злись и вини хозяев.

А затем она повернулась ко мне спиной.

Дурное влияние аниме и манги привело к тому, что я подумал, будто помимо ушей у неё вырос и хвост — к моему сожалению, её ягодицы были гладкими и нежными.

Вполне логично.

Потому что Мартовская кошка была бесхвостой.

— Эй! Постой! Ханекава! — прокричал я, спрыгивая с велосипеда и отталкивая его в сторону. Я протянул руку. Казалось, она идёт туда, откуда пришла, и я сразу же бросился за ней — но, похоже, в этом не было необходимости.

Ханекава.

Она...

Мартовская кошка внезапно обернулась.

— Он всё-таки осмелился заговорить, — пробормотала она.

Пробормотала злобно, с желанием убить.

Мои инстинктивные слова взбесили её.

На виске взбух кровеносный сосуд, глаза покраснели.

Она обнажила клыки.

— Не жди слишком многого от госпожи, дурак! Это из-за вас госпожа такой стала!

И в тот же момент Мартовская кошка прыгнула на меня.

Нет, сказать, что она прыгнула будет слишком большой ложью, невероятно наглой — можно даже назвать это хвастовством. По правде говоря, я увидел только то, как она приземлилась.

Страшная истина.

Истина настолько ужасная, что я хотел избежать правды — потому что, как я сказал ранее, я только что покормил кровью девочку-вампира, другими словами, моё тело, включая глаза, было усилено, но Мартовская кошка двигалась с такой скоростью, что даже я не смог уследить за ней.

Я должен был видеть все.

И ужасала не только её скорость.

Про силу и говорить нечего.

Она словно поймала мышку — вцепилась острыми клыками в мою левую руку и силой челюсти, вместе с рукавом, будто срывая спелый фрукт, оторвала ее от плеча.

— А-а-а-а-а-а!

Неприглядно и недостойно, посреди спального района, я заорал как девчонка, на которую напал насильник, но, надеюсь, никто меня не осудит — много чего произошло на весенних каникулах, но ещё никогда мне так грубо не отрывали руку.

Мое бессмертие было тогда совсем на другом уровне.

Сейчас я не располагал регенерацией, способной мгновенно восстановить оторванную конечность — поток крови хлестал из плеча, как вода из фонтана.

Крови было так много, что кто-то даже удивился бы, как в человеческом теле её столько помещалось.

— А-а-а-а!

— Не суетись, это же мелочи.

Даже если ни один человек меня не осудит, это с охотой сделает кошка — пока я сидел под фонарём, она, всё ещё держа мою руку у себя в зубах, поставила босую ногу мне на голову.

Я не мог двигаться.

Я не мог сопротивляться.

Я не мог даже стряхнуть её ногу с головы.

У меня как будто бы кончились все силы. Я даже почувствовал нечто странное.

На самом деле то, что она наступила на меня, успокоило боль в левом плече — невероятно!

Ханекава наступила на меня, и боль стала уходить. Какой же я извращенец!

Не то что ушла, но притупилась...

— Если сравнить такую боль с той, что выносила госпожа, то тебя всего лишь комар укусил.

— Эта твоя госпожа...

«...это Ханекава?» — попытался спросить я и так очевидное, но не смог.

Дело было не в том, что у меня не было сил — это и так понятно.

Такая чистая.

Такая невинная.

Такая безупречная.

Все было ясно.

— А, точно. Слушай, человек, — ответила на незаданный вопрос Мартовская кошка. — У госпожи теперь есть я. Ты не нужен. Родители, друзья, все вы не нужны. Даже сама госпожа не нужна.

А затем она выплюнула руку, как будто это был мусор. Рука упала передо мной, истекая кровью.

— Не нужны...

— Я сделаю госпожу свободной — свободнее всех. Понимаешь? Вы на это неспособны. Вы только мешаете госпоже, связываете её...

«Для начала сбросим с её плеч стресс весом с планету», — сказала Мартовская кошка.

А затем прыгнула.

Или, правильнее сказать, полетела⁷.

Потому что это был скорее полёт, чем прыжок.

Почти не сгибая коленей она сдвинула центр тяжести вниз и лёгким движением перелетела фонарный столб, кабели и крышу дома перед ней и исчезла во мраке ночи.

Это не обычная сила прыжка.

Такое не под силу человеку. Уже поздно об этом говорить, но это движение Кайи.

Как будто у неё выросли крылья.

Не крылатый тигр⁸ — крылатая кошка.

— Ханекава...

Ханекава Цубаса.

Девушка, обладавшая странными крыльями.

Я понятия не имел, что с ней случилось и как она стала такой, но в одном я был уверен. Опасения Ошино попали точно в цель.

В яблочко.

Все выстрелы.

И вдобавок, я снова не успел.

Я... опоздал.

— Ой... ох.

Я вяло поднялся, подобрал левую руку оставшейся правой и, удивляясь, какая же она тяжелая, соединил ее с телом, хотя края раны были грубыми и подходили не идеально. Приложил руку и попытался восстановиться.

Поскольку я не мог рассчитывать на самовосстановление, я мог использовать лишь этот обрубок. Я никогда не пользовался такой лечебной техникой, но, вытянув из памяти все разнообразные знания о вампирах в аниме и манге, решил, что таким образом плоть, нервы и так далее смогут соединиться.

— ...

И Ханекава, и Мартовская кошка пропали из моего затуманившегося поля зрения как дымка — остались только горный велосипед и два человека, лежащих на земле.

Два человека.

Двое родителей — отец и мать.

Родители Ханекавы.

Отец Ханекавы Цубасы и мать Ханекавы Цубасы.

Не связанная по крови, не связанная сердцами её семья.

Семья.

Но я задумался, почему.

Днём они вызывали у меня отвращение, а теперь, когда я увидел их безжизненные тела, лежащие так, будто они умерли, во мне не возникло сильных эмоций.

Во мне не нарастала злость.

Меня не радовало их жалкое положение.

Я ничего не почувствовал, вообще ничего.

Я не мог их винить или злиться на них.

Я только подумал, что они были просто жалкими.

Я хотел лишь жалеть их.

Странно, эти двое должны были быть мучителями Ханекавы, но почему-то мне они показались ужасными жертвами.

Примечания

1. В оригинале «матипонпу» означает «создать проблему и получить награду за её решение».
2. В японском языке слова «кара» и «барабанная палочка» — омофоны.
3. В китайском зодиаке 12 знаков, основанных на животных. Эти знаки соответствуют определённым часам — по два на знак. Быку соответствует время с часа до трёх ночи. Считается, что именно в это время наиболее велик шанс встретить призрака или чудовище.
4. Отсылка к «Бродяге Кеншину».

5. Японское выражение, означающее «абсолютно белый».
6. «Задабривающий голос» по-японски пишется как «кошачий ласковый голос».
7. В японском языке «прыгать» и «лететь» — одно и то же слово, написанное разными кандзи в зависимости от ситуации.
8. Крылатый тигр — выражение, означающее «неуязвимый».

После этого в моей памяти был провал.

Короче говоря, я потерял сознание от боли из-за оторванной руки и от потери крови. Но, кажется, в момент, когда вы могли бы подумать: «Ух ты, у Арараги-куна есть сила воли!» или «Ты такой крутой!», я успел сделать несколько нужных вещей.

Впрочем, я ничего из этого не помнил.

Я слышал, мозг человека полностью стирает память перед потерей сознания — что со мной и произошло. Я бы хотел заранее предупредить вас, что с этого момента обрывки и пустоты в воспоминаниях будут смешаны с сомнительными предположениями и слухами.

В общем, после того, как Кошка ушла, я решил, что за ней обязательно стоит прибраться.

Прибраться — хотя ничего ещё не закончилось. Я просто разобрался с местом происшествия.

С помощью мобильника вызвал скорую. Но звонил не со своего. Я позаимствовал телефон отца Ханекавы.

Может, это была излишняя предосторожность, но я совершенно не хотел оставлять собственный телефон в центре первой помощи. Скрытие номера меня бы вряд ли спасло, а на раздумья времени не было.

Они наверняка записали мой голос, но с этим уж ничего не поделаешь — или, скорее, я не придумал, как это обойти. Кровь, которая должна была циркулировать в мозгу, прямо сейчас была разлита на дороге.

С другой стороны, здесь был вампир.

Обычно — оставим пока вопрос, насколько это обычно — в ситуации, когда требуется убрать кровь с дороги в спальном районе, вам понадобится тряпка и немало воды, но у нас тут кругом Кайи, а им закон не писан.

К тому моменту, как я назвал (думаю, что я изменил голос — вышло совершенно неубедительно) адрес происшествия скорой помощи, моя разлитая кровь испарилась.

Поскольку в голову она ещё не вернулась, реакция на это была такой:

— ...

Я рассеянно пялился на результат, но вопросов у меня не возникло.

Вопросов.

Нет, конечно, у меня не было вопросов насчет того, почему кровь испарилась — на это я ещё на весенних каникулах насмотрелся.

С другой стороны, *испарение крови заняло очень много времени* — вот из-за чего должны были появиться вопросы.

Я уже и поговорить успел, а кровь только-только исчезла — это было очень необычно.

— ...

Однако я знал, что у меня не было ни времени, ни желания мучить свой мозг. Вызванная скорая появилась в мгновение ока. Я слышал, что врачи часто делают обходы, прежде чем доехать до больницы, но скорость, с которой они прибыли сюда, заслуживала восхищения.

А потому мне пришлось убежать со всех ног.

Тело (особенно сейчас) было не в том состоянии, которое стоило демонстрировать человеческим врачам — и если бы меня прижали, я бы лучше показался ветеринару.

Мне казалось, что в выходной из-за операции по сшиванию руки с остальным телом мог работать только доктор Камия¹.

Кое-как держась на подгибающихся ногах, я подобрал велосипед, оседлал его и устремился прочь на полной скорости.

Конечно, в тот момент я уже не мог вспомнить, о чём думал, но если вы попросите меня пояснить словами моё состояние, это будет звучать так:

— Ух ты! Я пережил встречу с Кайи!

И хотя я убежал в ночи, к сожалению, ничего не закончилось.

Даже рекламной паузы не было.

Ужасно, но всё продолжалось без перерыва.

Я совсем забыл о том, что случилось в пути, но, судя по тому, что уцелевшая одежда была в дырах — например, колени или правый рукав — похоже, во время езды я несколько раз падал.

Поскольку все исцелилось еще до моего прихода в себя, я об этом даже не думал, пока Ошино не указал на дыры.

Это значило, что я даже не замечал падений.

Я больше не мог думать.

Я больше не хотел думать.

Поглощённый туманными мыслями, я повернул руль — но не к дому, где спали мои сёстры, а к заброшенному зданию школы.

Можно сказать, я неосознанно отказался от обычного утреннего сестринского пробуждения, а потом...

А потом.

А потом, наконец, моё сознание соединилось с настоящим.

Иными словами, когда я добрался до заброшенного здания, я потерял сознание — и хотя моё упорство не заслуживало «ты крут», думаю, что «ты отлично поработал» оно заслужило.

— Ох.

Не незнакомый, а вполне узнаваемый потолок².

Поскольку меня всегда будили, и я редко просыпался сам, неожиданное пробуждение было для меня чем-то странным.

По крайней мере, так было с весенних каникул.

Прямо сейчас, впрочем, главным было не знакомое ощущение, а сильная боль в левом плече, которая пронзила меня при попытке встать и не позволившая отдалиться этому сюрреалистичному чувству.

— Ух... что это за место?

Такие драматичные слова были ни к чему.

Я лежал на четвёртом этаже заброшенного здания.

Класс, где я кормил девочку-вампира пончиками прошлой ночью...

— Но... ой...

Я очень удивился.

Если честно, я бы хотел удивиться сильнее (выгнуться назад и сделать стойку на руках), но боль в левом плече сковывала мои движения.

Рядом со мной сидела упомянутая девочка-вампир.

Она была совсем рядом с моей головой.

Сидела, обхватив колени.

Под таким углом я мог видеть всё, что было под её платьем — кстати, если верить аниме, под платьем у неё... но забудем об этом.

Дело было во взгляде, которым она на меня смотрела.

Это не был обычный взгляд, полный ненависти — и конечно, это не был жадный взгляд при виде пончиков.

Как бы сказать.

Это был... презрительный взгляд.

Не взгляд, которым можно было убить, но взгляд, от которого хотелось умереть.

Я даже думать не смел, что она беспокоилась за меня и приглядывала все это время — ей незачем было это делать.

Скорее, её взгляд говорил:

«Жалкий».

«Позор для рода».

«В таком состоянии из-за драной кошки».

«Ты точно слуга вампира?..»

Нелепо...

«Говорил», да неужели.

Как будто она может сказать хоть что-нибудь.

Как будто она заговорит.

По мне может показаться, что мы общаемся без слов.

Но когда я пригляделся, то понял, что это обычный кислый вид.

Просто она была ближе обычного, и я смотрел на неё снизу вверх.

Вампир — это вампир.

Человек — это человек.

Мы — две параллельных прямых.

Потому что весной мы разошлись навсегда.

Она ни за что не станет относиться ко мне как к слуге.

Она не сделает этого ради меня.

В лучшем случае, она прикидывала, стоило ли пить мою кровь, пока я лежал без сознания... Сейчас для неё я был единственным источником питания. Или, скорее, просто зарядным устройством.

Но всё равно.

Я, по крайней мере, должен радоваться, что она хочет жить.

— Ты проснулся, Арараги-кун?

Будто дождавшись нужного момента, дверь открылась, и в класс вошёл гаваец, Ошино Меме.

— А ты соня — я устал ждать. Солнце уж село.

— Что?

Солнце село?

Не говори мне, что уже так поздно.

Я так крепко спал? Достал мобильник и посмотрел на дату: 30 апреля, 5:20 вечера.

Э-э-э?

Я проспал больше двенадцати часов?

— Не столько проспал, сколько пролежал в коме — это можно даже назвать отделением сознания. Я, кстати, думал, что ты умрёшь, ха-ха, — рассмеялся Ошино.

По смеху могло показаться, что он просто издевается надо мной. Как обычно, но...

— Ошино! Ханекава!

— Да, я в курсе. Уже слышал. Староста-тян стала кошкой.

«Боялся я не напрасно», — добавил Ошино и, кивнув, обернулся к девочке-вампиру.

— Вампир-тян, хватит, — сказал он.

Услышав эти слова, она встала, лениво, как покрытая мхом скала, и, шатаясь, вышла из класса.

Даже не закрыла дверь.

— Что?..

Голова была полна вопросительных знаков.

— Что это значит, Ошино? Почему она не спит? Я думал, что сейчас ещё ночь...

— О, нет-нет-нет. Это из-за того, что ты был очень тяжело ранен — я заставил её немного помочь.

Он указал на моё левое плечо.

Посмотрев на него, я заметил бинт — странный бинт, исписанный непонятными символами, как будто это был оберег.

— Вы слишком сильно связаны — можно сказать, соединены. Вы пара. Даже регенерация у вас работает на двоих. Соответственно, чем меньше расстояние, тем больше пользы — то есть, посадив ее рядом, я ускорил твою регенерацию.

— О...

Вот оно как.

Значит, ради меня ей пришлось целый день не спать — возможно, поэтому мне показалось, что что-то не так.

Не присматривала...

Во всем был виноват я.

А еще смел помыслить о том, что она хочет выпить моей крови.

— Потом поблаговари её. Если бы не она, рука могла бы омертветь.

— Омертветь... в смысле, некроз?

Если бы не она, со мной было бы покончено в тот момент, когда Мартовская Кошка оторвала руку.

— Должен сказать, это было неожиданно. Я и не мечтал о весенней регенерации, но ведь кошка напала на меня сразу после того, как она дала мне своей крови. Я думал, у меня будет больше сил. Предрассудки опасны. Думал, если прикреплю руку, то она быстро срастется обратно.

— Серьёзно? Ты с самого начала собирался пожертвовать рукой, напав на Мартовскую Кошку?

— Нет, я не это имел...

Я не нападал.

Вовсе не собирался. Прежде чем я хоть что-то понял, она уже оторвала мне руку, вот и всё.

— Но если бы я смог восстановиться побыстрее, то не позволил бы ей сбежать. Видимо, неправильно оценил возможности своего бессмертия.

— О нет. Ты неправильно оценил возможности Мартовской Кошки, Арараги-кун.

Ошино добавил:

— Прямо сейчас твоего бессмертия хватает на серьезные раны. Потому что, как ты и сказал, ты недавно кормил вампира-тян. За исключением смертельных ран, ты смог бы восстановиться мгновенно — однако, в этот раз тебе достался слишком крутой противник.

Или скорее, слишком крутой бой, а не противник.

Крутой бой.

Пока я полусидел, Ошино подошел поближе и, разматывая бинт (-оподобную штуку) на левом плече, продолжил:

— У Мартовской кошки другая весовая категория.

— Да?..

— Ты ослаб — когда она коснулась³ тебя, то не просто ранила. Не трогай кошку, или будешь проклят⁴. Арараги-кун, ты знаешь, что такое «поглощение энергии»?

— Поглощение энергии?..

Вроде что-то слышал.

Но только из аниме и манги, так что не могу назвать себя экспертом в этой...

— Но разве поглощение энергии — не особая способность вампиров? По-моему, на весенних каникулах такое было — высасывание крови поглощает жизненную силу людей.

— Верно. Однако вампиры не единственные, кто владеет ослаблением духа. Поскольку оно не создаёт подчинённых, оно несколько отличается от вампирского. Эта способность изначально принадлежала Мартовской кошке.

— Хм... иными словами, когда она оторвала руку, то оторвала и *моё бессмертие*...

Вот почему регенерация так замедлилась.

И вот почему кровь испарилась не сразу.

Крутой поединок.

Столкновение сил лоб в лоб.

Логично.

С родителями Ханекавы случилось то же самое. Они были ослаблены настолько, что напоминали трупы, но никаких ран я не заметил.

Я вызвал скорую не понимая, что с ними сделали, почему они потеряли сознание. Поглощение энергии все объясняло.

Их просто высосали.

— В отличие от вампирского поглощения, ей не нужно пить кровь, так что в каком-то смысле это обходной путь — но как ты сам успел понять, работает он примитивно и прямо. И по-настоящему опасен. Тебе не только когтей нужно опасаться — если она коснётся тебя, это конец.

— Вот она какая, Мартовская кошка.

Бред.

Ошино закончил разматывать бинт, и я вопросительно посмотрел на своё плечо — похоже, даже шрамов не останется.

Близость девочки была не единственной помощью, странный бинт тоже сделал свое дело.

Я помог ему с работой, чтобы уменьшить свой долг. Но неужели он опять предъявит мне прайс?

Я заволновался, но заставил себя не думать об этом. Неважно.

— Об этом Кайи я знаю немного, но поглощение энергии, способное победить бессмертие вампира, — серьёзная угроза. Мне повезло, что она оторвала только руку. Возьмись она за голову, я бы не смог пришить её на место.

— Прости, если я ввёл тебя в заблуждение, Арараги-кун.

В моём бормотании прозвучало облегчение, но Ошино поднял руку и ответил:

— Когда я сказал, что это крутой поединок, я имел в виду, что он крут для тебя, а не что способности Мартовской кошки сравнимы с вампирскими.

— То есть?

— Всё-таки вампиры — короли Кайи — монархи, правители. Даже если и у тех, и у других есть поглощение энергии, эти силы совсем разные. Общество монстров намного вертикальнее, чем у людей. Нельзя сравнить возможность поглощения энергии Мартовской кошки и высасывание крови вампирами. Угрозой она является лишь для человека — для вампира это мелкая рыбёшка.

— Мелкая рыбёшка...

Мелкая рыбёшка?

Вот это?

Что-то мне так не кажется.

Но раз об этом говорит специалист, то все так и есть.

— Арараги-кун, после того, как ты даёшь кровь вампиру-тян, ты сам частично становишься вампиром. Но в бою это «частично» выходит на первый план. Ты — человек. Ты не можешь сражаться с настоящим Кайи.

— Настоящим... Кайи.

— Если бы у тебя осталось весеннее бессмертие, даже с учетом сильно ослабленного вампира-тян, справиться с Мартовской кошкой не составило бы труда. Оторви она тебе руку или голову, они восстановились бы в тот же миг, да и разорвать тебя грубой силой было бы невозможно.

— ...

Ладно.

Она была Мартовской кошкой — и в то же время, она была Ханекавой.

Если это так, значит, события весенних каникул пошли на второй круг. Ханекава не была одержима — она *стала* Кайи.

Стала Кайи.

Стала чудовищем.

— Очевидно, что этот Кайи привёл к изменениям тела, но к каким именно я не знаю. Нужно разобраться в этом, но сейчас уже слишком поздно, — сказал Ошино. — Я раскопал кошачью могилу — в ней ничего не было. Если я не ошибся с местом, мы оказались в худшем положении из всех возможных.

— Понятно.

В худшем, хм.

Я не стану проверять, ошибся ли Ошино — это бесполезно.

Потому что доказательство опоздало.

Я уже видел его.

Я загляделся.

Я уже закрыл на него глаза.

— Хм. Твоя рана хорошо заживает — внутри ещё не всё срослось, но такими темпами до завтра ты оклемаешься, — сказал он и похлопал меня по левому плечу. Он лишь слегка

коснулся его, но я всё же почувствовал боль внутри. Видимо, это и есть «хорошо заживает» по мнению специалиста.

Видимо, видимо.

Я сам не был уверен.

— Вампир-тян... а, уже спит, так что поблаговаришь её в другой раз. Умри ты — ей было бы очень плохо, так что, разумеется, она присматривала за тобой.

— И всё же я рад это слышать. Она сочла меня, источник еды, необходимым, а значит, она, по крайней мере, хочет жить.

— Нет. Не значит.

«Бедная рыба», — пробормотал Ошино.

О чём он?

Мне кажется, меня упрекнули просто так.

— Ладно. Арараги-кун, тебе нужно поспешить домой, пока не перепугал всех родственников.

— А?

— Мобильник у тебя в кармане много жужжал. Думаю, это так называемая «вибрация».

Когда он сказал об этом, я снова взглянул на экран своего телефона. До этого меня интересовала только дата, так что я не обратил внимания, но когда взгляд упал на пропущенные звонки и сообщения, голова пошла кругом.

Звонки: 146.

Сообщения: 209.

У-у-ужас.

Ух ты... ещё до просмотра журнала я подумал, что все они пришли от Карен и Цукихи...

Ужас, ужас, ужас.

А раньше они звонили всего раз и слали пустое сообщение.

— Да это настоящее преследование.

Боже мой.

А я и правда соня.

Из-за того, что меня так трясло во сне, я не смог нормально выспаться. Хотя они и не смогли меня разбудить, но всё равно заслуживали похвалы за столь усердные попытки, даже когда мы были так далеко. Почему бы им уже не умереть.

— *В отличие от старосты-тян*, у тебя есть семья, которая беспокоится о тебе — ты должен возвращаться, Арараги-кун.

— Нет, я...

Хм?

В смысле «в отличие от старосты-тян»?

Что он хотел сказать?

Я был уверен, что, добравшись сюда и сообщив о случившемся, я и словом не обмолвился о семье Ханекавы. Это было просто выражение или догадка?

Видит меня насквозь?

Он думал о родителях Ханекавы как о жертвах, так что вполне мог так сказать.

Или нет.

Сейчас важно не это.

— Погоди, Ошино. Забудь о ране. Я не могу вернуться домой, поджав хвост, когда Ханекава превратилась в *это*. Мартовская кошка, или как там её, я должен поймать и изгнать её...

— На весенних каникулах, — со вздохом перебил меня Ошино, — староста-тян спасла тебя — а в этот раз ты хочешь сделать то же самое для нее? Я прав, Арараги-кун?

— Прав...

Я с сомнением согласился из-за того, как он это подал. Он странно смешал подтверждение и уверенность, присыпав сарказмом и злобой. Но я согласился.

Я правда так думал.

Когда он так сказал, почему-то показалось, будто он закрыл глаза на правду, но всё было именно так.

— Когда твой друг в беде, спасти его абсолютно естественно, — сказал я, вспоминая беседу с Мартовской кошкой, которая беседой не была.

— Хм. Это не твои слова, Арараги-кун — это слова старосты-тян. Как там было? Если я не могу умереть ради него, я не могу назвать себя другом — так, кажется. У старосты-тян система ценностей времён трёх королевств. Мы клянёмся умереть вместе, пусть и дни нашего

рождения различны — так⁵? Если бы она жила в ту эпоху, она бы стала великим командующим.

— Не сравнивай девушку с генералами.

— Однако, Арараги-кун, это невозможно. Вообще. Никак, — сказал Ошино, будто поставив ультиматум. — Ты не можешь сделать того, что делает староста-тян. И не только ты — ни я, ни кто-либо другой. Никто, кроме старосты-тян.

— Ты уже должен понять, — коснувшись моего плеча, продолжал Ошино. — Когда твои друзья в беде, спасти их — абсолютно естественно. Возможно, это так. Однако, Арараги-кун, естественно делать естественные вещи — прерогатива избранных. Обычный человек вроде тебя или посредственность вроде меня неспособны на это. Ты хочешь быть как староста-тян, хочешь вернуть ей долг, хочешь подражать ей, я понимаю. Однако — *это то, чего ты не должен делать.*

— То, чего я не должен делать...

— Это запретная игра, — сказал Ошино. — Она — еще больший Кайи, чем настоящие Кайи. Чудовищнее чудовищ. Если начнешь ей подражать, жди беды.

— Подражать ей... Слушай, я не об этом говорил.

— *Об этом.* Но оставим психологические споры.

Ошино переместил руку с плеча мне на голову.

Как будто...

Как будто успокаивал маленького ребёнка.

— Дело в том, что всё уже случилось. С этой минуты это работа для профессионала. Любителю, тем более несовершеннолетнему, пора уйти за кулисы.

— ...

— Арараги-кун. Наверное, ты чувствуешь ответственность. Нужно было отговорить ее хоронить кошку, я должен был лучше слушать — наверное, ты сейчас о чём-то таком думаешь. Лично я не считаю, что ты должен нести ответственность. Но и не надеюсь, что ты ни о чём не пожалеешь или не задумаешься. Однако — даже если бы ты был целиком и полностью ответственен за случившееся, это не значит, что ты должен решить проблему.

— Как...

— Как нейтральная сторона, я уважаю место ответственности, но в человеческом обществе, если не сказать мире, не всё работает по такому принципу. Ты не должен думать, что говоришь справедливые слова. Даже если ответственный человек не возьмёт на себя ответственность, всё решится само по себе. Таково общественное мнение.

Тебе необязательно каждый раз выкладываться на полную.

«Тебя никто к этому не обязывает», — сказал Ошино голосом, не допускающим возражений.

— И весной, когда ты стал вампиром, ты выкладывался на полную. Хотя спрячься ты в руинах и отсидись, по чистой случайности всё могло бы разрешиться само собой.

— Не... — я не мог принять слова Ошино. — Не могло. Ладно, пусть могло, но я должен был что-то сделать. Как и в этот раз.

— Что-то сделать? Возможно. Однако в этот раз ты не сможешь.

— ...

— В этот раз ты ничего не можешь сделать, Арараги-кун, — подчеркнул свою мысль Ошино.

— Я легкомысленный человек. По мне не скажешь, но мне жаль, что ты был так тяжело ранен. Я хотел предотвратить беду, но не должен был давать тебе задания. Я провалился как нейтральная сторона. Проигнорировал теорию и пошёл против своей политики. В этот раз ты был ранен по моей вине. Я извиняюсь перед твоими родителями.

Арараги-кун, ты сделал больше, чем должен был.

Не казалось, будто он утешал меня, и серьезности не чувствовалось.

Скорее, его веселило моё чувство бессилия. Потом он торжественно объявил:

— Арараги Коёми-кун. С этого момента ты ничего не можешь сделать. Ты ничем не можешь помочь старосте-тян. Даже если ты хочешь, ты не сможешь. Дело не в чувствах, а в умении и силе. Если хочешь, я скажу прямо. Не стой у меня на пути.

Примечания

1. Отсылка к манге Yu Yu Hakusho.
2. Отсылка к Neon Genesis Evangelion.
3. «Коснуться» и «ослабить» — омофоны.
4. В японской пословице речь идёт о богах, а не о кошках. Означает «не буди лихо пока тихо».
5. http://en.wikipedia.org/wiki/Oath_of_the_Peach_Garden

Не имея возможности возразить ни по сути, ни по мелочам прямым, если не сказать грубым, словам Ошино, я покинул заброшенное здание, поджав хвост.

Ничего удивительного.

После того, как я был вампиром всего две недели, пусть эти недели и были адскими, в моём теле остались лишь едва заметные побочные эффекты. В такой ситуации я ничего не мог сделать.

Вот что называется «связать руки».

Я не был специалистом или профессионалом — с этой минуты это место принадлежало только ему, Ошино Меме.

Просто друг.

Ничего... не смог сделать.

Нет, это ещё одно оправдание.

Защита.

Я просто задираю нос.

Правда была проще. Ведь сама Ханекава не просила у меня помощи.

Не Ошино.

Не Ошино отказался от моей помощи, а Ханекава.

Не вмешивайся.

Не показывай, что хоть что-то знаешь.

Она упорно, резко отказывалась.

Никто ничего не обсуждал и не шел на компромисс.

Как и сказал Ошино, если я что-то и мог сделать, так это не путаться у него под ногами.

И по способностям, и эмоционально, и по обязательствам.

В данный момент я не должен был что-либо делать.

Я должен был держаться подальше от всего этого.

Но даже в этом случае, хотя я всё понимал умом, хотя я был готов принять это, я не мог ничего поделать с тем, что у меня кололо в груди. Сразу после того, как я вышел из заброшенного здания, пропало и желание идти домой.

Не желая возвращаться в дом, где меня тепло встретили бы сёстры, я повернул руль в противоположном направлении.

Я направился туда, где встретил Мартовскую кошку.

Зачем?

Я не пытался что-то сделать.

Я не думал, что если направлюсь туда, то снова встречу Мартовскую кошку Ханекаву.

Я не собирался снова с ней встречаться.

Я знал, что сделанного не воротишь — просто хотел завершить задание, прерванное на середине.

Короче говоря, найти дом Ханекавы.

Даже мне было абсолютно ясно, что теперь это бессмысленно, но почему-то я не мог себя остановить.

Наверное, я всё ещё был в замешательстве.

Наверное, то, что Ханекава пострадала из-за Кайи, или то, что я увидел её с кошачьими ушами и в одном нижнем белье, свело меня с ума.

Да и не был я настолько чувствительным, чтобы после исчезновения Ханекавы в ночи и состояния ее родителей беспокоиться за необитаемый открытый дом.

Я быстро прибыл на место, и, рассеянно поискав, неожиданно легко нашёл искомые апартаменты.

Табличка с именем Ханекава.

Под табличкой были написаны имена родителей, а рядом, чуть в стороне, имя Цубаса, так что вряд ли это однофамильцы.

Абсолютно обычный дом.

На вид.

По крайней мере, снаружи и не скажешь, что внутри двухэтажного здания творилось домашнее насилие.

Однако то, что имя Цубаса было написано хираганой, намекая на юный возраст девушки, меня несколько напрягло.

Как долго...

«Сколько не меняли эту табличку?» — вот что я хотел узнать.

«Почему они не меняли её, когда она выросла?» — вот что я хотел узнать.

«Неужели просто снять не могли?» — вот что я хотел узнать.

Я думал.

Я думал о ненужных вещах.

Я думал о бесящих меня вещах.

Хоть я и не мог ничего сделать, даже если я так думал.

Хоть я и не мог ничего сделать.

Я открыл дверь и направился к крыльцу, будто меня что-то вело. Однако, когда я потянул ручку, оказалось, что дверь заперта.

— ?..

Возникает вопрос.

Мартовская кошка, назвавшая Ханекаву своей госпожой... Как бы сказать, не казалось, что у неё много мозгов.

В смысле, я не заметил и намёка на интеллект.

Думаю, даже звери умнее ее.

В ней не было ни следа разума.

Эта Мартовская кошка вряд ли понимала такую особенность человеческой культуры, как ключи. Хотя, может, она просто не проходила через дверь.

Для кошки естественнее пройти через окно.

Я отошёл от крыльца и обошёл дом вокруг, ища открытые окна. Каждое окно было наглухо заперто — даже ставни были закрыты.

Что же это значит? Я начал вопросительно качать головой, а затем заметил окна на втором этаже.

Точно, сила прыжка.

Сила прыжка, которой, казалось, достаточно, чтобы допрыгнуть до луны.

Ей необязательно было идти через первый этаж. Осознав это, я ещё раз обошёл дом, и, наконец, попал в точку — нашёл открытое окно на втором этаже.

Хм.

Хм. Хм.

Раз я зашёл так далеко, пути назад не было.

К счастью, сейчас моя физическая сила была всё ещё больше обычной. Даже если я не смогу как кошка запрыгнуть на второй этаж, то просто заберусь по стене.

Вложись во что-то, и твой разум тебя не подведёт. Убедившись, что меня никто не заметит, я начал карабкаться.

Потом я залез...

— ?..

И покачал головой.

Я положил руку на открытое окно, ловко отодвинул штору, заглянул внутрь и покачал головой.

Нет.

Я был уверен, что открытое окно было окном комнаты Ханекавы — поскольку методом исключения установил, что выпрыгнуть, держа родителей Ханекавы за воротники, она могла только из этого окна. Я был в этом уверен.

Однако я ошибся.

Эта комната была похожа на кабинет.

Вероятно, это была комната отца Ханекавы.

Нельзя сказать наверняка.

В первую очередь потому, что я не знал, кем работал её отец.

В любом случае, у старшеклассницы точно не может быть такой комнаты.

— Хм.

Всё ещё вися на стене, как человек-паук, я умело, если можно так сказать, снял обувь и забрался в дом Ханекавы.

Это было настоящее вторжение, но висящий на стене человек сам по себе был подозрителен, так что отступать было некуда.

Однако я должен был учитывать вероятность того, что лезу в петлю.

Если выразиться иначе — следуя ходу истории, без особой цели я совершил уголовно наказуемое деяние вторжения в чужой дом, и меня ожидала кара небесная.

Беспрецедентная кара небесная.

Я, Арараги Коёми, держа ботинки в руке, прошёлся по дому Ханекава — по пустому дому Ханекава — раз, другой, третий.

— !..

А потом сбежал.

Хотя я мог выйти через дверь, эта мысль даже не пришла мне в голову, и я вышел через окно комнаты, похожей на кабинет, в которое я и забрался. Как будто я слепо верил, что пройдя по тому же пути в обратную сторону, я отмотаю время назад и сделаю так, чтобы ничего этого не было. Я бросился в открытое окно.

Естественно, я упал.

Я упал прямо на асфальт, да так, что моя левая рука снова чуть было не оторвалась, но боль меня не волновала.

В панике, не теряя на секунды, я на четвереньках бросился к велосипеду, стоящему перед домом, а потом покатил с такой скоростью, что чуть было не порвал цепь.

Я сбежал из дома Ханекавы.

Как будто он был неприятным.

Как будто он был злым... нет.

Я почувствовал отвращение — такое, что меня чуть не стошнило.

Я сожалел о том, что сделал такую глупость. Я даже не знаю, по какой дороге я ехал, сколько крюков сделал, но заметил, что все-таки вернулся домой — хотя даже не думал возвращаться.

В любом случае...

Я просто хотел сбежать.

И инстинктивно вернулся домой.

— О, брат. При...

Когда я открыл дверь, передо мной как нельзя кстати оказалась Цукихи — судя по тонкой майке поверх белья, она только что вышла из ванной. Она заметила меня, но прежде чем успела сказать «вет», я вошёл, не снимая обуви, и крепко её обнял.

Крепко, крепко, крепко.

— Ой-ой! Неожиданные страстные объятия! Что ты творишь, брат-извращенец?

— ...

Цукихи была шокирована эксцентричным поведением своего кровного брата, и явно испытывала отвращение. Однако я ничего не мог с собой поделать.

Не потому что это была Цукихи.

Увидь я Карен или кого-то ещё, я бы всё равно обнял первого же встречного человека.

Нет, я даже не обнимал её.

Я не мог не... схватиться за неё.

Я не мог не... цепляться за неё.

Потому что иначе я бы сломался.

Мой разум разрушился бы.

Я, как утопленник, цеплялся за соломинку.

Мой трепет, моя беспомощная дрожь, стук моих зубов — всё это передавалось ей.

Я был испуган.

Назовите меня цыплёнком, назовите как угодно.

Почему дрожать от ужаса неправильно?

Почему неправильно трепетать и холодеть?

Такое у меня было впечатление от того дома.

Одного лишь дома.

По размеру он, наверное, был даже больше нашего.

В нём было шесть комнат.

И тем не менее... в том доме...

В доме Ханекавы не было комнаты Ханекавы.

— А-а-а...

Жуть. Жуть. Жуть.

Настолько жутко, что даже весенние каникулы отдыхают. Настолько жутко, что эти адские воспоминания сменились какой-то идиллией, настолько жутко, что весенние каникулы стали двумя неделями обыденной жизни.

У неё не было комнаты.

В том доме не было её следов.

В детстве её кидало от человека к человеку, но она уже почти пятнадцать лет должна была жить в этом доме — и всё же, сколько я ни искал, не нашёл и следа Ханекавы.

В каждом доме есть свои особые ароматы.

Чем дольше люди живут, тем их больше — однако среди ароматов того дома не было аромата Ханекавы. Ханекава Цубаса была отделена от дома так сильно, что я подумал, что ошибся домом.

Нет.

Конечно, если учесть школьную форму на стене кухни, учебники и справочники в похожей на библиотеку комнате, бельё в ванной, сложенный futon в коридоре, зарядное устройство для телефона в розетке под лестницей, школьную обувь у входа — я бы подумал, что Ханекава в самом деле жила в этом доме.

Просто подумал.

Однако она жила так, как живут в отелях.

Она даже не была нахлебником.

Я был наивен, всё ещё надеялся на лучшее.

Несмотря на то, что я видел след от удара на её лице, часть меня надеялась, что с Ханекавой всё хорошо, потому что это Ханекава. С ней всё хорошо просто потому, что иначе быть не могло.

И даже сейчас, пусть она и одержима Мартовской кошкой.

Ну какой же я идиот.

— А-а-а...

Она была уничтожена.

Ханекава уже была уничтожена.

Такое...

Нельзя преодолеть — и нельзя исправить.

Одним словом, это безумие.

Яростная ярость.

Раз я доверился Ошино, то скоро Ханекава будет поймана, а Мартовская кошка — изгнана старым гавайцем, но счастливого конца, в котором Ханекава помирится со своими родителями, развеяв давний конфликт, и заживёт счастливо, не будет.

Не будет конца.

Не будет конца этому ужасу.

Этот дом.

Это место.

Эта семья.

С ними уже покончено.

— А-а-а-а...

— Боже. Ничего не поделаешь, брат. Тише, тише всё хорошо.

Тело дрожало, я почти кричал. Цукихи, моя младшая на четыре года сестра, с улыбкой гладила меня по голове.

А затем закрыла глаза и мягко подставила губы.

— Вот так. Давай, — сказала она.

— Отвратительно!

Я оттолкнул ее.

Грубо.

— Ай! Разве так надо благодарить сестру за верность, брат?!

— Минутка воспитания! До какой степени мои сёстры подвержены шальным порывам?!

— Ничего не поделаешь, я же твоя сестра!

— Ох.

Но... М-да.

Никто сильнее меня не подвержен шальным порывам.

Однако я чувствовал, будто больше жил, пользуясь головой. По крайней мере, я клянусь, что не живу на одних лишь безусловных рефлексх, не говоря уж о жизни, похоже на жизнь одноклеточного.

По крайней мере, я так думал.

Однако благодаря отвратительной преданности моей младшей сестры, на время я прекратил трястись.

Говорят, всё, что тебе нужно — это семья.

Семья.

Семья, хм.

Само собой, я связал это слово с отцом и матерью Ханекавы, которых увезли в больницу — и почувствовал себя хуже.

Повода сопереживать им не было — и всё же я думал о них именно так.

Жить в этом доме почти пятнадцать лет.

Я уверен, им в такой семье тоже было неуютно...

— И вообще, я волновалась! — сказала Цукихи, прямо на моих глазах надевая юката, которое она несла в руках и, видимо, собиралась надеть на втором этаже. — Ты не возвращался.

— Что?

Хоть и с опозданием, но я закрыл входную дверь.

И даже разулся.

— Прости, я ушёл ночью, ничего не сказал, но об этом тебе уже не нужно волноваться.

— Действительно, не сравнить с твоими поисками себя на весенних каникулах.

— ...

Ах да, события весны внутри семьи Арараги известны в такой форме.

И я не могу поправить их.

Мои сёстры иногда называют меня «самооткрыватель-кун», и я должен улыбаться в ответ и терпеть это.

— Но мы с Карен боялись, что ты встретил чудовище.

— Чудовище?..

Я на секунду оцепенел из-за того, что она попала прямо в цель, но... нет, не может быть. Я пытался скрыть панику.

— Чудовище, говоришь... как это? Ты в средней школе и всё ещё веришь в это?

— Хм.

Я попытался подразнить её, но реакция Цукихи была довольно неопределённой. Она положила один палец на свой маленький подбородок и задумчиво сказала:

— Чудовищем я назвала бакенeko¹.

— Баке... неко?

Я повторил слова Цукихи.

Просто повторил, как дурак.

Бакенeko?

— Да, — сказала Цукихи.

С таким лицом не шутят — она была абсолютно серьёзна.

Искренняя.

Это было лицо главнокомандующего Огненных Сестёр, звавших себя воплощением правосудия.

— Это лишь слух, так что я многого не знаю, но на людей в городе нападает *чудовищная кошка в теле человека*.

— ...

Чудовищная кошка в теле человека.

Я догадывался, что столь подходящее, точное и даже верное выражение существовало.

Слишком расплывчатое.

Слишком точное.

— Нападает... на людей, говоришь. В смысле?

— Как я сказала, мы пока мало знаем, но если бакенeko *коснётся* тебя, то ты устанешь, лишишься сил и потеряешь сознание.

Устанешь, лишишься сил, это объяснение было слегка размытым, но если знаешь правильный ответ заранее, всё становится ясно.

Поглощение энергии.

— С каких пор?

— Что?

— В смысле, когда бакенeko впервые напала на человека?

— Кто её знает. Мы не в курсе — всё ещё ведём расследование, но слух дошёл до нас лишь сегодня. Поэтому я беспокоилась о тебе и названивала, как демон.

— ...

У моей сестры хорошая интуиция.

Хотя в то же время она опоздала и промахнулась — к тому моменту я уже столкнулся с бакенeko и пал в битве с ней.

Однако... понятно.

Вот оно что, хм.

Прошлой ночью, передав мне родителей Ханекавы, Мартовская кошка напала и на соседей.

Пострадал не только я с ее родителями.

Теперь понятно.

Мне казалось, что Ошино странно возбужден — если жертвой была одна лишь Ханекава, нейтральная сторона не действовала бы столь активно.

Это потому, что появились другие жертвы.

Нет.

Это потому, что сама Ханекава стала одержима кошкой и начала нападать на людей — вот поэтому специалист и начал действовать.

Но кое-чего я не понимал.

Почему Мартовская кошка нападала на людей?

Можно сказать, что для ночного Кайи странно двигаться днём... разве Ошино не говорил, что Мартовская кошка не станет охотиться просто так?

Нет.

Видимо, сама кошка не осознаёт, что охотится. В большинстве случаев, Кайи не волнуют люди.

Вампир, видящий в людях источник питания, сосуды с кровью, был образцом уважения к еде. Большинство Кайи не видели смысла в самом существовании людей.

Для людей все Кайи были одинаковыми.

Одинаковыми были они или нет — практически наш случай.

Вот почему с другими людьми она просто неосознанно использовала поглощение энергии. Возможно, «охота» — это лишь эгоистичное восприятие человеческой стороны.

Возможно даже, неосторожные и наглые прохожие, увидев девушку в белье и с кошачьими ушами, сами поступали необдуманно.

Быть может, жертвы просто получили удар в ответ.

Я бы сам не прошёл мимо столь цепляющего персонажа — нет, оставим эту тему.

Я хотел сказать, что все это переросло в настоящую головную боль.

— Я рада, что с тобой все в порядке, но в такой ситуации Огненные Сёстры не могут молчать! Карен-тян готовится к охоте на бакенeko!

— Нет.

Что я мог сказать.

Изгнание чудовищ входит в юрисдикцию защитников правосудия?

Теперь они потусторонние детективы².

В любом случае, обычно я бы просто немного поругал Огненных Сестёр за необдуманные действия и оставил их в покое... однако в этот раз это будет несколько опасно.

Это не проверка на смелость среди одноклассников.

Если они станут жертвами поглощения энергии, или ещё хуже, если они проявят враждебность к Мартовской кошке, они по моему славному примеру тоже могут лишиться рук.

Цукихи и Карен, в отличие от меня, не бессмертны, поэтому тут же умрут.

Карен весьма уверена в своих силах, но если бы мы могли победить кошку, используя приёмы карате, проблем бы не было — у нас есть Нянко-сенсей³.

Но Нянко-сенсей пользовался дзюдо.

С другой стороны, таких сестёр я не смогу остановить — чем больше я буду их отговаривать, тем больше усилий они приложат.

Они могли сгореть на работе.

Огненные Сёстры.

— Что? Что такое, брат? В смысле «нет»?

— Я хотел сказать, нет, теперь все намного хуже.

Цукихи с сомнением посмотрела на моё лицо, и я, глубоко вздохнув, против воли заговорил.

Абсолютно монотонно.

— Я был так испуган, когда ехал домой по улицам ночью на велосипеде, а теперь ты рассказываешь мне страшные истории про бакенeko, я дрожу от страха. Я цыплёнок, теперь я не могу спать один. Так что я подумал, что с сегодняшнего дня мы какое-то время будем спать вместе с тобой и Карен-тян, но если вы намерены действовать во имя справедливости, я думаю, мне придётся сдаться. Я могу положиться только на вас.

— Что? Только на нас?

Она заглотила наживку.

Моя глупая сестра заглотила наживку.

— Тогда ничего не поделаешь! Мой трясущийся брат слишком жалок. Я уговорю Карен! Пусть с кошками разбирается полиция!

— Спасибо...

Когда на нее рассчитывал брат, младшая сестра не могла сопротивляться.

Так.

Как вы понимаете, если я и мог что-то сделать для Ханекавы, то должен был не путаться под ногами Ошино и поспать вместе со своими сёстрами.

Примечания

1. Кошка со сверхъестественными способностями, включающими превращение в человека. У некоторых бакенeko два хвоста — у Ханекавы две косы.

2. Отсылка к Yu Yu Hakusho.

3. Отсылка к Natsume Yuujinchou.

С другой стороны, я не мог отбросить оставшиеся страхи. Поглощение энергии Мартовской кошки не являлось смертоносным, но наверняка чрезмерное применение может быть опасно для жизни. Вдобавок, она легко могла откусить человеку руку.

Человек не мог и представить её скорость и прыжки.

Короче говоря, если затянуть проблему, новые жертвы не заставят себя ждать.

Кто-то из них может погибнуть.

Кто-то может умереть.

Возможно, Ханекава убьёт кого-нибудь.

Хотя моя храбрая жертва остановила буйство сестёр, я не мог остановить «полицию» или «ополчение». Нет у старшеклассника такой власти. Пока никто не говорил об изгнании бакенeko или охоте на неё, но чем больше людей начинало искать кошку, тем больше был риск.

Лишиться сил и потерять сознание не очень-то хорошо.

Но умереть — намного хуже.

Потому что если забыть о сверхъестественном феномене Кайи...

Это приведёт к тому, что Ханекава Цубаса станет убийцей.

Обычной... убийцей.

Секундочку.

Как такое могло случиться.

Что это за бред.

Хотя чувствительность главнокомандующей Цукихи к слухам была выше средней, всего через день она узнала о существовании Мартовской кошки. Похоже, кошка не особо пряталась.

Да и вряд ли она хоть о чём-то думала.

По тому, что она ходила в одном белье, было ясно — дальнейшая жизнь Ханекавы ее не интересует.

Потом.

Потом?

Но что будет потом?

Что надо сделать, чтобы это «потом» наступило?

Одно дело — поглощение энергии, но я не мог понять целей Мартовской кошки.

Если бы я спросил Ошино о ней, он бы и смог прояснить ситуацию — нет, не думаю, что мне нужно это знать.

Мне не нужно беспокоить его такими вопросами.

Я не должен путаться у него под ногами.

Это было правильно. Он был легкомысленным, свободным, простым стариком, но мастерство не пропьешь.

Он мгновенно разберётся с этим.

Прежде, чем Ханекава случайно кого-то убьёт... мгновенно разберется.

Если я хочу узнать о деталях, то могу спросить его потом, когда всё закончится.

Спросить Ошино... или саму Ханекаву.

Могу спросить кого-то из них.

И всё же, я не был уверен.

Есть ли у меня право это знать?

Или нет, хочу ли я вообще это знать?

Я был очень шокирован, когда забрался в дом Ханекавы и узнал об истинном положении дел.

Если я загляну внутрь Ханекавы, внутрь её сердца — если я грубо вторгнусь в её личную жизнь — смогу ли я остаться ее другом?

Я не знаю.

Думаю, в этом мире есть дела, в которые лучше не лезть.

Я не знаю, относится ли это к данному случаю, но думаю, что если ты восхищался героем или уважаемым историческим персонажем и пытаешься узнать о нём всё больше, копаясь в биографиях, в скандалах и пороках, ты будешь чувствовать себя преданным. Но разве не слишком эгоистично расстраиваться из-за этого?

Эгоистичная любовь или эгоистичная ненависть.

Эгоистичные ожидания или эгоистичная досада.

Эгоистичное восхищение или эгоистичное разочарование.

Если так всё и есть — лучше ничего не знать с самого начала.

Тогда я не должен был связываться с Ханекавой.

Я не должен был волноваться о её повязке, но всё же.

Тогда я бы взял на себя роль Золушки.

Просто желая восхищаться, ожидать, любить.

Я никогда не понимал, как сильно мне помогли на весенних каникулах.

Я только мучился.

В итоге, мысли всегда ходят по кругу, и если здесь было что-то определенное, так это то, что я месяц проучился с Ханекавой Цубасой в одном классе, но так ничего и не узнал о ней.

Была это любовь или что-то ещё, какая глупость.

Смейтесь.

Смейтесь надо мной.

Беседа с Цукихи теперь кажется ужасно постыдной.

Я не просто ошибся, даже обсуждать было нечего.

Но даже сейчас, когда я думал о Ханекаве, казалось, будто моё сердце бьётся быстрее.

Так я думал, пока спал со своими сёстрами, как ребёнок, как кукла. Думаю, я в самом деле устал, хоть и проспал весь день. Вечером того дня я мгновенно заснул.

И таким образом, закончилось тридцатое апреля и настало первое мая. Золотая Неделя была в самом разгаре, но в майские дни старшие школы не закрывались.

Это были обычные учебные дни.

Понедельник и вторник.

Я должен был идти в школу.

С учётом того, что я и так спал с ними, Карен и Цукихи не пришлось прилагать больше усилий, чтобы выгнать меня из кровати. Сев на велосипед, я направился в школу.

Хоть я и пришёл в класс прямо перед звонком, Ханекавы, конечно же, там не было.

Она отсутствовала.

А это значит, рекорд посещаемости Ханекавы Цубасы, отличницы, ни разу не опоздавшей, ни разу не пропустившей, ни разу не ушедшей раньше времени, внезапно оборвался.

Похоже, пропуск занятий такой ученицей без предупреждения родителей (её родители всё ещё лежали без сознания в больнице, они не могли позвонить) совсем не похож на мой пропуск занятий, поскольку классный руководитель взволнованно спросил, знает ли кто-нибудь, что с ней.

Конечно, как только класс услышал вопрос, в кабинете стало шумно, и ничего понять было нельзя.

Естественно, я не мог ничего сказать — все в классе слышали сплетни про бакенeko, но никто не связал их с Ханекавой.

Только я видел Мартовскую кошку и знал, что это была она.

Нет, наверное, я сам уже не помнил.

Я молился, чтобы это была иллюзия или какая-то ошибка.

А если подумать, меня довольно сильно удивило то, что девушка по имени Сендзёгахара, сидящая в углу шумного класса, слушала учителя со скучающим видом.

Даже не со скучающим — не знаю, как лучше сказать. На её ничего не выражающем лице читалось: «Так и думала. Такой уж она человек», как будто она заранее прочитала своего сородича — что-то в этом духе.

Ни первого, ни второго мая Ханекава в школу не пришла.

К концу второго учебного дня слухи о бакенeko уже разползлись по округе — было много свидетелей. Можно было оценить скорость Мартовской кошки.

Всего три дня.

К сожалению, в этом мирном и скучном городке эти сплетни, в отличие от вампирских разборок, разлетелись не только среди девочек — если так продолжится, люди на самом деле могут начать охоту на бакенeko.

Даже Огненные Сёстры не будут сторожить меня вечно, потому что когда эти двое что-то делали, казалось, будто то же делают и все ученики средних школ города. Я хотел держать руку на их пульсе столько, сколько потребуется, но и у моей власти был предел. Ну, власть, не власть, — дело в том, что душа моя не может перенести унижения от подхалимства.

Оставим эту тему.

До начала следующих каникул, третьего мая, я снова решил посетить заброшенное здание, где жил Ошино. Нет, не потому, что я упрямо пытался помочь ему или хотел что-то узнать.

Я не хотел знать, как у него дела.

Я шёл туда по другому вопросу — нужно было покормить девочку-вампира.

Поскольку в прошлый раз я был здесь двадцать девятого, можно было бы подождать ещё, но три следующих дня — выходные, поэтому я должен был присматривать за своими сёстрами. Девочку-вампира следовало покормить раньше.

Кроме того, по моему любительскому мнению, если она «заряжала» меня несколько дней назад, она, должно быть, проголодалась.

Я реши прийти под вечер, чтобы не помешать Ошино...

Я хотел прийти, когда Ошино будет искать Мартовскую кошку.

Поэтому не ночью.

Поэтому в сумерках.

Однако на этой Золотой Неделе моя интуиция работала из рук вон плохо.

Интуиция подводила.

Удача подводила.

Я стал искать девочку-вампира в том же классе на четвёртом этаже, где она сидела в прошлый раз, но её там не было.

Там был Ошино Меме.

Вдобавок, он не просто стоял там.

Он был растрёпан, оборван и изношен, как тряпка.

— О-ошино!

— А? О, Арараги-кун, я ждал тебя.

Я бросился к нему, но он поприветствовал меня с обычным хладнокровием. С усталым видом медленно встал, почёсывая голову так, будто просто занимался гимнастикой.

Когда я пригляделся, то заметил, что изорвана и растрёпана только его гавайская рубашка, но тело в порядке. Всего несколько царапин.

Однако я не ошибся.

Ошино Меме был явно усталым и истощённым.

Таким слабым я видел его только на весенних каникулах.

— Так и знал, что ты скоро придёшь. Хотел перед этим восстановиться. Потому что потратил свой чудо-бинт на тебя.

— Ошино... что, чёрт возьми, случилось?

Я подлетел к нему и задал вопрос, всё ещё пребывая в замешательстве.

— Что случилось? Ничего — я просто проиграл, — ответил он с обычным легкомысленным видом.

Он не пытался казаться сильнее.

Он просто говорил правду.

— Про-проиграл. Кому?

— А не догадываешься? Мартовской кошке, конечно... Считая от ночи тридцатого апреля, прошло три дня. За это время мы сразились двадцать раз — и двадцать раз я проиграл, — сказал Ошино с ухмылкой.

Нет.

Нечему тут ухмыляться.

Он не пытался казаться сильным.

Он выглядел слабым.

— Разве это не полное поражение?

— Полное. Жалкое зрелище. Ха-ха.

Ошино, покачиваясь, встал.

Его ноги дрожали.

Казалось, он может упасть в любую секунду.

— Серьёзно, старшеклассницы в белье для старика выглядят слишком соблазнительно. Я отвлекаюсь и не могу драться.

— ...

Я понимал, что эти слова были всего лишь обычной шуткой Ошино — и всё же не мог поверить.

Лучше бы он правда засмотрелся на ее белье.

Как он мог проиграть?

Ошино, шедший ноздря в ноздю с железнокровным теплокровным хладнокровным вампиром, проиграл больше двадцати раз подряд. Это не смешно.

Плохой сон.

Может, он давал ей фору, потому что это была Ханекава, или оттого, что знал её, он был небрежен?

...

Это совсем на него не похоже.

Он не так наивен.

Он казался человеком, который будет ещё серьезнее, если лично знаком с противником.

Судя по моему личному опыту.

— Боже. В двадцатый раз меня значительно *выпили*. Какая ирония — царапины могут стать смертельными ранами. Думаю, все же не стоит высасывать жизнь из усталого старика.

— Не-неужели она так сильна?.. — дрожа и пугаясь, я осторожно задал вопрос. — Победила даже такого специалиста ...

— Ничего подобного, — ответил Ошино, мотая головой.

Как будто говоря, что я промахнулся.

— Я касался её. Она не противник твоему вампиру, более того, сравнение столь низкоуровневого Кайи с ней само по себе оскорбление.

— Чего?..

Низкоуровневого?

Низкоуровневого?!

На миг я подумал, что Ошино сказал это просто чтобы успокоить меня, но он был не из тех, кто врал, облегчая участь других.

Но всё же.

Низкоуровневый Кайи?

Я не ослышался?

— Так, стой. Ты говорил, что она отличается от вампира, но не упоминал, что Мартовская кошка — низкоуровневый Кайи.

— Я предпочёл сохранить это в тайне. Если бы сказал, ты бы начал лезть вперед батьки в пекло. Если хочешь услышать мнение специалиста, изгнать этого Кайи — проще пареной репы. Вообще, для этого даже профи не нужен, с таким Кайи справится чуть напрягший извилины любитель.

— Что... но...

Красивая песня.

И совершенно непохожая на то, о чем он рассказывал мне в самом начале.

Я начал говорить, но Ошино прервал меня своим «конечно же».

— Это не значит, что я был небрежен. Я всерьёз сразился с ней, чувствовал, что в долгу у старосты-тян из-за событий на весенних каникулах. Тут нет ничего странного. Но я проиграл, — сказал Ошино.

Он не выглядел раздражённым.

Он не выглядел проигравшим.

Однако он точно был не в себе — он был уверен, что провалился.

Мы познакомились не так давно, и всё же многое передавалось без слов.

Ошино Меме гордился своей работой.

— Она мелкая рыбёшка, — ещё раз сказал Ошино, будто убеждая в этом себя. — Изначально Мартовская кошка как Кайи — антипод Манящей кошки¹. Шутка фольклора, рождённая из игры слов. Манящая кошка призывает удачу, Мартовская кошка — помехи. Она делает вид, что умирает на дороге, и вселяется в людей, которые подойдут к ней из сострадания. Вытесняющий тип чудовища. Кайи, подчиняющий тело. И как бог бедности, она бросает владельца тела, его материальную форму, в пучины несчастья. Это... ну, можно сказать, что это распространённое шаблонное чудовище.

— ...

Кайи, пользующийся состраданием и добротой человека.

Обычная история для сверхъестественного, кроме того, с этим феноменом я был знаком лично.

Не удивил.

— Однако, это староста-тян. Я думал, что хорошо это понимал, — сказал Ошино. — Но Кайи вселился именно в нее, и все перевернулось с ног на голову. Она превратила то, что изначально было мелкой рыбёшкой, в нечто, равное сильнейшим. В худшем случае, она может бросить вызов вампиру.

— ...

— Они объединили не только тело, но и знания. А это плохо. Мои древние традиционные способы борьбы с Кайи, мои техники, мои методы — всё это не работает. Эта девушка обладает знаниями специалиста. Эта девушка... знает всё.

— ...

— Я никогда не слышал о Кайи, который нападает на людей с помощью тактики и стратегии, — сказал Ошино с самым отчаянным видом, который я только мог представить. — Я с самого начала понимал, что староста-тян не обычный человек. Эффективность в нападениях на людей Кайи не свойственна.

— Секунду. Эффективность в нападениях на людей? Ошино, звучит так, будто Ханекава специально атаковала их.

— Ну, в принципе, так и было. Но, вообще-то, Мартовская кошка не должна быть такой. Впрочем, Арааги-кун, мне не удастся победить ее, и это даже хорошо.

— В смысле?

— Можно сказать иначе: это значит, что староста-тян еще жива и находится внутри Мартовской кошки. Вот что я думаю. По крайней мере, такого бы не произошло, подчини кошка ее тело и разум. Наверняка большая часть сознания старосты-тян еще живо — вот почему она столь эффективна. Это и плохая, и хорошая новость.

— Да? Где здесь хоть что-то хорошее?

Я никогда не думал, что Ханекава станет моим врагом.

Следовательно, угроза была невообразима — откуда тут возьмется хорошее?

— Я имею в виду, что если бы она полностью подчинила её, это был бы конец. Я мог бы только убить её.

Ошино произнёс это как факт.

Я мог бы только убить её... сказал он.

— Если мы не спасём сознание старосты-тян... если мы не изгоним Мартовскую кошку, Ханекава Цубаса, твой дорогой друг, навеки покинет этот мир.

Примечания

1. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D1%8D%D0%BA%D0%B8-%D0%BD%D1%8D%D0%BA%D0%BE>

Мартовская кошка, если верить Ошино, — классический пример истории Кайи. Тут уместнее вспомнить миф.

Мёртвая белая кошка лежит на дороге.

Может, она умерла от голода. Или её пнул прохожий — она лежит и не двигается.

Судя по оборванному хвосту, она не домашняя.

Жалея кошку, человек подбирает её.

Касается её.

Может, он и не собирается хоронить ее, но рука уже дотронулась до кошки.

С той же ночи этот хороший человек становится странным.

Буйным, как будто его подменили.

Он становится жестоким.

Для него естественным напиться сакэ и бить людей. И дорогие ему люди, друзья или семья смертельно устают от того, что находятся рядом с ним.

Люди вокруг дрожат: это проклятье кошки.

Говорят, он даже ведёт себя как кошка.

В этот момент все понимают, что не справятся, и зовут экзорциста, пытаясь изгнать дух кошки.

И тут самое вкусное.

Лучшая часть сказки о Мартовской кошке.

Общая истина всех историй о Кайи.

Хороший человек вообще не станет жертвой кошки.

— Можешь называть это абсурдом или внезапной концовкой, но в этой истории есть урок.

Мудрость, столь часто встречающаяся в сказках. Абсолютно хороших людей нет. Доброта — лишь верхушка айсберга. У каждой медали есть вторая сторона — если во тьме горит свет, то в белом прячется чёрное. Кошка — всего лишь катализатор. Это не просто история о неблагодарной кошке — это одна из историй о темной стороне людей.

Темной стороне людей.

Так объяснял Ошино.

«Но почему кошка?» — спросил я. Как будто разговаривая с несмышленным ребенком, он сказал:

— Потому что кошку ты носишь¹. Даже староста-тян носит кошку — нет исключительно хороших и справедливых людей. Она пытается быть такой, и от стресса ей никуда не деться.

«Тёмно-чёрная», — добавил Ошино.

Тьма.

Тёмная сторона старосты Ханекавы Цубасы.

— И всё же кошка в обычном случае стала бы лишь маской. Я не понимаю, что происходит, но староста-тян почти объединилась с Кайи. Если считать кошку главным телом, то этот переход больше похож на поглощение. Как угроза он неизлечим. Не столько неизлечим, сколько непобедим.

Наполненные каламбурами слова Ошино могли показаться смешными, но он лишь описывал серьёзность положения.

Он всегда легкомысленно говорил о серьезных вещах.

Искусственно... и гладко.

— Мы должны покончить с этим как можно быстрее, или все станет еще хуже. А то еще окажется, что староста-тян вообще не была одержима кошкой. Мы должны что-то сделать, пока они полностью не слились.

Я понял, что дело плохо.

И даже то, что в худшем случае Ошино не справится.

Однако... я ничего не мог предпринять.

Единственное, что я мог сделать — это ничего не делать.

Я ничего не мог сделать ради Ханекавы.

Хоть я и знал о её тёмной стороне, хоть я и заглядывал в эту бездну, я ничего не мог сделать.

После этого Ошино быстро ушёл — он сказал, что ждал меня, но это тоже была легкомысленно брошенная фраза. На самом деле он зашёл в заброшенное здание просто чтобы передохнуть между боями с кошкой, пополнить амунизию. Я покормил кровью девочку-вампира, которая сегодня почему-то сидела на втором этаже, и ушёл домой.

Глаза девочки-вампира как будто смотрели на меня с презрением.

Так мне казалось — из-за того, что я сам себя презирал.

Следующий день, третье мая, День Конституции.

День, в который была принята конституция Японии. Или обнародована, я не знал наверняка, в любом случае, это праздник.

И неважно было, что это за праздник, я ненавидел такие дни.

Если не можешь веселиться, как ребёнок, спи, как взрослый.

Но в тот день я не мог спокойно сидеть дома и втайне, незаметно для сестёр, сбежал.

Я заключил, что пока можно не опасаться за Огненных Сёстер и их охоту на бакенeko.

Если верить тому, что я вчера услышал от Ошино, и слухам, рассказанным Цукихи, пользующейся информационной сетью Огненных сестёр, многие пали жертвой Мартовской кошки, но никто серьёзно не пострадал.

Хотя люди теряли сознание, их не госпитализировали.

Говоря словами Вегеты в одной из последних глав Дрэгон Бола: «Как будто много бегал».

Тяжело пострадали только родители Ханекавы и я, лишившийся руки в результате физической атаки. Короче говоря, она просто выпивала людей.

Вампиры пили по-другому, но скорее всего повреждения были ограничены намеренно.

Учитывая всё это, можно предположить, что поглощение энергии использовалось так, чтобы не навредить.

Несмотря на то, что оно всегда был включено — или возможно, именно поэтому, — кошка щадила своих жертв.

Если предположение Ошино о том, что она намеренно нападала на людей, верно — она намеренно сдерживала себя, стараясь никого не убить.

Ханекава все еще была в сознании...

Интересно, что это значит.

Если это так, то трое пострадавших выбивались из общего ряда.

Я мог как-то понять, за что получили родители Ханекавы.

А я...

Мне показалось, что если задумаюсь сильнее, дойду до нескольких удручающих истин. Я храбро прекратил думать.

Поэтому я решил не беспокоиться за Огненных Сестер по крайней мере днем. Мне Эти двое были столь энергичны, что я был бы даже не против, если бы кошка выпила часть их энергии... это, если что, шутка.

Неважно.

Я направился в школу.

В старшую школу Наоецу.

В школу, в которой я учился — мне просто нечего было делать.

И никакой цели не было.

Я пропускал школу даже в самые обычные дни. Признаю, что не понимал, зачем я пошёл туда именно в государственный праздник, но удержаться было сложно.

В любом случае, я бы очень сильно опоздал.

Школьные ворота были открыты для состоящих в клубах учеников, и даже здание школы не было заперто.

Если сравнить его с домом Ханекавы, пробраться внутрь было просто. Может показаться, что я люблю забираться куда не надо, но это будет не совсем так.

Мне просто некуда было идти.

Так что я поднялся по лестнице и направился в класс.

Разумеется, класс был закрыт — как мне думалось, но задняя дверь была открыта.

«Ай-ай, как неаккуратно», — подумал я, но закрывать дверь было работой заместителя старосты, то есть моей.

Поскольку обычно я доверял её Ханекаве, то и сейчас не подумал. Ох...

Я не могу даже дверь закрыть без Ханекавы.

Естественно, я расстроился.

Нет, я не из тех, кто расстраивается из-за такого.

Я даже дома не запираю двери. Хотя, конечно, это потому, что я понимал — город безопасен.

Короче говоря, я был в этом плане ленив, если не сказать безответственен.

И вопреки этому сейчас я размышлял о том, что оставил дверь открытой.

Странное чувство.

Короче, я такой, какой есть, из-за Ханекавы — если я пытался вспомнить, как вёл себя до весенних каникул, до встречи с Ханекавой, у меня не получалось.

Казалось, будто она переделала меня.

Она не просто изменила меня, она создала меня с нуля. Если подумать, это довольно страшно. Почему же я считаю, что нужно радоваться этому?

Настоящее чудо.

— ...

Естественно, класс был пуст.

Я вошёл, прошёл мимо учительского стола и сел, но не на своё место, а на место Ханекавы.

Место, где обычно сидела Ханекава.

Место, на которое я глазел во время уроков.

Однако глядя на доску с глаз Ханекавы, я не мог понять её чувств.

Я ничего не мог понять.

Вздыхнув, я упал лицом на парту.

У меня не вышло поднять себе настроение.

Я не возлагал на школу больших надежд, однако лишь ещё больше расстроился.

Считая с начала Золотой Недели, это место пустует уже больше четырёх дней — теплоты Ханекавы тут уже не чувствовалось.

Я преувеличил собственную апатию, но со стороны могло показаться, будто я забрался в пустой класс, чтобы потереться щекой о парту Ханекавы. Если подумать, что немаленькая грудь девушки всегда лежит на парте, все это выглядит так же, как в начальной школе, когда дети облизывают пеналы любимых девочек.

Хоть я и подумал, что со мной будет покончено сразу несколькими способами, если меня кто-нибудь увидит, но просто ради развлечения я вытянул язык и облизнул парту, на которой, конечно, не было никаких царапин или рисунков, и которая была как новая...

— !..

И меня увидели.

Неприятный взгляд.

Совсем близко, с моего обычного места — на меня пялилась пара зрачков.

Зрачков.

Кошачьих зрачков.

— А твоим извращениям нет предела-ня.

Не знаю, когда она успела появиться и сколько там была, но она была там — беловолосая кошка в чёрном белье.

Нет.

Мартовская кошка.

— А ты пугаешь-ня... больше, чем Кайи-ня. Ты только что возбудился, облизнув парту девушки-ня...

— Во-вовсе нет!

Да.

В точку.

Кайи заставил меня занервничать.

— Гораздо важнее то, как ты вообще попала в класс...

— Гораздо важнее, говоришь. Человек, есть в этом мире что-то важнее облизывания парты Госпожи-ня?

— Не понимаю, что ты несёшь! Я ни в чём не признаюсь! Поэтому гораздо важнее то, как ты попала в класс!

Я был так пылок, как будто от этого зависела моя жизнь.

Поскольку это касалось моей жизни, она и правда зависела от этого.

— Ня-ха-ха. Ты дурак? Бесшумное перемещение — это по кошачьей части. Я насмотрелась на твоё извращенное поведение-ня.

— ...

Ладно.

Когда имеешь дело с Кайи, попытки узнать у них «как и почему» ни к чему не приведут. Абсолютно бессмысленно...

У меня даже не было желания вставать со стула.

Внезапная встреча.

Внезапная встреча с Мартовской кошкой.

Однако... поскольку она сразу подавила меня, я почему-то не мог переключить свои чувства.

У меня не было настроения драться.

И вообще, я отлично понимал, что у меня нет против неё и шанса. Бесплезно сражаться или сопротивляться. Я могу только сохранять хладнокровие. У Ошино получилось бы лучше — нет, даже у него не нашлось бы козыря.

То, что Мартовская Кошка здесь, значит лишь одно — у Ошино ничего не вышло.

Интересно, сколько раз он успел проиграть ей за эту ночь.

— Хм? Что такое? На твоей роже нет враждебности-ня... человек.

— Потому что я ничего не могу тебе сделать... кошка. Кроме того, ты же не намерена забирать мою жизнь?

— Кто знает-ня.

Она рассмеялась.

Лицом Ханекавы.

Она смеялась не как Ханекава.

Однако это всё ещё была Ханекава.

Тёмная сторона Ханекавы.

— Моё поглощение энергии — это не умение, это часть персонажа-ня — персонажа, касаясь которого, ты слабеешь. Я этим не управляю, Я могу дать фору, но этого может не хватить. Даже если я не хочу убивать, я могу убить по ошибке-ня.

— И всё же я рад, что ты не испарापала и не искусила меня, как только мы встретились. Потому что надолго на мне это не остаётся, — сказал я, жестом защищая левое плечо.

Это просто блеф.

Или бравада.

Строю из себя сильного, чтобы не показать слабостей.

— Пф-ф. Вампир, хм, — сказала кошка. — Ты превосходный первоклассный Кайи, с которым я не смогла бы справиться-ня... однако, благодаря Госпоже, благодаря её стратегиям и тактике, я добыла силу сущности столь могущественной, что смогла победить даже профессионального специалиста. Я благодарна ей за это.

— ...

— Хотя я не тот Кайи, что возвращает долги. Скорее, я даю зло за добро... я чувствую благодарность, так что один-единственный раз я бы хотела вернуть долг.

Кайи, который возвращает зло за добро.

Восхитительное выражение.

— Я слышал, кошки обладают очень сильным чувством долга. Как Кошка Набесимы — она зашла так далеко, что стала чудовищем, чтобы сразить врага госпожи. Псы помнят лица, кошки — места. Так говорят, но я не верю.

— Не веришь, ха. Только потому, что это было чудовище.

«Ня-ха-ха», — рассмеялась Мартовская кошка.

Хм-м-м.

Моя Ханекава никогда не стала бы смеяться над такой паршивой игрой слов.

Если бы я плохо пошутил, она, как монах, прочитала бы мне проповедь.

Другая сторона Ханекавы.

Другая сторона — тёмная сторона.

— Хотя мы оба обладаем поглощение энергии, способности Мартовской кошки и вампира это две большие разницы, — сказал я. Просто повторил слова Ошино. — Поглощение энергии вампира — еда, кошки — проклятье.

— Хм. Верно-ня.

— Чего я не понимаю, так это зачем ты нападаешь на людей. Если говорить о типах Кайи, Мартовская кошка не из тех, кто охотится просто так.

— ...

Кошка... застыла.

Казалось, будто она не хотела послушно отвечать на мои вопросы.

Вообще, она не ответила бы на те вопросы, на которые не захотела бы отвечать. Она не скажет, чего не хочет говорить, и сомнительно, что мы смогли бы вообще завязать диалог. Понимания бы точно не достигли.

Слова дошли, а смысл, кажется, нет.

Ну, человека даже такой же человек мог не понять, но лично мне хотелось, чтобы она ответила любой ценой — потому что я наконец-то смог встретить кошку.

Постой.

Это случайность?

Мне показалось, будто был иной смысл во встрече с кошкой у дома Ханекавы и во встрече с кошкой в классе...

— Эй, кошка. Ты не...

— Делаю что-то нехарактерное для себя-ня? — недовольно ответила Мартовская кошка.

С крайне раздражённым видом она закинула ногу на ногу.

Не время об этом думать, но у Ханекавы потрясающе длинные ноги.

На ней не было юбки, и ноги были полностью обнажены, так что я точно мог оценить их длину.

Хоть она и была ниже меня, её ноги были длиннее моих.

Хочу облизать их.

А-а-а, нет, это неправильно.

В смысле, хочу смотреть на них так, будто облизываю.

...Но у меня не получилось.

— Должна признать, я отбрасываю установившийся персонаж Мартовской кошки — разложение персонажа-ня. Я всё ещё следую установкам как таковым, однако нет сомнений, что я аномальна.

«Хотя технически аномальна не я, а Госпожа», — сказала Мартовская кошка.

Ошино говорил то же самое.

— Нехарактерно для меня...

— ...

— И что? Это просто способ отвлечься-ня.

— Чего?

— Почему я нападаю на людей. Ты же хотел узнать, зачем я нападаю на людей? Так вот я говорю — чтобы отвлечься. Просто пиф-паф-бам! Как граффити рисовать! То же самое!

«Иными словами, я под настроением».

«Я высвобождаю стресс-ня».

Мартовская кошка раскрылась — смеясь так, что у неё щёки дрожали.

Что?

Что она сказала?

— Высвобождаешь... стресс? Это... что? Секунду... что ты имеешь в виду?

— «Что ты имеешь в виду», «что ты имеешь в виду»... Я имела в виду то, что я имела в виду-ня — ты же видел, что было внутри дома?

— Твоего дома...

— Дома Госпожи-ня. Я могу сказать, понимаешь? Для меня это было очевидно... у кошек хороший нюх-ня. Когда я вернулась за одеждой, внутри дома всё провоняло тобой.

«Ня, ты бездарный преследователь», — сказала кошка с понимающим видом.

Она вернулась, чтобы переодеться?

Хм, верно, хоть бельё всё такое же чёрное, но форма с 29 мая, или точнее, с 30 мая, сильно изменилась.

Я был в полном замешательстве.

Мне было стыдно, что я этого не заметил.

Думаю, нельзя носить одно и то же бельё два или три дня... хм, нет, кошка не должна думать о смене одежды. Так что это, наверное, остатки сознания старшекласницы Ханекавы.

Сходство с Ханекавой.

Удостоверившись, что она существует внутри кошки, я почувствовал облегчение.

Беспокоиться о своей внешности для девушек очень типично.

Я опаздывал, но ещё не опоздал.

Я мог вернуть Ханекаву.

Её сознание всё ещё существовало.

Бессознательное Ханекавы.

...Вообще, если думать о худшем, то прошлой ночью в очередном бою Ошино потерпел сокрушительное положение — и в этом случае всё потеряно. Но судя по поведению кошки, это не так.

Я не знал почему.

Или, скорее, мне так казалось.

Да.

С 29 мая изменилась не только форма белья.

Я чувствовал, что атмосфера вокруг Мартовской кошки, напоминавшей дьявола, тигра, а не кошку, потеряла шипы и стала мягче.

...

Высвобождала... стресс?

— Госпожа жила в доме с той семьёй пятнадцать лет-ня — можешь представить, под каким она была давлением? Не говори, что не понимаешь. Я высвобождаю его, подшучивая над примерными горожанами-ня. Меня освежают проблемы, которые я приношу случайным людям-ня. Вот и всё-ня — это действие никак не связано с помехами или проклятиями.

— Не связано...

Это так нехарактерно для неё.

Кайи вообще делают такое?

Кайи беззаветно преданы своим установкам — как и поведение вампира, установки абсолютны и не могут быть отброшены.

Невозможно. Невозможное заставляет разум отступить.

— Я расскажу тебе кое-то об этих двоих, — сказала кошка. — Я — овладевающий Кайи, поэтому захватила тело Госпожи, короче говоря, захватила её мозг. Поэтому мы разделяем знания.

Ошино говорил, что от того, что у них общие знания, у нас много проблем.

И что это плохо.

— Я знаю, как Госпожа жила в том доме пятнадцать лет.

— ...

Она знала.

Она знала... просто знала об этом.

— Хотя мне известна лишь информация. Я не знаю, что она чувствовала к этим двум штукам, которых «она знала»-ня. Похоже, ведение дневника не входило в привычки Госпожи. Иногда она вела дневник, если это было задано на лето, но она всегда заканчивала его словами «сегодня было весело», как будто печать ставила-ня.

— Она писала «весело»...

В том доме?

О каком веселье может быть речь?

— Не может такого быть.

— Ага. Я тоже так думаю — интеллектуально я не превосхожу обычную кошку. Такой уж я персонаж-ня — но по-своему я могла это чувствовать-ня. Поэтому я помогаю Госпоже высвободить стресс-ня.

— Но... зачем же нападать на совершенно посторонних...

— К сожалению, мне доступен только этот путь.

«Потому что быть злой весело-ня».

Весело, когда незнакомые тебе люди страдают-ня.

— Это не логика и не софистика — если не веришь, посмотри, я стала мягче по сравнению с тем днём, когда оторвала тебе руку.

— Я заметил.

— Вот видишь? Короче, я делаю то, что эффективно.

«Поэтому можешь расслабиться», — сказала кошка.

— Если я нападу ещё сотен на пять людей, Госпожа освободится от стресса. И тогда моя роль Кайи окончится, я закончу возвращать долг и исчезну — ну, поскольку мой образ действия не отличается от кошачьего, пятьсот людей — это не так просто. И всё же, через месяц всё закончится.

— Месяц...

— Именно. Поэтому скажи этому старику-гавайцу не путаться у меня под ногами. Я не понимаю, но мне кажется, этот гавайский ублюдок хочет спасти Госпожу. Если так, доверь это дело мне.

Быть может, Ошино не этого хочет.

Не мог он думать что-то вроде «я хочу спасти её».

Даже если не брать в расчет его особенности профессионала — он не думал, что кто-то может спасти другого человека.

Помоги себе сам — такой была его философия.

...Однако, даже если я всё это объясню, сомневаюсь, что кошке хватит мозгов, чтобы это понять.

Они друг друга не понимали.

Люди и Кайи не понимали друг друга.

— Можно сказать, что как Кайи, я — воплощение стресса Госпожи, ставшее личностью-ня. Иными словами, я новый вид-ня. Я во всём отличаюсь от существа, называемого Мартовской кошкой из мифов — методы специалиста на мне не сработают. Меня нельзя изгнать, очистить или высвободить. Из-за него моя эффективность падает. Скажи ему прекратить тратить моё время.

— Предоставить Ханекаву тебе, говоришь? — спросил я, ничего не сказав о характере Ошино. — Почему ты так много для неё делаешь? Ты же всего лишь злой дух, который в нее вселился. Тебе незачем так надрываться.

— Я же сказала тебе. Чтобы нехарактерно вернуть должок.

Ухмыляясь, Мартовская кошка встала.

Или точнее, забралась на стол — как будто не замечая моего взгляда, она встала на четвереньки и прогнула спину.

— ...И всё это ложь-ня, — а потом, закончив, добавила ещё одну фразу. — Я не могу полностью отбросить установки неблагодарной кошки. Потому что все Кайи такие-ня — вампиры тоже не могут не пить кровь-ня. Поэтому я не возвращаю долг — помимо знаний, мне не за что чувствовать себя обязанной Госпоже-ня.

— Что?

Фигню несешь.

Разве не тебя похоронила Ханекава, когда ты, размазанная машиной, лежала на дороге?

Разве не ты воспользовалась её симпатией и добротой?..

— Ты неправ-ня. Это... конечно, как феномен, случилась вполне знакомая ситуация. Госпожа подобрала меня, когда я лежала на дороге, перенесла меня в подходящее место и похоронила. В этом восприятии ошибки нет-ня. Всё так, как ты и видел, стоя рядом-ня, — но, кстати, в то время ты просто стоял рядом с Госпожой и помогал копать яму, ты не коснулся моего трупа и пальцем, поэтому тебя я не ослабила-ня.

«Ну, для прикосновения к трупам требуется смелость-ня. Кажется, что ты будешь проклят, да и на самом деле ты будешь проклят», — добавила кошка.

— А, ладно, я признаю, по мне тогда мурашки бегали. И поэтому Ханекава меня так впечатлила тем, что беззаботно это сделала — но раз она была проклята, можно сказать, что она осталась без награды. Доброта Ханекавы вышла ей боком.

— Вовсе нет, далеко не так-ня.

Если бы я мог остановить Ханекаву или если хотя бы мурашек у меня не было и я бы смог нести труп сам, этого бы не случилось.

Дослушав мои полные сожаления слова, Мартовская кошка произнесла:

— Тогда Госпожа не чувствовала сострадания.

— ...

— Госпожа никогда меня не жалела... в ней не было и толики доброты. Как Кайи, пользующийся ею, я могу точно сказать это.

«Ня», — добавила Мартовская кошка в конце предложения — возможно, это ещё одна часть её установок.

Компонент «моз» или что-то в этом духе.

Впрочем, это и правда было моз.

И всё же этот компонент продемонстрировал внутренность Ханекавы — её тёмную сторону.

Такую тёмную.

Такую непроглядную.

Такую иссиня-чёрную.

Она была столь гротескной.

— Госпожа провела те похороны на дороге так, будто это была часть её повседневных обязанностей-ня... абсолютно безэмоционально-ня. Она не симпатизировала мне. Короче говоря, мне нечем было пользоваться.

— А, но... Ханекава...

— Её единственное желание — быть нормальной девушкой-ня, — сказала Кошка. — Это мольба... Для Госпожи, быть нормальной значит быть логичной-ня. Идея Госпожи состоит в том, чтобы быть правильной-ня. Если ты видишь мёртвую кошку на обочине, ты должна похоронить её... ну, это и в самом деле правильно. Можно назвать это правилом. Можно назвать это формулой. Госпожа подчинялась правилам и формулам — вот и всё-ня.

— ...

Я не мог возразить словам кошки, их силе или весу.

Нет.

Не в этом было дело, я просто не мог возразить.

Потому что даже я уже чувствовал, насколько чужда Ханекава Цубаса, дорожившая порядком и правилами.

Её чувство этики было неправильным.

Кошка использовала слова вроде «обязанность», «правила», «формулы» — но с моей точки зрения всё это были заповеди.

Подчинение заповедям, рождённым из упрямого нежелания дать людям повод думать, что с ней что-то не так из-за того, что она росла не в обычной семье...

— Обычно ты не сможешь подчиниться заповедям. Даже если ты понимаешь, что это красиво и правильно, большинство людей не пойдёт хоронить мёртвую кошку. По сути, может, они и подумают об этом, но не сделают. Смутятся, но места старику в поезде не уступят.

Допустим, что уступят. Тогда получится что-то вроде игры в защитников правосудия, Огненных Сестёр — в лучшем случае, всего лишь игра.

И даже мои сёстры бросят играть, когда переведутся в старшую школу.

Однажды даже они станут обычными девушками.

Они совершенно точно не станут Ханекавой — они станут обычными девушками.

— Она не должна была следовать заповедям, эмоционально или по способностям. И всё же Ханекава смогла.

— Действительно. Она смогла... безэмоционально-ня. Ни о чём не думая, она сделала то, что считала этичным, словно машина... Много раз проходили мои похороны, но эти были необычными-ня. Поэтому я хочу помочь ей.

Короче говоря, это просто каприз.

«Очень по-кошачьи», — пошутила Мартовская кошка, поднимая левую руку, как будто приманивая.

— Так, и вбей в голову этому гавайскому ублюдку, чтобы он закрыл глаза на кошачьи шалости, иначе я засужу его за жестокое обращение с животными, потому что я на него закрываю глаза.

— Что ты имеешь в виду?

— А не понятно? Если бы я... если бы Госпожа правда хотела навредить, она бы убила его в первом же бою. Я добра, потому что знаю его... а ты... не похоже, что ты собираешься что-то делать.

С этими словами кошка спрыгнула с парты — и хотя там было всего полметра высоты, она успела перевернуться в полёте.

— Ты прав. Для Госпожи лучше всего, если ты ничего не делаешь... ты же не хочешь умереть?

Без топота, повернувшись ко мне спиной, Мартовская кошка прошла к двери. Кошки при ходьбе не издают звуков из-за строения лап, но стопы Ханекавы не изменялись.

Даже это было частью персонажа.

Существо, стоящее выше теории, здравого смысла, законов физики и этики.

Абсурдный кот в сапогах.

— Прощай. Держись и будь счастлив, человек.

С этими словами Мартовская кошка вышла из класса в коридор...

— Постой!

Прежде чем я рефлекторно остановил её.

Издав звук «хм», она повернула голову. Головокружительная красавица.

Нет, ее выражение лица было слишком озадаченным для таких слов.

— Ты сказала, твоя цель — высвободить стресс Ханекавы. Но это невозможно.

— Почему?

— Потому что стресс по большей части исходит от родителей. Даже если ты его высвободишь, когда она вернётся домой, он снова начнёт накапливаться. Сейчас её родители лежат в больнице, но они не будут лежать там вечно. Пройдёт время. И они вернутся в дом своей дочери, для которой в нём нет места. Неважно, высвободишь ты весь стресс за месяц или нет, рано или поздно всё станет так, как было.

— Хм. Это верно. В таком случае...

Кошка, которая, казалось, не умела думать на шаг вперед, едва способная мыслить, поняла меня... Весенние каникулы.

Как тот вампир, она точно так же жутко улыбнулась.

— Тогда я отделаю их этим так, что они не захотят возвращаться-ня.

И потом показала когти на правой руке.

Казалось, ими можно убить человека.

Казалось, ими можно изрезать человека до смерти, этими пятью острыми когтями.

— В этот раз поглощения энергии не хватит. Я просто отвечу домашним насилием на домашнее насилие-ня... если Госпожа так пожелает.

— Как будто!..

Как будто Ханекава может такого желать.

Я вскочил, словно выпрыгнув со стула, и приблизился к Мартовской кошке.

Нет, я попытался приблизиться.

Однако я едва успел остановиться и не схватить её за плечо.

— Да, верно. Когда ты касаешься меня, ты слабеешь — потому меня и зовут Мартовской кошкой. Не приближайся, не касайся. Ты меня и пальцем не можешь тронуть-ня. Не вмешиваться — правильное решения-ня... для меня, и, возможно, для Госпожи-ня.

— Эй, кошка...

— Прощай. Будь счастлив.

Она повторила те же слова.

И в этот раз она на самом деле ушла — больше не оборачивалась.

— ...

Я остался в классе.

До наглости непринуждённо я вернулся на место Ханекавы. Поднял упавший стул и снова сел.

Будто продолжая делать то, что делал раньше, я лёг на парту.

Мартовская кошка не касалась меня.

И тем не менее, сил у меня не было.

— О-ох, — пробормотал я.

Слабо.

Я убедился, что в классе никого не было — да и если бы кто-то был, я бы то же самое пробормотал.

Я должен был пробормотать.

Эти переполняющие меня чувства.

— Безнадёжно. Как я и думал, мне нравится Ханекава.

Я должен был вложить это в слова.

Я должен был дать им форму.

— Мне она так нравится, но я не могу её коснуться.

Даже пальцем не могу коснуться.

В лучшем случае, могу щекой тереться о парту.

Не из-за того, что случилось на весенних каникулах.

Не из-за того, что я был спасён и не из-за того, что я считал, что я у неё в долгу.

Не потому, что она милая, и не потому, что я жалел её.

Не эти смердящие логикой причины.

Мне нравится эта девушка.

Я думаю, она мне нравится.

Я чувствую, что она мне нравится.

Я понимаю, что она мне нравится.

— Однако Цукихи права.

И я продолжал тихо бормотать.

Безэмоционально размышляя.

— Ничего не могу поделать, она мне нравится. Но это чувство — не любовь.

Продолжая бормотать, я возродил свою решимость.

Возможно, я решил это с самого начала.

Сейчас я просто заметил нечто абсолютно очевидное.

Мои чувства к Ханекаве стали так сильны... что уже давно переросли любовь.

Я хочу не просто быть с ней вечно.

— Я хочу ради неё умереть.

Примечания

1. «Носить (на голове) кошку» в японском означает «прикидываться невинной овечкой».

Если вы спросите, как я провёл остаток Золотой Недели, то я отвечу, что стоял на коленях.

С третьего мая, когда я встретил Мартовскую кошку, и до воскресенья, седьмого мая, последнего дня долгих праздников, иными словами — сегодняшнего дня, я всё время простоял на полу.

Я посвятил этому все свои силы.

Я делал это почти пять дней.

Я не знаю, сколько часов это заняло, но думаю, около сотни.

Так много.

Не ел, не пил, в субботу пропустил даже школу, не дрогнув и не задремав, не поднимая лица, как будто каменная статуя, я продолжал стоять на коленях.

Постойте, это же обычное дело.

Об этом не стоит говорить как о каком-то событии, каждому стоит разок-другой попробовать сделать так же. В любом случае, я потратил на это все выходные.

Я буду молиться, чтобы в конце Золотой Недели с меня не потребовали сочинения о том, как я провёл эти дни.

Я уже не в начальной школе, так что едва ли они могли это сделать — и даже если бы мне пришлось, я бы сказал, что провёл Золотую Неделю в таком положении. Я дико извиняюсь перед теми, кто ожидал, что героическая решимость в пустом классе приведёт к великой битве между мной и Мартовской кошкой, но, к несчастью, я знал своё место.

Я знал о нём.

Я был знаком с ним.

Даже если грубость только появившейся Мартовской Кошки поблекла в результате высвобождения стресса, всё же как «человек» я не мог даже сопротивляться ей, не говоря уж о том, чтобы дать бой.

У меня не было шансов против того, у которого не смог выиграть даже Ошино.

Меня просто убьют. Я умру, и на этом всё закончится.

Я хотел умереть ради Ханекавы, но это значило, что я не хочу умирать не ради Ханекавы.

Я не умру просто так.

Я не умру собачьей смертью.

Если мне придётся выбрать — я предпочту кошачью смерть.

И вот так, пока Ошино и Мартовская кошка вели суперсражение в духе оммёдзи, атакуя и спасая людей то в одном месте, то в другом, наступая и отступая без перерывов, я кланялся всеми силами сердца и души, на полной скорости.

Кстати говоря, насчёт объекта поклонения.

Об этом не стоит говорить как о каком-то событии, потому что для возмужавшего юноши это был достойный поклонения объект — восьмилетняя девочка.

Восьмилетняя маленькая девочка.

Железнокровный теплокровный хладнокровный вампир.

Киссшот Ацерола Орион Хеартандерблейд, ставшая жалкой тенью, огрызком самой себя.

Бывший вампир, светловолосая малышка.

На сцене был я, а самой сценой была комната на четвёртом этаже заброшенного здания, руин элитной школы, и я стоял на коленях перед маленькой девочкой-вампиром, сидящей с горьким видом, обхватив колени.

...

Я рассказываю об этом, но могу ручаться, что в аниме этой сцены не будет.

Не знаю почему.

Мне кажется, сюжет милостиво отказался от смеси средств подачи истории. Хотя если задуматься, всё было кончено ещё когда я и мои сёстры копались в поисках скелетов в шкафах друг у друга в самом начале.

Чёрный абзац¹ на целую книгу, что-то в этом духе.

— Что ты делаешь, Арараги-кун? — даже Ошино удивился. — Напомню, что рисковать жизнью и думать, что ты готов умереть — это разные вещи. Я думал, на весенних каникулах ты выучил этот урок.

И снова в этих словах не было иронии или сарказма, никаких намёков, они казались не легкомысленными, а очень нормальными.

С другой стороны, за эти пять дней Ошино сказал мне только это — казалось, будто после каждой битвы с Мартовской кошкой он возвращался сюда, чтобы восстановиться (учитывая, что, как только специалист заканчивал отдыхать, он собирался и тут же уходил — он продолжал проигрывать без сна и почти без отдыха). Однако, поняв моё намерение, он тут же перестал говорить со мной. Даже проходя мимо, он хранил молчание.

Девочка-вампир тоже хранила молчание.

Даже я молчал.

Не говорил ни с Ошино, ни с маленькой девочкой.

Я не мог нарушить тишину и что-то сказать.

Изначально моё положение не содержало мольбы — можно сказать, это было моим тайным намерением, но в основном я склонил голову до пола в знак извинения.

Прости.

Прости, я рассчитываю на тебя.

Искренне, от всего сердца, я извиняюсь.

Правда.

Неудивительно, что Ошино был ошеломлён наглостью и бесстыжестью моего поведения. Если хотите, я мог бы растереть лицо об пол до крови.

Я знал.

Я отлично знал, что делаю.

Насколько эгоистично, насколько самодовольно это было — я все это знал.

Однако, хоть он и был удивлен и не говорил со мной, Ошино не пытался остановить меня.

Возможно, это было следствием его системы ценностей, как третьей стороны, возможно, он немного понимал мои чувства.

Может, он симпатизировал мне.

... Нет, наверняка нет.

У него просто не было повода или обязанности останавливать меня, пытавшегося спасти себя, вот и всё.

Но Ошино это, по крайней мере, понимал.

Я точно не желал твоей симпатии, не говоря уж о твоём одобрении — просто хотел, чтобы не было недопонимания в одном вопросе.

Сейчас, я не рискую своей жизнью — и уж точно не думаю, что готов умереть.

Я не могу пожертвовать собой из-за амбициозных чувств, вроде желания умереть ради друга — как в заповедях, которым подчиняется Ханекава.

В моей груди я храню лишь эгоистичное желание умереть ради нее, ничего более.

Я запутался.

Я не думаю, что я должен это делать, или что я должен продолжать это делать — я просто хочу сделать это.

И вот...

Сразу после того, как село солнце, странная ситуация, в которой мы застряли, начала меняться. Внезапно девочка-вампир, которая, как и я, пять дней сидела без движения, даже не дрожа, как будто была ископаемым, неожиданно встала и наступила на мою опущенную голову.

В этом тоже не было ничего удивительного.

Каждому хоть раз на голову наступала маленькая девочка. Те, с кем такого не случалось, немедленно испытайте это.

Пусть на вас наступит сестра, кошка, демон.

В моей жизни одно вело к другому.

Пока я думал, девочка-вампир убрала ногу с моего затылка, затем пнула в лицо, на этот раз ударив пальцами.

Я не выдержал и перевернулся, всё в том же положении — чувствовал себя перевёрнутой черепахой.

И больно ударился спиной.

Эта моя поза, которая держалась пять дней...

Это равновесие было нарушено.

Меня пнула маленькая девочка.

Едва-едва, но это случилось. Если сравнивать с Большим взрывом, создавшим вселенную, конечно девочка меня пинала чаще.

Однако то, что случилось потом, было уму непостижимо.

Настолько необычно, что это наверняка был первый и последний раз.

Я даже слегка испугался.

— ...

То, что я увидел, когда бесстрашно встал, чтобы вернуться в исходное положение, было девочкой-вампиром, широко открывшей рот, будто вытягивавшей язык — как древний маг, она доставала из горла японским меч.

Длинный японский меч.

Явно длиннее, чем вся девочка.

Его можно было бы назвать одати.

Я видел эту катану лишь раз, на весенних каникулах.

Хеартандерблейд.

Сердце под лезвием.

Исток имени Киссшот Ацерола Орион Хеартандерблейд, единственное «оружие», которым она, как сильнейшее существо, когда-либо владела.

Демонический меч Кокороватари.

Также известный, как «Убийца Кайи» — у него не было ножен.

Ему не нужны были ножны.

Зачем катане, созданной, чтобы рубить Кайи без остановки, такое хранилище...

— !..

Для девочки эта катана была как паспорт, как дорогое воспоминание, и всё же она бросила демонический клинок мне в грудь, как палку.

Я не смог ухватить его.

Будто неуклюже жонглируя, я едва поймал его в опасном положении.

Каким-то образом я не дал ему упасть на пол.

С облегчением поднял лицо, а девочка вампир уже вернулась в начальное положение.

Уселась, с кислым видом обхватив колени.

...

Кстати говоря, я не смог увидеть выражения её лица, когда она пинала или наступала на меня — впрочем, это было неудивительно, потому что всё это время я смотрел на землю.

Когда она выплюнула демонический меч, она не показала эмоций — ну ладно.

Я и так мог представить.

Презрение или осуждения, что-то в этом духе.

Неважно.

В крайнем случае, там была не такая жутковатая улыбка, как на весенних каникулах.

Даже если кто-то может счесть её комичной и захочет на неё стоит посмотреть.

Она не покажет её мне — особенно в этом положении.

И всё же я ещё раз поклонился ей, очень низко, извиняясь.

— И все же меня это сильно беспокоит.

В тот момент, как будто рассчитав момент — как будто он видел меня насквозь.

Меня позвали из-за спины.

Хоть прошло немного времени, я успел соскучиться по этому голосу.

Я обернулся, и, конечно же, увидел Ошино Меме.

— Арараги-кун, ты неправильно кланялся.

— Как это?

— Это поклон для чайной церемонии. Какой вежливый способ что-то просить...

«Ха-ха», — весело рассмеялся Ошино.

Однако его гавайская рубашка снова была изодрана — намного сильнее, чем раньше. Такое даже сотня котов не сотворила бы.

Мне кажется, в таком состоянии сложно смеяться.

— Ах. Все это тянется с чайного клуба в средней школе... видимо, я выучил этот поклон по ошибке.

— Вы заставляете школьников в чайном клубе кланяться? Что за ужасные привычки.

— Я не шутки ради это делал! Я предпочитаю, чтобы не мне кланялись, а я кланялся сам. Это были очень продуктивные пять дней.

— Хм. И ты сумел добыть Кокороватары. Круто — даже я не ожидал, что вампир-тян изменит своему решению.

«В любом случае, позволь мне поздравить тебя», — сказал Ошино.

Хотя по нему нельзя было сказать, что он меня поздравляет.

Вовсе нет.

И всё же его слова пришлись к месту — по тому, что я видел, даже у него уже кончились идеи.

Как профессионал, Ошино не назовёт то, что я делал — то, что я пытался сделать — попыткой путаться у него под ногами.

— Родители старосты-тян, знаешь ли, — Ошино начал говорить так, будто это была абсолютно банальная тема для разговора, — уже выписываются из больницы.

— Уже?!

Я думал, они были так истощены, что им понадобится больше времени, чтобы восстановить силы. Это были очень плохие новости.

Иными словами, эти двое очень скоро вернутся в дом, где не было комнаты Ханекавы.

А это значило, что если Мартовская кошка придет переодеться, она столкнётся с ними и...

— Я с ними немного поговорил.

— Что?

— Я навестил их перед выпиской. Думал, в перерыве между боями смогу найти подсказку. Но не вышло.

— ...

Так вот чем занимался Ошино, пока я ползал на коленях перед девочкой-вампиром. А если подумать, увидеться с первыми «жертвами» Мартовской кошки, с этими двоими, и выслушать их, было первым, что Ошино должен был сделать.

Классно он придумал.

Выслушать родителей Ханекавы, поговорить с ними.

Я бы так не смог.

Я не хотел говорить с ними, я даже не хотел видеть их лиц.

— Они ничего не знали. Родители ничего не знали о своей дочери — ну, в наши дни такое бывает, да? У неё тоже сложный возраст.

— Любопытная семейка...

— Действительно. Я заметил. Я не смог получить никакой ценной информации, которая пригодилась бы в бою с Мартовской кошкой, но зато они рассказали мне интересную историю.

— Какую?

— Ну, их сознание только вернулось, они бормотали так, будто были в трансе. Похоже, приняли меня за врача.

Да не приняли бы они старика в гавайской рубашке за врача, пусть даже в трансе.

На самом деле Ошино, скорее всего, намеренно обманул их.

— И что за историю ты услышал?

— О том дне, когда папочка ударил старосту-тян по лицу.

С беззаботным лицом Ошино начал рассказывать так, будто это была весёлая история:

— Взрослый мужчина ударил решительно, изо всех сил, не сдерживаясь. Ударил так сильно, что её очки разлетелись на кусочки и порезали лицо. Староста-тян отлетела к стене. Ну, она не такая уж тяжёлая.

— ...

Мне не хотелось знать детали этой истории.

Особенно с точки зрения того, кто нанёс удар.

Даже представлять было противно.

— Тело старосты-тян сильно ударились о стену, и какое-то время она просто корчилась от боли. Как думаешь, что она сделала потом?

— Что она сделала... ну...

— Не кричала даже после удара, просто скорчилась. Что, по-твоему, она сделала потом?

Я не мог ответить.

Не потому что я не знал — по лицу Ошино и по воспоминаниям о Ханекаве Цубасе я до боли точно знал продолжение и концовку.

Теперь осталась только тьма.

— Не надо, папа, — сказал Ошино. Он неудачно подражал голосу Ханекавы. — Ты не должен бить девушку по лицу... Староста-тян мило улыбнулась и произнесла эти слова.

— !..

Этого я вынести не мог.

Разве так должна говорить девушка, которую только что ударил собственный отец?!

Такими словами?!

— Понимаешь, врождённая доброта ужасающих пропорций — это отвратительно. Папочка ещё сильнее взбесился и продолжил бить её. Она была настолько святой, что, родись она в стране Яматай², могла бы стать наследницей Химико. Честно говоря, даже я ударил бы такого ребёнка.

Страшно.

Страшнее Кайи.

Отвратительно.

Стирая улыбку с лица, Ошино добавил:

— В итоге, то, что она сунула нос в его работу, было лишь оправданием. Даже без этого у папочки — да и мамочки тоже — кулаки чесались очень давно.

— Кулаки чесались... что...

Отец. Мать.

Ударить свою дочь.

— Они считали её чудовищем, а не дочерью. Как будто им просто так приказали растить демона. Существует много сверхъестественных историй о том, как ребёнка заменяет чудовище, но в данном случае ребёнок даже не был связан с родителями.

— Что ты хочешь сказать, Ошино?.. — я прервал его. — Ты на их стороне?

— Я ни на чьей стороне, я храню нейтралитет. Как по мне, это вопрос точки зрения³ — своя есть и у старосты-тян, и у её родителей. Чужак не может узнать, кто прав. Более того, правых и неправых нет вообще.

«Нет правых и неправых, только обстоятельства», — сказал Ошино.

Эти слова не оставляли места для возражений.

— Если хочешь, чтобы я выразил эту мысль шуткой, то скажу так: когда староста-тян бросила родителей тебе под ноги, она отбросила своё сознание. Паршивая шутка. Ха-ха. Ты её друг, поэтому ты на её стороне, но точно так же друзья её родителей на их стороне. Не было тут правых и неправых с самого начала.

«Нет правых и неправых», — упрямо повторил Ошино.

Вопросов не было.

Он был прав.

Он был прав в том, что не было правых и неправых.

Однако...

— И всё же Ханекава права.

— Поэтому я напуган и чувствую отвращение, — Ошино легко отбросил моё возражение. — Чтобы сохранить экосистему в балансе, я встану на сторону старосты-тян... но если мы на самом деле задумаемся о балансе, мне кажется, лучше всего дать Мартовской кошке поглотить старосту и исчезнуть.

— Нет... — начал я, но не смог возразить.

Я не мог согласиться со всем, что он сказал, но мне нечего было возразить.

Вообще нечего.

Я ничего не мог сказать в её защиту.

Однако, Ошино.

Весной Ханекава спасла меня именно потому, что она была ненормальной.

Она спасла меня.

— Конечно, её родители не заслуживают похвалы. Я понял это, когда поговорил с ними. Они хотели отречься от неё, это и понятно. Однако, Арараги-кун, я не мог не проникнуться их чувствами. Жить под одной крышей с человеком, который всегда прав. Вдобавок, этот человек — твоя дочь. Меня от одной мысли дрожь пробирает. Больше десяти лет этот человек был рядом с тобой. Эти двое стали такими, потому что жили под одной крышей со старостой-тян.

Я вспомнил.

Табличка с именами на доме Ханекавы.

Имена родителей и чуть в отдалении имя «Цубаса», написанное хираганой.

И все-таки в самом начале они хотя бы сделали табличку.

Мелочь, а приятно.

Как бы сказать, прототип... семьи.

Уютная домашняя драма, что-то такое перед тем, как оно стало жалкой тенью себя.

Это должно было быть чем-то, прежде чем рухнуть.

Так же, как нынешний я начался с Ханекавы, они тоже начались с Ханекавы.

Потому что они жили с Ханекавой.

Они стали такими.

И если так...

— Прямо перед ними постоянно находилось воплощение абсолютной правоты. Проще говоря, они жили в аду, где постоянно видели собственное уродство, собственное несовершенство. Это был кошмар. Я мог бы даже похвалить их за то, что они не били её больше десяти лет.

— Но Ханекава в этом не виновата.

— Виновата. Только её и можно винить. Сильный должен знать о том, какие последствия имеет его сила. Это не метафора о чёрном цыплёнке и белом яйце. Родители, чья личность уничтожается великими детьми, — вполне обычное дело. В данном случае староста-тян слишком хорошо не замечала этого. Она была уверена, что она нормальна. Она упрямо убеждала себя, что она нормальна. Она прилагала бессмысленные усилия. Итогом стало наше нынешнее положение.

Она несла помехи.

Она несла помехи вещам, которых касалась.

Она несла помехи людям, которых касалась.

Как будто она была в полном цвету.

— Она исказила даже Кайи, Мартовскую кошку. В данном случае всё и вся было неправильным. Всё и вся было неправильным, поэтому только староста-тян была неправильна. Вампир-тян решила тебе немного помочь, потому что твой враг — староста-тян. Каждая мелочь — её вина.

— Прости, Ошино. Думаю, ты во всём прав, но тебе не стоило этого говорить. Не говори плохо о Ханекаве, — сказал я. Я не смог этого вынести. — Иначе я убью тебя.

— Ты её жалеешь?

«Чувства обычного человека к мёртвой кошке на дороге, ну-ну», — Ошино не смог промолчать.

Он был не из тех, кто молчит, даже если ему угрожают.

Язык без костей.

— Ты жалеешь её, рождённую в неудачах, выросшую в неудачах, обладающую разумом сильнее её неудач?

— Ты неправ. Неправ во всём. Странно, что ты так сильно ошибся, Ошино.

Я положил демонический меч, который дала мне девочка-вампир, себе на плечо, изо всех сил стараясь выглядеть круто.

— Как будто я мог кого-то жалеть. Девочки-неудачницы — это моё. Я просто хочу дать волю своему раздражению.

Глотая слёзы, стараясь казаться сильным, я встал в позу.

— Старшеклассницы в нижнем белье и с кошачьими ушами меня заводят!

Примечания

1. Арараги говорит о чёрных экранах, использованных в аниме.
2. Страна, существовавшая внутри Японии в 4-5 веках нашей эры.
3. «Точка зрения» и «союзник» в японском звучат одинаково.

Демонический меч «Кокороватари», Убийца Кайи — как подсказывает имя, это клинок для убийства Кайи.

Только Кайи.

Смертоносное оружие для убийства одних лишь Кайи.

Иными словами, это смертоносное оружие не может убить человека, более того, это не только людей касается. Убийца Кайи не может рассечь ни одной формы жизни или объекта, не являющегося Кайи.

Несравненный меч, если ты стоишь перед Кайи, но бесполезная железка против любого другого существа. Можно сказать, даже хуже железки — он вообще не сталкивается физически с тем, что не являлось Кайи. Он был подобен бестелесному призраку, проходящему сквозь преграды.

Хотя, строго говоря, «Кокороватари», принадлежащий девочке-вампиру, был копией, подделкой, нужно заметить, что эта подделка обладала такими особенностями из-за того, что была создана фантастическими суперспособностями вампира в порыве безумия. Похоже, «настоящий» Убийца Кайи был подобен Зантецукену Исикавы Гоемона¹, способному разрезать всё, кроме аморфофаллуса.

Объяснять, зачем в моём нынешнем положении мне нужен был меч, убивавший только Кайи, не нужно.

Используя Убийцу Кайи, я смогу отделить Мартовскую кошку от Ханекавы Цубасы — от тела и разума Ханекавы Цубасы.

Рассечь только кошку — рассечь и освободить.

Я смогу рассечь её сдвоенную личность, как Гордиев узел, две стороны одной медали.

Я смогу изгнать только Мартовскую кошку, не рана Ханекаву, — можете считать это хвастовством, но это настоящий фокус уровня Ультра-С², недоступный даже специалисту Ошино Меме.

Оказалось, вышеупомянутый Ошино продолжал проигрывать Мартовской кошке. К концу Золотой Недели он проиграл уже сто битв. Только я мог дать ей отпор.

Только я.

Ну, поскольку я позаимствовал меч, постояв на коленях перед маленькой девочкой, хвастаться тут нечем — более того, нечем мне будет и гордиться.

И всё же.

Я могу закончить эту историю.

Без всякой подготовки.

Игнорируя намёки и логические связи, я могу положить конец этой истории.

И...

Этого достаточно.

— Этот демонический меч создан для вампира, так что я не могу им воспользоваться — только тебе это по силам. Так будет лучше. Хорошая идея.

Разрешение специалиста.

Получение одобрения — нет, едва ли, судя по голосу.

Даже если Убийца Кайи в самом деле создан для вампира, я думал, что специалист вроде Ошино всё равно сможет его использовать. А пусть бы и так... он не будет.

Столь удобный инструмент... результат без всякой компенсации — для него это будет нарушением принципов.

Обман, игра без правил. Будь проклят баланс.

— Да, именно. Похоже, ты сам понял. Лучше так, чем не зная, — ухмыляясь, сказал Ошино.
— Как специалисту, мне нечего тебе сказать, но как другу — есть. Как твой лучший друг, я хочу предупредить тебя.

— Предупредить? О чём? — спросил я, чувствуя отвращение к его омерзительно неформальной, крайне дружеской манере речи.

Тогда он поднял три пальца.

— Не столько предупредить, сколько возразить. Во-первых. Если ты используешь этот меч, ты точно отделишь старосту-тян от Мартовской кошки — на первый взгляд, это отличная идея, можно сказать — ее реквием. Однако именно потому, что это лучшая идея, староста-тян будет готова к этому лучше всего. Мои сто поражений случились из-за её стратегий и тактик — и её знаний. Именно потому, что она была готова ко всем моим трюкам, я был связан по рукам и ногам. Разве то, до чего догадался даже ты, не будет первым, что учтёт Мартовская кошка и заранее примет меры?

Он загнул один палец.

— Возможно, — ответил я Ошино. Я поколебался и не стал возражать в ответ на его «даже ты», оставив это на потом.

— Если думать о вероятностях, она существует. Однако в этом я уверен — возможно, всё пройдёт хорошо. Я не могу ручаться, но у меня есть своего рода план.

— План?

— Ну, не совсем план. Ожидания.

Можно сказать, вера — если это произойдёт, я верю, что всё будет хорошо.

Не то чтобы у меня есть что-то на уме.

Но веры достаточно.

— ...Хм. Хорошо, насчёт этого я тебе поверю, если ты сам не против.

— Не говори так, будто на что-то намекаешь. А как же ещё два предупреждения?

— О, нет — я отменю второе. Ничего не изменится, если я его озвучу. Так что скажу только третье, — ответил Ошино и согнул два оставшихся пальца.

Откуда эта нерешительность в последнюю минуту — нет, я так не подумал.

Потому что я мог догадаться, каким было второе предупреждение Ошино — я понимал его.

Да.

Я понял, Ошино.

Если ты не скажешь — мне это очень поможет.

Хотя ты никогда не хотел мне помогать.

Ни сейчас, ни когда-либо в прошлом.

Ты никогда мне не поможешь.

— Третье и последнее. Самое важное и самое практичное, как мне кажется. Арараги-кун. Ты готов к войне, я не буду тебя останавливать — но как ты найдёшь старосту-тян, прячущуюся в городе? Я смог сразиться с ней сто раз, потому что я специалист, я знаю техники для поиска Кайи — я могу найти их территорию и логово. И всё же я промахивался один раз из трёх. Сложно, потому что противник — староста-тян, и тебе, как любителю, будет ещё сложнее. Что будешь делать? Как начнёшь войну? Похоже, на этой стадии игры ты намерен положиться на меня?

— Ты говоришь так, будто готов выполнить мою просьбу, — сказал я, пожав плечами. — Не волнуйся, у меня есть план, а не только ожидания или вера. Я не буду трогать тебя. С этого момента мы пойдём разными путями. Ты ищи Мартовскую кошку как специалист, а я буду искать по-своему.

— Ха. По-своему, ну да.

— Ага. Это то, чего ты не можешь сделать, Ультра-С.

— Хм.

Тогда покажи, что ты можешь.

Делай что хочешь — будь то боевая сцена или драматичная, я не буду вмешиваться.

Так сказал Ошино, не пытаясь узнать, каким конкретно был мой план. Тот ещё у меня лучший друг...

Спустя тридцать минут после этой беседы...

Ровно тридцать минут.

Я не вышел искать Мартовскую кошку, как Ошино — я стоял посреди комнаты на втором этаже заброшенного здания, может, самого маленького класса из всех, и ничего не делал.

Я уже сделал всё, что было нужно.

Оставалось только ждать.

Казалось, если я отойду от девочки-вампира слишком далеко, демонический меч исчезнет раньше, чем его эффективность, он рассыплется на молекулы, так что мне нужно было оставаться внутри заброшенного здания, а выбор места сам по себе значения не имел. Класс школы должен был вполне подойти — да и привлекать много внимания было вредно.

Кроме этого, эта комната была на удивление хорошим выбором.

Потому что из разбитых, вероятно, детьми, окон этого класса, в которых осталось лишь одно целое стекло, была видна красивая луна, рассекавшая ночное небо, рассекавшая чёрное ночное небо, как будто это была картина, нарисованная известным художником...

— !..

Прямо рядом с этим шедевром, дробя бетон, пробивая его как пуля, появилась Мартовская кошка.

Игнорируя осколки, с рёвом пробив стальную арматуру, кошка легко приземлилась на четыре ноги передо мной.

Пол под ней треснул, а ударная волна сначала напугала обрушением здания, а затем прошла насквозь.

Появление сквозь пробитую тобой же стену. Подражаешь Шампу из Ранма½ в двадцать первом веке.

Если я не ошибаюсь, Шампу превращалась в кошку, если её облить водой.

Тогда она была довольно похожа на Ханекаву, которая превратилась в кошку, надев кошку.

Белые волосы.

Звериные уши.

Чёрное бельё, босые ноги.

Кошачьи глаза — Мартовская кошка.

Я задрожал, лишь увидев её.

Пока я стоял, Мартовская кошка подняла голову и...

— Арараги-кун! Ты в порядке? — спросила она.

Она позвала, не пытаясь скрыть волнения, так отчаянно, словно вот-вот разрыдается.

Даже сейчас она выглядела угрожающе — с такой же силой она могла прыгнуть на меня. Однако убедившись, что я просто стоял ...

— Что такое? — произнесла она.

...она посмотрела вниз и медленно встала.

— Ты меня обманул³.

— Ага...

«Похоже на то», — сказал я.

Я сделал очень простую вещь.

Кажется, на континенте игра в догонялки называется «ускользни от кошки»⁴, но мне не хотелось играть ни в прятки, ни в догонялки.

Я бы предпочёл «пни банку».

А банкой буду я.

Я послал всего одно сообщение — написал Ханекаве: «Меня убивает вампир, спаси».

Это был крик о помощи, в котором не было ничего конкретного, и, следовательно, его можно было понять как угодно. Ханекаве этого было достаточно.

К счастью, я был человеком, дававшим бесчисленные поводы для волнения.

Обо мне нельзя было не беспокоиться.

Используя знания и силу воображения, Ханекава смогла нафантазировать себе всякого.

А затем она бросилась ко мне.

Как всегда.

Даже на весенних каникулах.

И вот так — умирал ли я, убивали ли меня, пытался ли я покончить с собой, она бросалась ко мне.

Эта ситуация была, так сказать, повтором — если забыть о том, что в этот раз сообщение было лживым.

Я извиняюсь перед девочкой-вампиром за то, что обвинил её, но сейчас только она могла сыграть эту роль.

Подобный план был недоступен Ошино, откровенно ненавидевшему игру в спасителя и жертву — или, по крайней мере, Ошино, совершенно не дружившему с машинами.

Если Ханекава не просила у меня помощи, я попрошу у неё.

Если кто-то захочет найти слабость в этом плане, то она заключалась в том, будет ли Ханекава, ставшая Мартовской кошкой, читать сообщения, да и носит ли она с собой мобильник — но я об этом не беспокоился.

Для старшеклассницы телефон подобен злему духу...

Если ей доступна идея переодевания, то и зарядным устройством она смогла бы воспользоваться.

Если кому-то хватит воображения, можете в шутку представить, как она держала его между грудями.

— Хм... а ты быстро, Мартовская кошка. Поразительно, уложилась в полчаса. Ты и правда нечто.

— Ты ужасен, Арараги-кун.

Мартовская кошка бросила на меня взгляд.

Прожгла меня насквозь.

— Ты солгал и напугал меня — это плохо.

— Ха-ха...

Я рассмеялся.

Как злодей.

Как Асураман.

На моём лице появилась улыбка.

— Что такое? — угрожающе спросила девушка. — Кое-кто тут злится. Что смешного?

— А, понимаешь, — сказал я. Указал на кошку, Мартовскую кошку. — Ты спутала стиль речи... Ханекава.

Указал на Ханекаву Цубасу.

— ...

— Что такое, отличница? Разве Мартовская кошка не добавляла «ня» в конце каждой фразы?!

Кошка... Ханекава замолчала ненадолго, но в итоге сдалась и сказала:

— Ну ладно.

Так же, как и в самом начале.

— Или мне лучше сказать «ладно-ня» — хотя неважно. Когда ты узнал?

Она вела себя странно, в ней не чувствовалось вины или сожаления.

Точно.

Обычная Ханекава.

Ханекавистая Ханекава.

Ничего непохожего на неё.

Нет.

Никогда Ханекава не была чем-то, кроме Ханекавы.

Никогда она не была непохожа на Ханекаву.

Никогда она не переставала напоминать Ханекаву.

Никогда.

Значительная часть её сознания сохранилась... ничего подобного.

Раздвоение личности — не было никакого раздвоения.

Не было ни внешнего, ни внутреннего, ни чёрного, ни белого.

Если вывернуть наизнанку обратную сторону, получишь переднюю.

Тёмная сторона была настоящей Ханекавой.

Изменяй её, выворачивай её, она была собой.

Ханекава была Ханекавой.

Всегда и везде.

Все злые поступки.

Все шутки.

Всё это она сделала сама.

Как в сказке про Мартовскую кошку.

Её никто никогда не подменял.

Ханекава никогда не была одержима кошкой...

Если приглядеться, призрак окажется увядшей серебристой травой.

— Почему-то я понял это с самого начала. Я же всё-таки твой друг. Так что я не мог тебя спутать с кем-нибудь другим. Поэтому... я не мог понять.

Я выложил факты, не вкладывая в слова эмоций.

Почти монотонно.

Если бы я не говорил так, я бы не смог вести этот абсурдный диалог.

По-настоящему абсурдный диалог.

— Была ты одержима Кайи или поглотила его, ты всё равно осталась собой, Ханекава. Как будто твоя суть изменится, если изменится характер. Это ты. Ты сама. Если друг попросит у тебя помощи, ты бросишься спасти его — как кошка катает клубок, так и ты инстинктивно кидаешься к другу! Такая уж ты есть.

— Это...

«Это я».

«Правда?»

Ханекава осмотрела своё тело.

Её тело превратилось в Кайи.

Внешность чудовища.

— Точно. Хотя ты и зла на меня за обман, ты на самом деле вздохнула с облегчением? Тебе стало легче? Ты рада, что я не умираю, что меня не убивают? Ты рада, что сообщение было ложью?

— ...

— Поразительно добрая, поразительно сильная. Слишком добрая, слишком сильная. Настолько добрая, что даже жить тяжело. Настолько сильная, что продала душу Кайи. Настолько правая, что другим тяжело быть рядом с тобой. Я принимаю то, что ты хочешь поспорить с этим — я не понимаю, но принимаю. Но знаешь, Ханекава... знаешь, Ханекава... всё-таки, Ханекава, такая уж ты есть.

Неси эту ношу на своих плечах!

Возьми её на себя!

Не отпускай её!

Чёрт, я забыл о прошлом комментарии.

Я не смог говорить монотонно, сорвался на крик.

Я не смог не вложить чувств в слова.

Я не смог не поддаться буре эмоций.

Я не смог не признаться Ханекаве.

— Проживи всю жизнь такой! Никогда не меняйся! Никогда не становись кем-то иным, кем-то другим! Ты родилась такой, ты выросла такой, ничего с этим не поделаешь! Ты уже завершена, закончена — пусть бывшее останется в прошлом. Можно сказать, это часть тебя! Даже если ты будешь отрицать это, ты не можешь отменить того, что это было! Не жалуйся, ты можешь только выдержать и продолжать жить!

— Что ты говоришь, Арараги-кун?

Ханекава услышала мой крик.

Она была в замешательстве.

Она была озадачена.

Наклонив голову, она выдавила из себя улыбку.

Напряжённую улыбку.

Жалобно выдавила.

— Не носи чушь — мне тоже бывает тяжело. Я могу что-то сделать, но что-то и не могу. Я человек.

— Ты не человек, — я перебил Ханекаву. — Ты доверила это тело Кайи. Не называй себя человеком.

— Это очень жестоко, Арараги-кун, — сказала Ханекава, продолжая улыбаться.

Как будто упрекая меня. — Ты должен знать, почему я стала такой. Просить меня продолжать так жить — очень жестоко. Слишком жестоко. Арараги-кун, пожалеешь меня?

— Нет.

Я ответил Ханекаве также, как ответил Ошино.

— Ты не знаешь своего настоящего отца, твоя настоящая мать покончила с жизнью, тебя кидало между семьями, в итоге ты оказалась с родителями, не связанными с тобой по крови, с кем ты не смогла создать семейных отношений. Ты росла в холодной семье, но заставляла себя быть нормальной, и из всего, что ты делала, это у тебя получилось — ты жила без проблем, как будто на военном положении, вот уж невезение! Тебе так не везёт, в смысле, ты такая несчастная! Но всё равно — даже такое нормально!

Это нормально!

Нормально!

Прекрати быть такой серьёзной!

— Всё хорошо, не думай об этом! Не беспокойся об этом! Ты не обязана думать о плохом просто потому, что ты несчастная, не нужно унывать потому, что не чувствуешь себя благословенной! Улыбайся, даже когда случается что-то плохое! Такой человек, как ты! Такой человек, как ты, после этого должен сделать вид, будто ничего не случилось, и вернуться домой, а потом жить со своими отцом и матерью, вернувшимися из больницы, такой же жизнью, как и раньше, без всяких изменений! Гарантирую, за всю свою жизнь, ты так и не поладишь с ними! Даже если в будущем ты станешь счастливой, это ничего тебе не даст, неважно, насколько счастлива ты будешь, плохое прошлое не исчезнет! Ты не сможешь заставить его исчезнуть, оно на тебя повлияет! Неважно, что ты будешь делать, неважно, что случится, несчастья будут копиться в твоём сердце вечно, всю твою жизнь! Ты будешь помнить, даже когда забудешь, мечтая всю жизнь! Ты будешь продолжать видеть кошмары все наши жизни! Мы будем видеть их — это факт, так что не убегай от реальности! Можешь играть с пешеходами или бегать в белье, но даже если ты выпустишь толику стресса, реальность не изменится!

— Не изменится...

Не изменится.

Не мутирует.

Не трансформируется.

Даже если ты наденешь маску, даже если наденешь кошку.

Даже если превратишься в Кайи — не изменится, не мутирует, не трансформируется.

Ты — это всё ещё ты.

— Мне вообще тебя не жаль, — повторил я.

Сказал так, будто требовал ответ.

Обвинил Ханекаву Цубасу.

— Разве не ты спасла меня? Если ты пошла по кривой дорожке, что мне делать?

Не делай из кошки повода.

Не пользуйся Кайи как предлогом.

Не делай вид, что чудовище было случайностью.

Не пользуйся несчастьями как топливом для взросления.

Даже если ты это сделаешь, в итоге только навредишь себе.

Кайи... его же на самом деле нет.

Кайи нет.

— Если ты говоришь, что хочешь высвободить свой стресс, я возьму это на себя. Я буду лапать тебя за грудь, когда ты захочешь, я буду смотреть на тебя в белье, когда ты захочешь. Поэтому — тебе нужно выдержать это.

У меня всегда будет на тебя время.

Потому что мы друзья.

Она молча выслушала моё предложение.

Ханекава Цубаса.

— Арараги-кун, ты ужасен.

«У меня голова болит, — сказала она. — Арараги-кун, даже если ты станешь звездой, героем тебе не бывать».

— Я не могу стать звездой, — я покачал головой. — Только вампиром.

[illegible]

Может быть, меня рассекли её когти, может, пронзили её клыки, или же она протаранила меня.

Всё-таки кошка может атаковать только так — и ни одна из этих атак не смогла бы рассечь человека надвое.

Однако Кайи так дела и вели.

Удар в грудь вместе с болевым шоком, настолько сильным, что моё сердце чуть не остановилось, — моё тело было разрублено надвое, и со скоростью, сравнимой со скоростью синкансена, спина ударилась о стену.

Вот так.

Как в тот раз, когда Усуи-сан получил удар Гатоцу Зеросики, или в последние мгновения Фризер-сама, когда он сражался с супер-сайяном, что-то в этом духе.

Моя нижняя половина осталась стоять на том же месте, а я соскользнул по стене класса, в которую врезался, и упал на пол.

Ох.

Слишком низко.

— Ой.

Чувство боли начало работать с задержкой.

Глядя на разорванный бок, из которого вытекали мои органы, хлюпающие и блестящие, — боль, как будто издеваясь, пронзала всё моё тело, а не только рану.

— О-о-у-у-у.

— А-А-А-А-А-А-А-А-А!

Однако в маленьком классе раздался вопль, мешающий мне остаться с болью наедине.

Похож был на крик кошки в яме.

Её вой стёр всё.

— Ня...НЯ-Я-Я-Я-Я-Я-Я-Я-Я!

А-А-А-А-А-А-А.

Как будто отсутствие звука в момент удара было обманом.

Этот крик, казалось, можно было услышать по всему городу, крик, который мог разлететься по всему миру — и он принадлежал Ханекаве.

Нет.

В данном случае — Мартовской кошке.

Агония Кайи.

— А-арараги-кун! Что! Что ты... со мной сделал?!

Я увидел Ханекаву, лежащую на полу также, как я, спрашивающую меня вперемешку с криками. Вопрос в такой момент был знаком великого любопытства — но ответ был очевиден.

Я указал пальцем.

На мою нижнюю половину, продолжающую стоять.

— Что...

Ханекава лишилась дара речи.

В самом деле лишилась, потому что из нижней части моего тела, как замена позвоночнику, торчал японский меч.

Японский меч.

Разумеется, это был демонический меч Кокороватари.

Убийца Кайи.

— Ты... ты приготовил катану.

— Да. Проглотил её заранее — как какой-нибудь старомодный фокусник.

Как маленькая девочка-вампир.

Хотя девочка-вампир делала это иначе — используя свои способности, она превращала себя в ножны, я же просто запихнул катану в рот, как сваю, провёл её через живот вдоль позвоночника, через левую ногу и воткнул в пол.

Короче говоря, вертел.

Это было бы невозможно, если бы я не был вампиром — и даже тогда бесконечная регенерация, пока тебя убивает Кокороватари, была настоящим адом.

Поэтому я ждал Ханекаву стоя. Катана шла вдоль позвоночника, так что я не мог сесть. Если спросите, зачем я сделал то, что могло с адской болью убить меня, болью настолько сильной, что я почувствовал облегчение, когда меня разрубило надвое, — затем, чтобы спрятать Убийцу Кайи.

Чтобы спрятать её внутри своего тела.

И чтобы заставить Ханекаву расслабиться и неосторожно атаковать меня.

Можно сравнить это с набиванием боксёрской груши битым стеклом — Ханекава не удержалась и ударила её.

Поскольку это была бессмысленная стратегия, как и тогда, когда я лишился руки, спровоцировать её было сложно.

Мне правда жаль, что я наговорил кучу непристойных вещей, вроде того, что я хочу лапать её грудь или увидеть её в одном белье.

— ОХ, УХ, А-А-А-А-А! Но! Но... Арааги-кун, боль...

— Да. Ты сама не ранена, — сказал я. — Меч в моём теле называется Убийца Кайи. Я позаимствовал его у вампира. Это демонический меч, способный ранить лишь Кайи. Он ранил не тебя, а Мартовскую кошку в твоём теле.

Ханекава скрючилась и схватилась за правое запястье — судя по этому, она разорвала меня ударом правой руки.

Но на правой руке не было раны.

Естественно.

Он не ранил людей — Убийца Кайи резал лишь Кайи.

Убийца Кайи убивал лишь Кайи.

Это было одной из характеристик Мартовской кошки, из-за которой Ошино было так тяжело, — поглощением энергии, превращавшее царапины в смертельную рану.

Слабость.

Обморок.

Не будет таких жалких эффектов.

Спасения нет.

Убивает Кайи одной царапиной — в этом весь демонический меч Кокороватари.

— Ч-что?!

После моего объяснения на лице Ханекавы сложилось выражение искреннего удивления.

— Откуда вообще взялся этот нелепый меч?

— Ага. Ты никогда о нём не слышала.

Потому что я тебе не рассказывал.

Я узнал об Убийце Кайи прямо от девочки-вампира. Нет ни легенды, ничего — только тайный разговор.

История, рассказанная на весенних каникулах.

На крыше этого здания, наедине с девочкой вампиром в её высшей форме.

Время, проведённое вместе.

Воспоминания о беседе с Киссшот Ацерола Орион Хартандерблейд, одно из немногих сокровищ среди воспоминаний о том аду.

Поэтому я никогда не говорил об Убийце Кайи.

Даже тебе.

— Даже такой специалист, как Ошино, лишь недавно узнал, что она владела таким невероятным мечом. По-настоящему превосходящая человеческое знание катана.

— И Ошино-сан...

«Не знал о нём».

Ханекава застонала.

Ханекава не смогла скрыть замешательства. Я продолжил.

С гордостью.

— Если бы ты знала о существовании такого смертоносного артефакта, ты бы не заглотила столь примитивную наживку — любой бы догадался про ловушку с катаной, спрятанной в теле. Столь банально и примитивно, что даже стратегией назвать нельзя.

И Ханекава купилась на это.

Легко, бездумно.

С первой же попытки.

Потому что она не знала о ней.

Потому что... она не знала о ней.

— Ну, с другой стороны, это было лишь предположение — потому что ты могла узнать о существовании катаны не от меня. Радуйся, Ханекава — даже ты не знаешь всего.

— ...

— Даже ты не знаешь всего, — сказал я, слабо дыша. — Поэтому не делай вид, что ты знала всё и потеряла надежду — сдохни, сказала ты, такая как я должна сдохнуть. Не говори такого, прекрати бегать от реальности. Ты тоже многого не знаешь! Вот почему! Я не знаю всего, я знаю то, что я знаю — ты так говоришь! Скажи мне это ещё раз, как всегда!

Кашель.

Мои последние слова смешались с потоком крови.

Огромный объём крови из живота и рта. С уличных фокусов я переключился на магию воды.

Не время для скучных шуток.

Я умирал.

И умирал жалко.

Я уничтожил Мартовскую кошку одной царапиной, но для этого нужно было получить удар, который пронзил бы меня насквозь (хотя я не ждал, что она оторвет верхнюю половину тела от нижней).

И, как и в случае с левой рукой, атаку Мартовской кошки сопровождало поглощение энергии, так что исцеление вампира не работало.

Более того, не было никаких намёков на регенерацию ниже моей груди — только кровь и внутренности бесконечно лились наружу.

Я бы мог силой присоединить нижнюю половину, пронзённую мечом, но в моём положении, это было невозможно.

Во-первых, когда я проглотил клинок и когда оторвало мою верхнюю часть, Убийца Кайи тяжело ранил меня, а я даже не заметил, насколько тяжела была рана. В любом случае, там уже началась регенерация бессмертного и неубиваемого вампира.

Я умирал.

Я умирал, сражённый рукой Ханекавы.

Я умирал ради Ханекавы.

Я на самом деле был счастлив.

— ...

Конечно, я понимаю.

Я понимаю, что мои действия — это действия необычайного барана. Это очевидно.

Бесполезно.

То, что я сделал, — ужасно бесполезно.

Используя Убийцу Кайи, я могу изгнать Мартовскую кошку — но ничего более.

История закончится, проблема останется.

Стресс, висящий на Ханекаве, никуда не денется — также, как и проблемы в её семье.

Мартовская кошка будет уничтожена, вот и всё.

Иными словами, мы вернёмся туда, где были до Золотой Недели.

Эксперимент кошки по нападению на пятьсот людей ничего толком не изменит — хотя, возможно, это хоть немного поможет.

Если бы это сработало, Ошино и не проиграл бы сотню раз. Он бы всё закончил в первом бою. Плоды компромисса — я уверен, его второе предупреждение было именно таким.

Столкнуть ответственность на Кайи и отменить случившееся.

Иными словами, пойти неправильным путём — выключить питание на секунду, и попытаться начать с точки сохранения.

Мистер Резетти⁶ из Animal Crossing разозлился бы на меня.

Трусливый, временный метод.

Импровизация в самом настоящем смысле⁷.

Но это хорошо.

Я не собираюсь спасать тебя, Ханекава.

Помешать тебе стать убийцей? Помешать тебе убить собственных родителей? Теперь это просто оправдания.

Я хочу умереть ради тебя, без всякой великой цели.

Вот и всё.

А, точно. Есть ещё одна вещь, как бы сказать.

Хм... ну, нет, я уже сказал всё, что хотел.

Точно.

Да. Всё так, как я и говорил.

Держись.

Держись.

Ты многое можешь сделать, многое — ненавидеть, и даже после этого их останется много — держись.

Держись, будь счастлива.

Я умру, но я Кайи, чудовище, вампир, так что моя смерть за убийство не считается. Просто забудь меня побыстрее.

Теперь сама по себе добейся успеха.

— Ох...НЯ-Я-Я-Я-Я-Я-Я-Я-Я-Я!

В тот миг, когда я с самодовольным видом закрыл глаза, начался изумивший меня феномен.

Тело Ханекавы продолжало превращаться.

Всё ближе к кошке — руки и ноги покрылись белым мехом.

Клыки и когти снова стали аномально длинными.

Теперь она была похожа не столько на кошку, сколько на белого тигра.

— НЯ-Я-Я-Я-Я-Я-Я-Я-Я-Я!

— ...

Прежде, чем свеча догорит, пламя разгорается ярче — точно также проявлялась сущность Мартовской кошки.

Настолько сильно, что она могла захватить Ханекаву.

Хоть она и была мелкой рыбёшкой, низкоуровневым чудовищем, она всё равно оставалась настоящим Кайи.

Умиравшая кошка теперь разрывала, насиловала разум Ханекавы.

Разъярённая болью от раны, она царапала Ханекаву.

Из-за того, что демонический меч отделил Ханекаву от Мартовской кошки, их союз начал распадаться.

— А-А-А-А!

— НЯ-Я-Я!

Крик Ханекавы мешался с визгом кошки.

Они перекрылись и синхронизировались.

Я не мог спокойно умереть под аккомпанемент их криков.

— Что ты делаешь, кошка?

Это неправильно.

Что ты будешь делать, если навредишь Ханекаве?

Ты забыла, зачем вселилась в Ханекаву — почему ты позволила Ханекаве поглотить себя?

Или твоя кошачья память просто не сохранила этих воспоминаний.

Это было не кошачье желание.

Это не было *ни похоже, ни непохоже на тебя*.

Ты так беспокоилась о Ханекаве, так сильно, что протянула ей кошачью лапу⁸ помощи, потому что *она не жалела тебя*, даже когда ты лежала на дороге.

Она подчинилась правилам, морали.

Абсолютно безэмоционально.

Ты так сказала, и это правда — но это не всё.

Даже в моём случае, когда я стал слугой вампира и перестал быть человеком, Ханекава вообще меня не жалела.

Она не жалела меня, она не пощадила меня.

И она не сочувствовала мне — и *не смотрела на меня сверху вниз*.

Она смотрела на меня как на равного.

Точно, Мартовская кошка.

Умрём мы на улице, или станем слугами вампира...

— Мы не *жалкие*!

Я знаю.

Это не каприз.

И не возвращение долга.

Ты стала слишком похожей на Ханекаву — и вот почему.

Почему ты должна отпустить её.

Остановимся.

Прямо сейчас.

Прошу, остановись.

Услышь мою просьбу.

Если это продолжится, я умру не ради Ханекавы.

— Глупый слуга. Если столь грубо отключить питание, естественно, машина сломается.

Внезапно у меня начались слуховые галлюцинации.

Слишком больно.

На грани смерти я начал слышать всякое.

И это был даже не мистер Резетти.

Слуховая галлюцинация, в которой *она* ругала меня.

— ?!

Более того, слуховые галлюцинации — самый правильный термин, потому что в тот же миг я заметил, что она появилась над моей головой, настолько внезапно, что вопрос был не в том, сколько она там была, а в том, была ли она там вообще даже сейчас. Неопределённая сущность, Кайи — но она молчала.

Эта мучительная... нет.

Эта демоническая девочка.

Тень бывшей Киссшот Ацерола Орион Хартандерблейд, златоволосая, златоглазая маленькая девочка.

Она не могла говорить.

— Если бы ты был также хорош, как Мусаси Миямото, ты мог бы пользоваться веслом вместо меча. Но ты — полная противоположность. Как абсурдно ты обошёл с моим мечом.

Ты приготовил из Кайи сашими.

Я думал, эта разговорчивая галлюцинация продолжится, но с хлопком, абсолютно безумным движением, она оторвала собственную левую руку. Как будто это была часть пластиковой модели. Конечно же, её рука не была частью пластиковой модели, так что из раны полилась тёмно-красная кровь.

Эта картина напомнила мне меня самого восемь дней назад. Девочка-вампир взмахнула своей левой рукой, держа её правой, и облила моё тело своей кровью.

— !..

Как я уже говорил, кровь вампира обладает исцеляющими свойствами — более того, это была кровь девочки-вампира, когда-то бывшей чистокровным благородным вампиром.

Эффект был мгновенным — из раны в животе, как хвост ящерицы, отросла нижняя половина тела.

В то же время, в центре комнаты, моя нижняя половина, пронзённая демоническим мечом, исчезла, будто бы испарилась, оставив лишь одежду, обувь и демонический меч Кокороватари.

В любом случае, как я мог так восстановиться, когда она должна быть тенью себя... понятно.

Я сразу нашёл ответ на свой вопрос.

Во время Золотой недели я как-то умудрился перекормить её кровью — перестарался, находя разные предлоги для того, чтобы напоить её. Даже после того, как я получил катану, я заставил её выпить ещё. Не для того, чтобы выразить благодарность, а в качестве прощального подарка — и вот почему.

Вот почему сейчас происходит то, что происходит.

Именно по этой причине.

Она вернула себе слишком много вампирских сил.

Не так много, как на весенних каникулах — но вполне сравнимо.

Столько, что поглощение энергии Мартовской кошки было ей безразлично.

Я просчитался.

Я слишком полагался на интуицию, когда поил её — я переборщил с оценкой, крови оказалось слишком много.

— В самом деле, как всегда видишь только то, что прямо перед твоими глазами, слуга. Ты заставил меня жить — не думай, что я позволю тебе умереть.

«Глупец», — сказала она.

Сказала, не пытаясь скрыть неудовольствия.

Сказала без своей пугающей улыбки.

— Я покажу, как это нужно делать, узри же. Смотри, как нужно пользоваться Убийцей Кайи.

Это была последняя слуховая галлюцинация.

С самого начала я не мог ничего слышать.

Я только представил, что она мне это сказала.

Эгоистичное, чрезмерно оптимистичное желание.

Однако слуховые галлюцинации вполне хороши.

Слуховые галлюцинации — это отлично.

Если, конечно, эта девочка сейчас не была оптической галлюцинацией.

Она была здесь.

Она пришла ко мне.

Этого было достаточно — у меня из глаз полились слёзы.

— У... ня?

Девочка-вампир молча — также молча, как до этого момента, медленно приближалась к Мартовской кошке с видом короля, хотя она была лишь маленькой девочкой. По пути она мимоходом захватила демонический меч, торчавший в полу, и, будто бы не нуждаясь в нём, спрятала его в своём теле одним движением.

Не благодаря никого за еду.

Она вцепилась в шею кошки.

Начался обед.

У Мартовской кошки и так хватало забот с болью от пореза, у неё не было сил на то, чтобы стряхнуть её. Поглощение энергии начало работать в тот момент, когда клыки впились в её тело — но это не помогло.

Как будто поглощение энергии помогает против вампира.

Неважно, сколько энергии она высасывала, эта энергия тут же возвращалась.

Казалось, будто они поглощали друг друга, но разница в их способностях была слишком велика.

Красивый белый мех, начавший покрывать всё тело, медленно исчезал — Кайи Мартовская кошка, только Кайи, поглощался.

Его поглощала девочка-вампир.

Поглощался *стресс Ханекавы*.

— Всё хорошо... — пробормотал я.

Не желая вставать даже с восстановленным телом, я говорил, будто читал монолог.

Но это был не монолог.

Эти слова были обращены к Ханекаве.

— Всё хорошо, Ханекава. Мы оба не на должной высоте... мы невероятно несчастны, до смешного недооценены, сломаны настолько, что бесполезно нас чинить, но... мы будем такими всю жизнь, но это даже хорошо!

Не имея никакого к ней отношения, девочка-вампир исчезла, не оставив и тени себя. В классе были только я и Ханекава.

Кошачьи уши исчезли, волосы почернели.

Отпущенная девочкой-вампиром Ханекава стала такой, как раньше. Лёжа на полу, как будто спала, всё ещё в белье...

— И в каком месте это хорошо?.. — сказала она, как будто ей снился кошмар.

Ох.

Ты права.

Всегда права.

В любом случае, счастливые, будто в мечте, залитые кровью, как в кошмаре, безумные, словно в вещем сне.

Мы смогли временно решить проблему.

Примечания

1. Персонаж Lupin III.
2. Термин, используемый в женской гимнастике. В 1964 году советская гимнастка на Олимпиаде выполнила крайне сложное упражнение, названное Ультра-С.
3. Ханекава и Мартовская Кошка говорят по-разному. Здесь используется манера речи Ханекавы.
4. Арараги говорит о китайском названии. В Японии это называется «игра в демона».
5. «Мудрец всегда оставляет часть талантов про запас».

6. Мистер Резетти — крот, чья роль в игре — напоминать игрокам сохранять себя перед выходом из игры и ругать их, если они этого не делают.

7. В японском, импровизация = тёща+сын, ссылка на Ханекаву, не связанную с родителями по крови.

8. В японском есть выражение о ситуации, в которой ты будешь рад даже кошачьей лапе помощи.

Послесловие или, лучше сказать, кульминация.

Наконец, всё закончилось, закончилось в финале — развязке на этот раз.

На следующий день, как обычно, мои сёстры, Карен и Цукихи, выгнали меня из кровати, и я проснулся — ну, в тот момент я не столько спал, сколько был мёртв, так что можно сказать, они воскресили меня, а не разбудили.

Кстати, как и ожидалось, с третьего по седьмое мая Огненные Сёстры, Карен и Цукихи носились по городу, чтобы покончить с суматохой, вызванной Мартовской кошкой, — но в итоге за всё время Золотой недели они не смогли поймать её за хвост.

Естественно, они же гонялись за бесхвостой кошкой.

Я, правда, хотел спросить: «Чем вы занимались, пока я на коленях стоял?», но, похоже, их ничего не могло остановить, и даже сегодня они продолжали искать её. Как хотите. В этот раз я не останавливаю вас. Таков закон мира — законченную историю повторяют и передают.

Я быстро позавтракал, сел на велосипед и уехал. Поскольку я ехал в школу, то взял не горный велосипед, а бабушкин.

Но перед школой я должен был заглянуть ещё в несколько мест.

Так что я вышел пораньше.

Первым делом я поехал туда, где мы с Ханекавой хоронили белого кота, на его могилу — могилу, которая, по словам Ошино, была пуста.

Поскольку я не был знаком с районом, мне понадобилось довольно много времени, но я всё-таки нашёл то место без особых проблем — но...

Как бы сказать, когда я её раскопал маленькой лопаткой, которую привёз с собой... когда я осквернил могилу, он был похоронен.

Труп кошки.

Останки скучной серебристой кошки лежали в земле.

Могила не была абсолютно пуста.

Запах разложения вырвался наружу, это был настоящий труп.

— Хм.

Хотя я и сказал «но», это было нечто, что я мог понять — это было очевидно.

Ничего удивительного.

Вопрос в том, знал Ошино или нет.

Возможно, я просто не смог нормально объяснить ему, как сюда добраться. Ошино ошибся, раскопал не то место, и ошибся, думая, что тело пропало, — даже он не был всесилен, иногда ошибался.

Я уверился в этом, и во второй раз покрыл труп землёй, снова похоронив его.

Я соединил руки и помолился.

Пожелал ему счастья в следующем мире.

— А теперь...

Следующим местом, в которое я направился, было заброшенное здание, бывшая школа — поскольку на поиски могилы ушло много времени, я торопился.

С другой стороны, это было несрочно, но прошлой ночью я не особо думал о моём состоянии, так что и разум мой был в другом месте, но я хотел поблагодарить девочку-вампира как можно скорее.

Я хотел даже погладить её по голове.

В знак послушания — хотя я бы так это не назвал.

И всё же я подумал, она позволит мне сделать хотя бы это — я подумал, она точно позволит мне поблагодарить её.

— ...

Мои ожидания по большей части не оправдались.

Чувство всесилия, свойственное в эпилогах взгляду свысока, здесь было неприменимо.

Когда я прибыл в школу и нашёл её в классе на первом этаже, на девочке был надет загадочный шлем с очками, вроде тех, которые надевают, когда ездят на мопедах.

Я не мог погладить её по голове.

— Девочка-вампир меня достала. Всё-таки это она разрешила проблемы с кошкой, так что я сделал ей подарок, — объяснил Ошино.

Что?

— Это даже не неоправданные ожидания... это была мимолётная надежда.

Я даже поблагодарить её не могу.

В смысле, вместо того, чтобы пойти на лад, в наших отношениях обнаружилась преграда.

Впрочем, ничего не поделаешь.

Теперь, когда я об этом думаю, я уверен, что голос, который я слышал, был галлюцинацией.

И в самом деле, она не пыталась прятать своё смущение и не строила из себя цундере. Она не спасала меня.

Наверное, она затаила обиду на Ханекаву из-за того, что случилось на весенних каникулах, наверное, она защищала меня, как источник еды, наверное, она возвращала должок за то, что я дал ей съесть все десять пончиков «Мистер Донат» — вот и всё.

Она была намного капризнее кошки, назвать это капризом будет наиболее верно.

Ну и ладно.

Капризы — часть твоей силы.

А моей целью станет по-настоящему услышать ту слуховую галлюцинацию, погладить тебя по голове и расчесать твои красивые золотые волосы.

Однажды мы поймём друг друга.

Без стен, разделяющих людей и Кайи.

— Удивительно, она дала тебе свой демонический меч, а потом и спасла тебя — хотя только ты сам можешь спасти себя. Ха-ха. А я уже посчитал, что вам со старостой-тян ничем не помочь.

— ...

Он так просто говорил такие холодные слова.

Я задумался, насколько серьёзен он был — думаю, в данном случае он был абсолютно серьёзен.

Ладно.

В этой холодности его очарование.

— Настоящее чудо, что такой план сработал — я не говорил это, потому что не хотел пугать тебя, но поскольку староста-тян сама превратилась в Кайи, демонический меч мог бы и убить её.

— Э?! Что ты сказал?

Я думал, у меня было разрешение специалиста!

Что за чёрствое сердце!

— Если бы староста-тян *в самом деле* была в трансе, это было бы очень опасно.

— ...

Думаю, Ошино не мог этого не заметить.

Особенно если ему так тяжело было драться с ней.

— Кстати, Ошино. Я оставлю дела тебе, потому что не хочу мешать, но... Ханекава в порядке?

— Хм?

Он включил дурачка, наклонив голову.

Это было последнее, что я должен был сделать, прежде чем пойти в школу — я хотел убедиться хотя бы в этом.

— Она в порядке. Я гарантирую это — староста-тян не помнит ничего, что случилось на этой Золотой неделе. Она потеряла все воспоминания Чёрной Ханекавы.

С этими словами Ошино театрально вставил незажженную сигарету в рот.

— Чёрная Ханекава? Что это?

— Я говорю о старосте-тян *в том состоянии*. Несколько неверно называть её Мартовской кошкой — новому виду нужно новое имя. Современное чудовище, Чёрная Ханекава.

— У тебя вообще нет вкуса в выборе названий.

Ругая его, я подумал, что это имя было очень подходящим.

Вопрос не в том, соответствуешь ты имени или нет.

Имя идеально выражало суть.

Тёмно-чёрная.

Не потому, что носила чёрное белье — ну, и поэтому, конечно, тоже, но в первую очередь...

Чёрная-чёрная-чёрная...

Сущность темнее тьмы, несомненно, была Ханекавой Цубасой.

— Новый вид, хм... впрочем, *она сама так сказала*. Короче говоря, это настоящее раздвоение личности, не связанное с Кайи.

— Хм. Нет, не совсем. Это был настоящий Кайи. Вот как было дело, — очень категорично сказал Ошино. — Потом я проводил её домой, пока она толком ничего не соображала... по пути я многое узнал.

— Не столько ничего не соображала, скорее вообще без сознания была.

— Именно. А если бы было не так, я бы ничего из неё не вытянул. Это было что-то вроде сеанса гипноза.

Иными словами, основная работа Ошино.

— Сбор историй Кайи.

— Ага. Новый вид Кайи в эпоху технологической цивилизации — огромная редкость, поэтому я хотел услышать историю от неё самой. Кроме того, я выдал ей счёт за свою работу, сто тысяч иен.

«Она ничего не помнит, так что я не уверен, что мог требовать с неё деньги», — шутливо добавил он.

Сто тысяч иен — как-то маловато по сравнению с моим делом... но в итоге, как и сказал Ошино, это дело во многом разрешилось благодаря маленькой девочке-вампиру, так что цена была подходящей.

Возможно, это были просто необходимые расходы.

— И что же ты узнал?

— Ну, это только теории, построенные на услышанном, но, похоже, сначала кошка и правда была Мартовской кошкой. Однако её феномен закончился мгновенно.

— Закончился?

— В тот момент, когда она впервые выпила энергию из родителей, в тот момент, когда она дотянулась до ближайших людей, похоже, сознание старосты-тян вернулось. Думаю, это потому, что её желание исполнилось.

— Её желание...

Её желание. Желание Ханекавы Цубасы.

Жестокое восстание против своих родителей.

— Однако кошка мгновенно и вернулась. Нет... правильнее будет сказать, староста-тян сама захотела, чтобы кошка, готовая уйти, вернулась, и она ещё раз стала её носителем. Она стала носителем вселяющегося духа, Кайи, который должен был суметь отказаться, отпустить её. Он не закончился, продолжился. Я повторю свои же слова — Мартовская кошка идеально подходила старосте-тян. Настолько идеально, что не могла её отпустить. Короче говоря, она

была очарована кошкой — их чувства достигли друг друга, и в тот момент родился новый Кайи, Чёрная Ханекава.

— А потом злые поступки посыпались один за другим, ха.

Поглощение энергии, чтобы сбросить стресс.

Ночь за ночью, как маньяк.

Как безмозглое животное, она нападала на людей.

Конечно же, на поглощение энергии родителей была веская причина — но потом не было ничего.

Ничего такого.

Если бы я спросил: «Зачем?», Ханекава точно сказала бы что-то в духе:

— У меня плохое настроение, вот и всё.

— Потому что я расстроена.

Смешно.

Когда она пала жертвой Кайи, она была порядочной, когда она удержала его — она стала злой. Всё же, это и значит быть человеком.

Ханекава Цубаса была человеком.

— Как в той пословице про кошку, которую наказывают за то, что она облизывает тарелку¹. Много в чём повинна Ханекава... слушай, Ошино. А если бы она продолжила нападать на людей, смогла бы Мартовская кошка — в смысле, Ханекава, нет, Чёрная Ханекава, смогла бы она сбросить весь стресс и исчезнуть?

Мой вопрос в то же время был вопросом о моих действиях.

Как бы сказать, я не мог избавиться от впечатления, что я сделал нечто ненужное и глупое.

Я влез туда, куда не следует, это был эгоистичный и ненужный поступок.

Я не мог не сожалеть о том, что встал на пути Ханекавы.

— Нет... разве я не говорил? Если бы она продолжила носить в себе кошку, она бы исчезла. Единственным выходом было убить кошку. Если бы можно было сбросить стресс через насилие, не было бы проблем. С моей точки зрения, в ней накопилось слишком много всего. Стресс нужно принимать дозированно. Превращение старосты-тян в Чёрную Ханекаву, её буйство — можно сказать, всё это именно из-за того, что она избавилась от стресса, вызванного родителями.

— Что? Но...

— Как растяжение. Если ты не будешь поддерживать столб, он упадёт — будучи свободнее всех, ты чувствуешь себя неуютнее² всех. Даже если мы забудем об этом, полагаться на Кайи для снятия стресса — это перебор. Ты поступил правильно.

— Ага...

Прав даже тогда, когда не должен быть.

Что и для кого правильно — вопрос очень субъективный.

Конечно, я мог быть прав.

Однако это не значит, что неправа была Ханекава.

Она просто была чёрной и злой.

Хоть и чёрная...

Нельзя сказать, что она не была серьёзна.

Нельзя сказать, что она не была чистой.

— И так Чёрная Ханекава несла воспоминания, неудобные для Ханекавы, — и правда, полезный Кайи.

— Не столько несла — она заняла её место. Как сообщник. Это Кайи, созданный Ханекавой — естественно, для неё он удобен. Созданный тобой персонаж, идеальный для тебя.

Впрочем, не думаю, что забыть — это всегда хорошо, — добавил Ошино.

— Похоже, в результате интенсивного поглощения энергии родители забыли, что на них напала их собственная дочь — как будто закрыли на что-то неприятное глаза. Но это что-то никуда не делось.

— Никуда не делось, хм.

Трение и напряжение.

Домашнее насилие и отказ от родительских прав.

Всё и ничего.

Никуда не делось — не окончившись, оно всё ещё там.

И всё же я думаю, что сейчас ситуация стала лучше — хорошо, что она забыла.

Если забыл себя, лучше забыть своё сердце.

Просто верь, что на Золотой Неделе тебя покусала собака... кошка, думай, что всё это тебе приснилось.

Сделай вид, что ничего не случилось.

И забудь.

Но забудешь ты или будешь помнить — сделанного не воротить. В любом случае, ничего не изменилось.

— Идеальный для тебя персонаж. Прямо как Кайи, о котором я думал.

— О да. В точку. Даже ты в детстве представлял своего идеального супермена.

Промахнулся поколением.

У меня был личный стенд³.

— Не умея ничего, кроме как мечтать о герое, который придёт и спасёт её, староста-тян создала его внутри себя.

— Если так рассуждать, похоже на раздвоение личности.

— Не совсем, но, по сути, я специально сказал, чтобы так казалось. Потому что лучше так думать — Кайи, вообще говоря, такие существа.

— Такие существа?

— Это не совсем верно, но поскольку в неведении нет счастья, мы предпочитаем думать, что это было действие духа — сваливаем вину. Староста-тян взбесилась, потому что сломалась под тяжестью вызванного семьёй стресса. Но вместо того, чтобы прийти к этому заключению, мы говорим, что виноват Кайи, Мартовская кошка, Чёрная Ханекава, раздвоение личности, *мы предпочтём так думать*, потому что так легче.

— Мы предпочтём... так думать.

Фраза, не свойственная нейтральному Ошино, которая шла против его принципов. Однако в этот раз он в чём-то смог с ней согласиться. Вероятно, он думал, что как профессионал не справился со своей задачей.

Иными словами, не столько согласился — просто она была уместна.

Вот и кульминация⁴.

Нелогичная и удивительная.

— Какая-то серая концовка, не чёрная, но и не белая.

Какая игра на слове кульминация.

— Ничего не поделаешь. Такую концовку целиком и полностью выбрала староста-тян. Нас не спрашивали. Так что я постараюсь остаться с тобой на связи даже после этого.

— Уж постарайся...

Предпочтём так думать, хм.

Ища героя, Ханекава нашла его в себе — я не смог стать её героем ради неё, я смог сделать только это.

Ага.

Я не смог даже умереть ради Ханекавы.

— Ошино. Ты говоришь, это новый вид Кайи, но, кажется, Ханекава уже долго одержима духом под названием семья, — сказал я.

Случайно.

Просто так, озвучил случайную мысль.

Попытался сказать:

— Не кошкой или демоном...

— Семей. Но для старосты-тян родители не были семьёй.

— Именно поэтому.

Семья была для всех чем-то естественным, как Карен и Цукихи были естественны для меня, а для неё это было лишь видение — не девять дней Золотой Недели, не 15 лет, а с рождения — она была одержима семьёй.

— Для Ханекавы семья была чем-то вроде Кайи, как мне кажется.

— Не уверен, — отрицательно покачал головой Ошино. — В реальности семья довольно утомительна. Есть переходный возраст, да и настоящий отец может быть бездельником... вот скажи, Арааги-кун, ты сможешь нарисовать карту Японии?

— Что?

Я был озадачен.

О чём этот взрослый говорит?

Он вообще меня слушал?

— Ну, могу. А к чему это вообще?

— Многие японцы смогут нарисовать карту Японии — но я думаю, за это стоит благодарить прогноз погоды. Смотря прогноз, японец может выучить форму Японии.

— А...

Хм.

Если подумать, когда я рисую карту Японии, я представляю именно карту из прогноза погоды.

— Согласен, так и есть. Прогноз погоды ты видишь чаще, чем атлас. Но что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что ты глубоко заблуждаешься, если думаешь, что знаешь Японию, потому что видел её в прогнозе погоды, — сказал Ошино.

«Не строй из себя эксперта, когда почти ничего не знаешь», — кажется, он это хотел сказать.

Понятно.

— Кстати, Кайи, воплощающий концепцию «семьи», уже существует — то, что тебе пришло в голову, люди прошлого придумали задолго до тебя, Арараги-кун.

— Ага. Прости, я лжеучёный, — я пожал плечами, — И всё же неважно, что она делала, когда стала кошкой — если я думаю о ней как о Ханекаве, мне в голову приходит куча мыслей.

— Почему бы тебе не жениться на ней? — предложил Ошино.

Осмелился предложить.

— Что?

— Я говорю, почему бы тебе не жениться на старосте-тян? Тогда ты подаришь ей семью, которой у неё никогда не было.

— Ну...

Ты как-то легко воспринимаешь свадьбы.

— Несмешная шутка, Ошино.

— М-да? А по-моему, отличная идея. Считай, что это способ вернуть должок за помощь на весенних каникулах. По-моему, хорошая сделка.

— Знаешь, даже у Ханекавы есть чувства.

— Конечно есть, — безразлично сказал Ошино своим обычным шутливым голосом. — Именно потому, что у неё есть чувства, она была одержима.

— ...

— Потому она стала жертвой и преступником.

«И Кайи», — сказал Ошино.

— Ну а твои чувства?

— Мои... чувства?

— Я был уверен, что ты влюблён в старосту-тян.

— Не говори ерунды, — мои губы растянулись в широкой улыбке.

Да....

Это крутая сцена, где ты улыбаешься.

— Я не люблю Ханекаву.

— Правда?

— Правда.

Давай предпочтём так думать.

Это самый лучший вариант.

«Ха-ха», — рассмеялся Ошино. Легкомысленный смех.

— Если тебя это устраивает, то ладно. Хотя я и пытался спросить, чувства старосты-тян важнее твоих. Неважно, что делал ты или Мартовская кошка, спасти себя можешь только ты сам. Кроме того, она не просила меня о помощи.

Не умея просить чего-то ещё.

Не умея просить.

— Она могла просто попросить меня, — сказал я, как полный неудачник.

Я должен был это сказать:

— Если бы она попросила, я бы сделал что угодно.

— Возможно, она считает тебя ненадёжным, — ответил Ошино, крайне честно, крайне жестко. — Как мне кажется, она скорее доверится собственной безумной идее. Или ей всё же стоило попросить тебя.

— Что?

— Если ты не просишь о помощи, это не значит, что ты не хочешь спасения. И точно также, если ты не говоришь, что тебе кто-то нравится, это не значит, что тебе этот кто-то не нравится, — произнёс Ошино Меме.

Как будто видел меня насквозь, как обычно.

— У каждого есть слова, которые он не может сказать просто так.

— ...

— Ха-ха. Неважно, просишь ты помощи или нет, в итоге только ты можешь спасти себя. Хотя печально, что новый вид Кайи был поглощён вампиром-тян и исчез. Всё-таки это был новый вид, мутация. Не ровня старому королю. Оригинальный, созданный самостоятельно Кайи слаб, пока не укоренится. Машины и татами хороши новыми, а Кайи — старыми.

— Король Кайи... вампир.

С этими словами я посмотрел на неё.

Однако она не смотрела на меня, просто тихо сидела.

— Хм. Всегда называть её вампир-тян или девочка-вампир, по-моему, совсем неправильно. К счастью, я смогу общаться с ней, кормя её пончиками «Мистер Донат». Посмотрим, как бы тебя назвать?

Я осознал, что заболтался, уроки почти начались, так что, не слушая Ошино, вышел из заброшенного здания и направился в школу.

Опаздывать не хотелось.

Если я опоздаю, Ханекава на меня разозлится.

Так что я отчаянно крутил педали — не волнуясь о том, смогу ли я говорить с ней, забывшей обо всём случившемся, когда встречу в школе.

Прибыв в школу в последнюю минуту, я бросил велосипед на стоянке. Лихорадочно поспешил в класс, пробежав по лестнице — но я не волновался.

Ханекава улыбнётся, как всегда.

И я был уверен, что улыбнусь в ответ.

Это потому что я не любил Ханекаву.

За всю жизнь я не скажу, что люблю тебя.

— Ханекава, — пробормотал я тихим голосом, так, чтобы никто не услышал.

Ханекава.

Ханекава-сан.

Однажды я влюблюсь не в тебя.

Впервые в жизни я влюблюсь не в тебя.

Теперь, когда ты научила меня любить других людей, день, когда я влюблюсь в кого-то другого, обязательно наступит.

Однако я думаю, что никогда не забуду эти залитые солнцем девять дней, которые забыла ты — я буду помнить их вечно, и чувства от меня не отстанут.

Неважно, какое будущее меня ждёт, что случится в нём — мои чувства к тебе никогда не изменятся и не исчезнут.

И вот так на Золотой Неделе, на третьем году старшей школы, в мае своего восемнадцатого года, сердце Арараги Коёми разбилось, но не из-за его первой любви.

Я поднялся по лестнице.

Примечания

1. В пословице речь идёт о двух кошках: первая съедает рыбу, лежащую на тарелке и убегает. Вторая приходит облизать тарелку, её ловят и наказывают.
2. "Свободно" (自由), "неуютно" (不自由)
3. Отсылка к ДжоДжо.
4. «Кульминация» пишется как «падать».